

О. М. ДАВУДОВ

**КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА
ЭПОХИ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗА**

О. М. ДАВУДОВ

КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

МАХАЧКАЛА 1974

instituteofhistory.ru

Ответственный редактор
доктор исторических наук В. Б. ВИНОГРАДОВ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОТ РЕДАКТОРА

В книге кандидата исторических наук О. М. Давудова изучаются археологические памятники Дагестана X—IV вв. до н. э. Задача эта актуальна, ибо неуклонное и довольно быстрое накопление соответствующих данных подразумевает необходимость квалифицированного их обобщения на нынешнем уровне научных знаний об этом периоде раннего железного века. Очевидная тематическая и источниковедческая близость к сравнительно недавно изданной монографии М. И. Пикуль¹ отнюдь не означает дублирования в разработке важной темы, т. к. исследование М. И. Пикуль было написано в 1963 году, и минувшее с тех пор время позволило значительно полнее и по-новому осветить круг вопросов, поставленных на повестку дня дагестанской археологией.

Изучение древностей раннежелезного века на территории Дагестана продолжается около 100 лет. Особенно активным оно стало в годы после Великой Отечественной войны. Видные археологи Москвы и воспитанные ими археологические кадры, работающие в Дагестане, охватили своими изысканиями многие памятники соответствующей эпохи. Весьма результативными были труды Е. И. Крупнова, К. Ф. Смирнова, Р. М. Мунчаева, В. И. Марковина, М. И. Пикуль, В. Г. Котовича. Около 10 лет вносит свой посильный вклад в дело археологического изучения Дагестана и автор данной книги, получивший профессиональную подготовку в аспирантуре Института археологии АН СССР под руководством выдающегося археолога и кавказоведа Евгения Игнатьевича Крупнова. Публикуемая работа подводит определенный итог этих усилий.

Основному содержанию книги предпосланы краткие, но добросовестно выполненные очерки, посвященные географической характеристике края и истории археологического изучения Дагестана эпохи раннего железа. Далее О. М. Давудов концентрирует внимание на исследовании

¹ См.: М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. Рец.: В. Б. Виноградов. — «Советская археология», 1969, 2, стр. 288—291.

материальной и духовной культуры, а также основ хозяйства и общественных отношений древнего населения Дагестана.

Автор впервые предлагает полную сводку всех ныне известных археологических памятников X—IV вв. до н. э. (бытовых, погребальных, культовых, случайных находок), среди которых многие совсем не опубликованы или опубликованы лишь частично, и уже в этом состоит явная ценность лежащей перед нами книги. Заслуживает одобрения и постоянное внимание его к вопросам, связанным с датировкой конкретных памятников и их групп, уточнение хронологического определения ряда объектов. Полезная информация содержится на фактически насыщенных страницах типологии и анализа отдельных групп предметов из культурных слоев поселений и городищ, погребального инвентаря, культовых находок. Интересны суждения о генезисе жилищ Дагестана эпохи раннего железа.

К числу перспективных можно отнести попытку выделения и характеристики двух хронологически близких и территориально связанных и взаимообусловленных групп памятников — северной и южной, за которыми, несомненно, скрываются важные этнокультурные процессы в среде местного населения. Первая из них, по мнению О. М. Давудова, генетически связана с местными памятниками эпохи поздней бронзы, вторая — тяготеет более к материалам Восточного Закавказья. Однако в этом плане автору постоянно нехватает исходных данных, что объективно мотивировано все еще неравномерной и недостаточной изученностью края. О. М. Давудов вполне отдает себе отчет в сохраняющейся (вопреки его стараниям) неполноте и дефектности источниковедческого багажа. И это справедливое критическое отношение автора к фактическим посылкам выводов побуждает и нас со значительной долей осторожности воспринять его намерение трактовать данные группы памятников как особые самостоятельные археологические культуры. Не приходится забывать, что выделение новых археологических культур — ответственная и трудная задача, ошибки в решении которой не только не исключены, но и неизбежны при недостаточном количестве материалов и их слабой изученности². Исследование же соответствующих памятников О. М. Давудовым — это только один из первых результативных шагов по обобщению и интерпретации пока еще скромной и небезупречной по составу коллекции материалов, нуждающейся к тому же и в дальнейшем углубленном сопоставлении с фоном окружающих и хронологически примыкающих культур. И если стремление автора проследить историю формирования и развития, дать характеристику южной группе памятников, именуемой им «мугерганской культурой», приобре-

² См.: М. И. Артамонов. Археологическая культура и этнос. Сб. «Проблемы истории феодальной России», Л., 1971, стр. 16—21.

таёт некоторые реальные основания³, то страницы, посвященные так называемой «зандакской культуре», выглядят схематично, базируются на выборочном материале и далеко не во всем убеждают. Их ценность состоит главным образом в том, что О. М. Давудову удалось доказательно опровергнуть возможность включения памятников типа Зандакского могильника в ареал кобанской культуры⁴ и показать единство ичкеринско-дагестанских древностей изучаемой эпохи. В этой связи следует оговорить и то, что оригинальная точка зрения В. Г. Котовича на место и датировку каякентско-харацоевской культуры (полностью разделяемая и многократно декларируемая О. М. Давудовым) не может, на мой взгляд, безоговорочно быть взята за окончательное и непререкаемое решение вопроса. До её развернутой публикации⁵, которая сделает возможной дискуссию по этому вопросу, не следует решительно открепиваться от иных версий трактовки самобытной и сложной для интерпретации культуры⁶. Во всяком случае, представляя работу О. М. Давудова и соглашаясь с его правом придерживаться одной из версий, я не могу не оговорить, что мои позиции по части понимания верхнего периода бытования каякентско-харацоевской культуры существенно отличаются от изложенных в данной книге⁷. И, очевидно, подобные разногласия преждевременно считать пережиточными. За ними скрывается недостаточность наших знаний о предмете диспута.

Содержательна последняя глава книги, написанная с использованием этнографических, историко-лингвистических, топонимических, фольклорных данных. Очерки развития местного земледелия и скотоводства, металлургии и металлообработки железа и бронзы, керамического производства, суждения о социально-экономическом уровне развития местных обществ, о духовной культуре и идеологии дагестанских племен раннежелезного века интересны, во многом свежи и доказательны.

Взаимоотношения автохтонных этнических групп с кочевниками южнорусских степей — еще один важный аспект исследования О. М. Давудова. Он критически оценивает существующие на этот счет точки зрения и предлагает свою (впервые столь подробную и мотивированную) картину этих контактов. Автор отступает от суммарной оценки

³ См. также: О. М. Давудов. Мугерганская культура. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, стр. 125—130.

⁴ См.: В. И. Козенкова. Раннекобанский могильник у сел. Сержень-Юрт. СА, 1969, 4, стр. 172 и сл.

⁵ До сих пор изданы только тезисы этих интересных суждений. См.: В. Г. Котович. Об историческом месте каякентско-харацоевской культуры. Тезисы докладов, посвященных исследованиям в 1970 году. Тбилиси, 1971, стр. 19—21.

⁶ См. например: В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности (каякентско-харацоевская культура). М., 1969.

⁷ См.: В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 264—283.

наличных материалов и пытается (вполне удачно в основном) охарактеризовать сменяющие друг друга этапы взаимоотношений, установить доминирующую роль того или иного ираноязычного этноса (киммерийцы, скифы, савроматы и пр.) в распространении на территории Дагестана элементов степной, северной культуры. Впрочем, и тут недостаточность и разрозненность отправных данных несколько обедняет общую картину.

Приложения, завершающие книгу, содержат ценные сведения о наиболее важных памятниках X—IV вв. до н. э. в Дагестане, малодоступные широкому кругу специалистов. Это дает возможность объективно проверить фактическую достоверность ряда посылок автора. Тщательно составленные иллюстрации знакомят читателя с основными археологическими материалами, исследуемыми в тексте работы.

В целом, книга О. М. Давудова является вкладом в дело археологического изучения Дагестана. Она полезна и для специалистов, изучающих археологию и историю смежных областей Северного Кавказа и Закавказья. Однако — это лишь удачное начало изучения дагестанских культур раннежелезного века. Предстоит еще шире и повсеместно развернуть разведки и раскопки всех видов памятников, особенно абorigенных могильников и поселений во «внутренних» горных районах, а также и кочевнических древностей северных степей и плоскостной зоны Дагестана. Постоянно растущий количественно материал необходимо во избежание неполноты учета структурных признаков культур и их своеобразных элементов подвергать исчерпывающей статистической обработке и коррелировать между собой не только отдельные памятники или создаваемые ими группы, но и все их вместе с синхронными объектами соседних территорий. Особого внимания требует проблема происхождения и генетических связей дагестанских культур раннежелезного века и вместе с тем уяснение хода, характера и последствий их контактов с культурами смежных областей и этносов.

Успешные шаги, уже сделанные в этом направлении, служат гарантией перспективности последующих изысканий, в которых и будут проверены, дополнительно обоснованы, а, возможно, и частично отвергнуты нынешние построения автора.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

Светлой памяти видного кавказоведа,
моего учителя Е. И. КРУПНОВА,
талантливых дагестановедов
Х.-М. О. ХАШАЕВА, Д. М. АТАЕВА
и М. И. ПИКУЛЬ посвящаю.

Введение

Период, начинающийся с появлением железа, является одним из наиболее важных периодов истории. Железо сменило все другие металлы и заняло в производстве господствующее положение, способствовало невиданному до сего времени подъему производительных сил и вызвало настоящую техническую революцию¹. Оно подняло земледелие и ремесло на качественно новую ступень развития, «...сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств... дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»².

Развитие производительных сил, вызванное освоением и внедрением в производство железа, привело к классовой дифференциации, позволило человеку сделать новый скачок в развитии материальной и духовной культуры, создать надстроечные институты, соответствующие производительным силам общества.

Если в северных областях Кавказа и наблюдается консервация старых производственных и общественно-политических укладов, то на юге — в значительной степени опережающие темпы развития общества. В начале первого тысячелетия до н. э. образовалось государство Урарту,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 295.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 168.

а в конце IV в. до н. э. возникают независимые и полунезависимые государства (Малая Армения, Араратское царство Софена, позже Великая Армения). В III в. до н. э. в Грузии образовались государства Колхиды и Иберия. На территории Восточного Закавказья, нынешнего южного Азербайджана, образуется государство Атропатена, а на территории нынешнего Северного Азербайджана и основной части Дагестана — сначала Союз племен, а потом государство албанцев. Союзы племен возникают и на Северном Кавказе.

В середине VII вв. до н. э. через территорию Дагестана в Малую Азию проходили скифские кочевые орды, в значительной степени определившие ход культурно-исторического развития племен всей юго-восточной Европы. В IV в. до н. э. на территорию Северного Кавказа проникают воинственные племена сарматов, оставившие неизгладимый след на материальной культуре оседлых Кавказских племен.

Греческие колонии, появившиеся на кавказском побережье Черного моря, вступали в торгово-экономические связи с местными племенами и распространяли здесь передовую античную культуру. В V в. до н. э. Ахеменидское государство проводит активную экспансионистскую политику, в результате которой многие кавказские государства оказались в сфере его влияния.

Дагестан в силу своего географического положения служил мостом, связывающим юго-восточную Европу со странами Закавказья и Ближнего Востока. Одновременно он должен быть рассмотрен в качестве окраины ближневосточно-закавказского мира цивилизации. Он перенимал культурные ценности и достижения передовых народов мира, творчески перерабатывая их, создавал свою оригинальную культуру. Изучение материальной культуры Дагестана эпохи раннего железа в ее развитии, выявление конкретных исторических процессов важно как для истории предыдущих и последующих периодов истории края, так и сопредельных с ней областей. В эпоху раннего железа складываются основные черты материальной и духовной культуры современных народов края. Этим и диктуется настоятельная необходимость изучения материальной культуры Дагестана эпохи раннего железа.

Источником для написания данной работы послужили материалы бытовых и погребальных памятников Дагестана X—IV вв. до н. э., случайные археологические находки из различных его районов. Появление этой работы стало возможным благодаря раскопкам старшего поколения дагестанских археологов. Считаю своим долгом отдать дань уважения памяти М. И. Пикуль и выразить В. Г. Котовичу благодарность за разрешение пользоваться материалами, добытыми им из различных памятников. Для сравнения привлечены материалы синхронных памятников юго-восточной Европы, Кавказа и Ближнего Востока.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ДАГЕСТАНА

При изучении истории любого общества, и в особенности древнего, необходимо учитывать географические факторы, от которых в значительной степени зависит ход его историко-культурного развития. Поэтому мы считаем целесообразным предпослать своему исследованию краткий географический очерк Дагестана.

Дагестан занимает северо-восточный склон Главного Кавказского хребта. На севере и северо-западе границы республики доходят до реки Кумы, до границ Ставропольского края. На западе он граничит с Чечено-Ингушской АССР, на юго-западе и юге — с Грузинской и Азербайджанской ССР. Границы эти проходят по водоразделу Главного Кавказского хребта и его отрога Андийского хребта, на юге — вдоль реки Самур. На востоке Дагестан омывается водами Каспия.

По переписи населения 1970 года всего из народностей Дагестана учтено 1.365 тыс. человек. Из них в границах самого Дагестана живут 1.060,8 тыс. человек, 304,2 тыс. человек — за его пределами, более всего — на территории Азербайджана и Грузии¹.

¹ Страна Советов. Биография роста. «Известия», № 90, 17 апреля 1971; Население нашей республики. «Дагестанская правда», № 146, 23 июня 1971 г.

Исходя из характера рельефа, исследователи выделяют четыре физико-географические зоны Дагестана: низменность, предгорье, внутренняя зона и высокогорье или альпийская зона².

Такое деление соответствует общему постепенному подъему уровня гор, благодаря чему некоторые исследователи и считают возможным перенесение на Дагестан разработанной А. А. Миллером для Северного Кавказа схемы развития хозяйства по вертикальным зонам³. Чрезвычайное разнообразие физико-географических условий, обилие диких труднодоступных хребтов с заостренными пиками и гребнями, глубоких ущелий, крутых осыпающихся склонов, разнообразных котловин и долин, наличие природных условий, характерных для самых различных зон нашей страны — от сухой степи и полупустыни на севере до субальпийских лугов и лиановых лесов на юге, от вечного снега до субтропиков — позволяют выделить внутри больших зон мелкие геоморфологические зоны со своеобразными физико-географическими условиями и определенной вертикальной зональностью⁴. Такая работа еще в 40-х годах была проделана С. В. Зонном⁵, однако его схема нуждалась в совершенствовании и не получила широкого применения. Вскоре сама идея оказалась забытой. В исторической науке выводы С. В. Зонна были применены В. Г. Котовичем⁶. Об основных из них мы и будем здесь говорить.

Низменность Прикаспия, состоящая из Терско-Кумской, Терско-Сулакской и Приморской частей, представляет наклонную к Каспийскому морю равнину с аллювиально-аккумулятивным рельефом, в течение четвертичного периода неоднократно подвергавшуюся трансгрессиям Каспийского моря⁷.

Терско-Кумская низменность представляет собой участки глинисто-солонцеватой безводной пустыни с огромным количеством мелких соленых озер и обширных площадей сыпучих песков в виде барханов и дюн.

² Б. Ф. Добрынин. Ландшафтные (естественные) районы и растительность Дагестана. МГО ОЛЕАЭ, вып. 1. М., 1925, стр. 5.

³ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. КСИИМК, 1946, XIII, стр. 184; А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, № 1—2, 1935, стр. 41—51.

⁴ В. В. Докучаев. Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899. Тифлис, 1899, стр. 88; Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926, стр. 20; А. Ф. Виктор и др. Дагестанская АССР. Учпедгиз, 1958, стр. 5; Н. А. Бобринский. Животный мир и природа СССР. М., 1949, стр. 145.

⁵ С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. М.-Л., 1946, стр. 49.

⁶ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. IX. Махачкала, 1961, стр. 279—297; его же. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 3, 1965, стр. 5—13.

⁷ А. Ф. Виктор и др. Ук. соч., стр. 28.

За исключением болотистой территории, заключенной между устьем р. Кумы и Брянской косой, на всей низменности имеется лишь скудная растительность⁸. Однако, судя по значительному количеству археологических памятников, расположенных в этом районе, в эпоху раннего железа здесь были исключительно благоприятные климатические условия⁹.

Терско-Сулакская низменность, состоящая, в свою очередь, из Кумьской плоскости и Присулакской низменности, имеет песчаную полупустынную поверхность, сложенную из мощной толщи аллювиальных отложений. Довольно обширная в северной части, она вблизи г. Махачкалы суживается до 3—6 км¹⁰.

От г. Махачкалы до устья р. Самур вдоль берега Каспия протягивается узкая полоса Приморской низменности. В районах г. Каспийска, сел. Мамедкалы и в устье р. Самур она достигает максимальной ширины (25—30 км), у мыса Буйнак и вблизи г. Дербента суживается до 2—3 км¹¹.

В степном районе и на побережье климат Дагестана носит континентальный характер, с жарким летом и относительно холодной зимой¹². в дельте Самура он приближается к субтропическому¹³. Растительность Приморской низменности разнообразнее Сулакско-Терско-Кумской низменности. Однако здесь тоже встречаются полынные и солончаково-полынные полупустыни и солончаковая растительность. В дельте р. Самур развиты лиановые леса¹⁴.

Плоскостной Дагестан характеризуется засушливостью, нарастающей в северо-западном направлении. На Терско-Кумско-Сулакскую низменность Каспийское море влияет скорее иссушающе, чем увлажняюще. Правда, здесь наблюдается некоторое почвенное увлажнение, благодаря грунтовым водам. Почва, как правило, засолена за счет выноса солей из пород.

Характер климата и сильная испаряемость действительно требуют здесь искусственного орошения. Необходимость орошения усиливается в Приморской низменности из-за близости горных хребтов, отражающих тепло¹⁵.

⁸ Там же, стр. 30.

⁹ Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и северо-западного Прикаспия. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 85.

¹⁰ К. К. Гюль, С. Власова, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Физическая география Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 30.

¹¹ Там же, стр. 31.

¹² А. А. Коростелев. Климат Дагестана. М.-Л., 1931, стр. 134.

¹³ Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала, 1955, стр. 37.

¹⁴ Там же, стр. 81.

¹⁵ С. В. Зонн. Ук. соч., стр. 54.

Низменность Дагестана является основным хлебным районом, северные, так называемые Ногайские степи — животноводческим¹⁶.

Горный Дагестан, напоминающий треугольник, протянут с северо-запада на юго-восток на 230 км. Собственно горный Дагестан состоит из предгорной полосы, внутригорной и высокогорной или альпийской зон.

Предгорье, шириной от 20 до 50 км, расположенное западнее низменной зоны, протянуто дугообразной полосой с севера на юг на расстоянии 260 км. Это область нарастающих возвышенностей и почти параллельных друг другу хребтов. Между ними расположены широкие долины (Талгинская, Параульская и др.), низины и котловины¹⁷, характеризующиеся своеобразными физико-географическими условиями.

По климату различают северную и южную половины Предгорья, а также нижнюю и верхнюю подзоны. Северная отличается умеренно-прохладным климатом, южная — климатом средиземноморского типа. В верхней подзоне предгорья климат более влажный, прохладный, чем в нижней.

Растительность нижней полосы предгорья характеризуется как степная. В верхней полосе растительность довольно пышная. В предгорье сосредоточены основные луга Дагестана. Его склоны покрыты сухой злаковой и полынно-злаковой растительностью, зарослями кустарников и полукустарников. Полоса лесов здесь тянется с северо-запада на юго-восток, охватывая почти все предгорные районы¹⁸.

Над поясом предгорья резко поднимаются горы внутреннего и альпийского Дагестана. Во внутреннем Дагестане встречаются антиклинальные, моноклинальные и синклинальные хребты, местами прорезанные глубокими ущельями. Имеются горные плато, ограниченные отвесными обрывами скал: Хунзахское, Гунибское, Арактау, Кегерское, Шунудаг, Колох, Рукельское, Турчидаг и др.

Высокогорный или альпийский Дагестан, примыкающий к водоразделу Главного Кавказского хребта, имеет горы высотой до 3500—4000 м над уровнем моря. Зона отличается сильной расчлененностью рельефа, создающей впечатление нагромождения хребтов. Эта часть включает две основные параллельно идущие цепи гор и их отрогов — Главный Кавказский хребет и Боковой хребет.

Наиболее высокие вершины гор (Аддала-Шухгель Меэр, Базар-Дюзи, Беленги, Диклос-Мта, Дюльтыдаг, Осука и др.) увенчаны белыми шапками ледников¹⁹. С горных высот берут начало Аварское, Андийское, Казикумухское и Кара-Койсу, сливающиеся в могучий поток реки

¹⁶ К. К. Гюль и др. Указ. соч., стр. 17, 26, 27.

¹⁷ Там же, стр. 33—36; Дагестанская АССР, стр. 15—18.

¹⁸ Дагестанская АССР, стр. 83—86.

¹⁹ К. К. Гюль и др. Указ. соч., стр. 52—57.

Сулак. Реки Самур и Сулак с притоками образуют грандиозные каньоны — Сулакский, Казикумухский, Голотлинский и др. и долины, отличающиеся благоприятными географическими условиями (вдоль Аварского Койсу — Ирганайская, Гимринская, Голотлинская, Бежтинская и др.; вдоль р. Андийское Койсу — Тлохская, Хиндахская, Дидойская и др., а также Левашинская и Акушинская долины). Сочетания горных хребтов, пиков и возвышенностей с речными каньонами и долинами образуют котловины со своеобразными, но благоприятными климатическими условиями. Наиболее своеобразны Ак-Гельская, Дидойская, Нукамлинская, Самурская и др. котловины (табл. 1) ²⁰.

Если на плоскости Дагестана климат носит резко континентальный характер, то в горах крайности сглаживаются: прохладное, сравнительно облачное лето и мягкая ясная зима. Климат в мелких зонах соответственно рельефу обретает зональный характер ²¹.

В горном Дагестане широко практикуется террасное земледелие. Почти вся территория предгорной зоны и бассейны рек подвергаются искусственному орошению. В степях южного и северного Дагестана выращивают рис, в плоскостном, предгорном, а также в долинах и котловинах горного Дагестана — виноград, плоды. В большинстве районов края культивируются озимая и яровая пшеница, рожь, ячмень, овес, просо, конопля, полба и картофель ²².

Население высокогорной зоны и Кераногайской полупустыни занимается почти исключительно скотоводством ²³. В остальных районах республики земледелие сочетается со скотоводством. Овцеводы высокогорного Дагестана перегоняют отары на зимние пастбища северного Дагестана или южного подножья Кавказского хребта.

В горах Дагестана имеются полезные ископаемые. Ныне из-за нерентабельности их не добывают, однако легко доступные залежи вполне могли удовлетворять потребности населения древнего Дагестана.

Немаловажное значение для развития культурно-экономических и этнических связей древних племен Дагестана с сопредельными кавказскими племенами имели горные перевалы, через которые проходили торговые пути.

Указанные географические факторы в определенной степени обусловили развитие материальной культуры дагестанских племен эпохи раннего железа. Племена Дагестана удачно использовали природные богатства страны, приспособлялись к суровым условиям гор и создали собственную своеобразную материальную и духовную культуру.

²⁰ Там же. Географический атлас Дагестанской АССР. Махачкала, 1964, карта 6

²¹ А. А. Коростелев. Климат Дагестана, стр. 134—135; Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР, стр. 84—85.

²² Б. Ф. Добрынин. Указ. соч., стр. 84—85, 87—90.

²³ Там же, стр. 91—93.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДАГЕСТАНА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

С XVIII в. русский царизм обращает свои колониальные взоры на Восток. На Кавказе стали появляться исследователи, целью которых было детальное ознакомление с краем, его историей, нравами и бытом. Однако археологические задачи исследователи не решали. Если им попадался какой-либо памятник, они ограничивались простой его констатацией. Работы, вышедшие в свет в конце XVIII—начале XIX вв., написаны на основании древних, довольно отрывочных письменных источников. В лучшем случае проводилось сравнение названий местностей, рек и народов с данными древних авторов. Между тем разрешение коренных вопросов древней истории восточного Кавказа невозможно без тщательных археологических исследований.

Некоторые археологические работы в Дагестане были развернуты в связи с подготовкой к V археологическому съезду. В районе Дербента в 1880 г. А. А. Русовым были раскопаны несколько десятков курганов первых веков н. э.¹, материалы которых до сих пор не опубликованы и хранятся в Государственном музее Грузии. В это же время в окрестностях Дербента проводил раскопки Н. О. Цилюсани, который обследовал 20 курганов². А. С. Уваров, посетивший Дагестан накануне V археологического съезда, определил обряд погребения в курганах, раско-

¹ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах в южном Дагестане. В АС, т. I, Труды предварительного комитета. М., 1882, стр. 545—621.

² Н. О. Цилюсани. Дневник раскопок, веденных в южном Дагестане. В, АС. Труды предварительного комитета. М., 1885.

панных А. Русовым и Н. Цилюсани, как «с расчленением», связывая это с зороастризмом, и датировал памятники серединой I тысячелетия до н. э.³ Выводы А. С. Уварова вошли в «Бытовую археологию» В. А. Городцова⁴. Впоследствии исследования Р. М. Мунчаева и К. Ф. Смирнова показали неверность этих выводов, а погребальные сооружения ими были отнесены к середине второго тысячелетия до н. э.⁵

В 1882 г. Дагестан посетил Д. Н. Анучин. В сел. Ратло (с. Ратлуб Советского района — О. Д.) он увидел бронзовую статуэтку сидящей женщины с ребенком на руках и описал ее⁶. Судя по его описанию, изделие относится к эпохе раннего железа.

В следующем году французский исследователь Г. Бапст, посетивший Дагестан по пути в Закавказье, провел небольшие археологические работы в Андийском округе. В его коллекции имеется статуэтка, относящаяся к интересующему нас времени⁷. Такие же статуэтки были найдены В. Росиковым при раскопках около сел. Кидеро Цумадинского района⁸. Дагестанские статуэтки были классифицированы А. Захаровым⁹, однако проблема их датировки до последнего времени оставалась неразрешенной¹⁰. Не выяснено также их назначение.

Вплоть до 30-х годов XX в. сколько-нибудь значительных раскопок памятников эпохи раннего железа на территории Дагестана не производилось. Музейные коллекции пополнялись случайными находками (А. М. Завадский — 1903 г.; А. К. Сержпутовский — 1910 г.; А. П. Млокосевич — 1911—1914 гг.). Из них наиболее интересны для нас антропоморфные бронзовые статуэтки из селений Тинди и Тисси Цумадинского района, статуэтка стоящей женщины с сосудом на груди из коллекции А. Сержпутовского, статуэтки с поднятыми вверх руками и подчерк-

³ А. С. Уваров. Курганы с расчленением близ Дербента. Тр. V АС, приложения, стр. 61—75.

⁴ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 339.

⁵ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент (Дагестанская АССР). МИА. 68, М., 1958, стр. 159.

⁶ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. «Известия Императорского русского географического общества», т. XX, вып. 4, СПб, 1884, стр. 443.

⁷ G. Bapst. Souvenirs du Caucase. Fouilles sur la grande chaîne. Rapport au ministre. Revue archéologique. III série, vol. V, Paris, 1885, p. 35—36.

⁸ Архив ГАИМК, д. 6, 1886.

⁹ A. A. Zakharov. Materials for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze, statuettes. Swiatowit. XV, Warszawa, 1933, p. 65—115.

¹⁰ А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИМК, XII, стр. 34—40.

нуто выраженными половыми признаками¹¹, а также ажурные бронзовые пряжки с изображением животных.

В 1922—1923 гг. при дорожных и строительных работах у селения Анцух Тляратинского района¹² были выявлены отдельные предметы, представляющие интерес для нашей темы: это бронзовые панцирные фибулы, подтреугольные пряжки и круглые ажурные умбоновидные бляхи. Отдельные предметы поступили и из Каратинского могильника (Ахвахский район), более точную дату которого удалось установить лишь после археологических работ 1956 г.¹³

В 1932 г. в связи с намечавшимся строительством Чиркейской ГЭС перед Академией истории материальной культуры встал вопрос о производстве полевых исследований в бассейне р. Сулак. В следующем году А. А. Иессен обследовал эту территорию. В его статье были детально описаны проведенные работы, установлены относительные даты памятников и дана их предварительная историко-культурная характеристика¹⁴.

Лишь в 1936 г. работами Северо-Кавказской экспедиции было начато планомерное археологическое исследование Дагестана с охватом всей его территории. В 1937 г. Чечено-Ингушский отряд экспедиции под руководством А. П. Круглова обследовал восточные районы Чечни и прилегающие к ней районы Дагестана, в частности культовые места у селений Арчо и Согратль. Он же приобрел бронзовую статуэтку лошади или мула из сел. Согратль. Из этого же селения в Дагмузей поступили бронзовые статуэтки женщины и теленка, найденные в 1934 г. при земляных работах на вершине горы «Росдал мезр»¹⁵. Эти работы имели большое научное значение. Результаты раскопок были освещены в ряде статей А. П. Круглова, в частности в статье «Культовые места горного Дагестана», где были датированы загадочные бронзовые статуэтки¹⁶.

¹¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, 68. М.—Л., 1958, стр. 70—71; ИАК, вып. 10, прибавление, 1904, стр. 16—17. (Материал хранится в ГИМ); А. А. Иессен. Работы на Сулаке. ИГАИМК, 110. М.—Л., 1935, стр. 35—37; Отчет ИАК за 1913—1915 гг., Птг., 1918, стр. 211; А. А. Закагов. Ук. соч., стр. 91, 92, рис. 90, 91; стр. 98, рис. 113, 114, стр. 100—102, рис. 119—123.

¹² М. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1969, стр. 84, табл. 6, 8, 4; А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 34.

¹³ М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ в 1956 г., ч. I. Архив ИА АН СССР, д. 1347 (I), 1347-а, стр. 81—86; М. Исаков. Ук. соч., стр. 88.

¹⁴ А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 29—39.

¹⁵ А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, XII, 1946, стр. 35, 36, 39, рис. 14, 16.

¹⁶ А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 31—40.

Работы Северо-Кавказской экспедиции были прерваны Великой Отечественной войной. Лишь после войны стало возможным возобновить работы. Начало планомерным исследованиям в Дагестане положил Е. И. Крупнов, возглавивший Северо-Кавказскую экспедицию. Им был исследован ряд важных объектов эпохи раннего железа. В Дагестане эти работы были продолжены экспедицией, организованной ИИМК, ГИМ, а также Дагестанским краеведческим музеем (под руководством К. Ф. Смирнова). За 1948—1951 гг. экспедиция в Дагестане проделала огромную работу: выявила и обследовала большое количество разновременных археологических памятников, в том числе и эпохи раннего железа (Карабудахкентский № 1, 3, 4 и Таркинский могильники)¹⁷. Первым памятником, ознакомившим нас с культурой Дагестана скифского времени, был Карабудахкентский могильник № 4¹⁸. Работы экспедиции усилили интерес к археологии Дагестана и способствовали подготовке местных кадров археологов.

С 1947 по 1951 г. с территории развеянных дюн Тарнаира (окрестности г. Махачкалы) В. И. Марковин собрал разновременный археологический материал, одна из групп которого относится к эпохе раннего железа¹⁹.

Начиная с 1951 г. археологические исследования на территории Дагестана проводятся силами ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. В результате достоянием науки стали многочисленные археологические памятники, относящиеся к различным историческим эпохам, в частности и памятники эпохи раннего железа. Получили освещение поворотные пункты истории Дагестана, вышли в свет фундаментальные работы по археологии республики.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, стр. 113—125; его же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, стр. 151—160; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, XLV, стр. 83—96; его же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, 23. М.—Л., 1951, стр. 226—272; его же. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, стр. 113—119; Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. Курганная группа у ст. Манас, СА, XXVI, стр. 167—203; их же. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент. МИА, 68, 1958, стр. 147—175; Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник (по материалам Агачкалинского могильника). КСИИМК, XLVI, стр. 101—109; его же. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э. КСИИМК, XLVIII, стр. 129—135 и т. д.

¹⁸ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент, стр. 170—173.

¹⁹ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, 67, стр. 117—125.

Свои исследования экспедиция ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР начинает с маршрутных разведок в северной части плоскостного Дагестана (1951 г.) и в бассейне р. Андийское Койсу (1952 г.). В числе других памятников в эти годы был выявлен Акрынский могильник около сел. Башлыкент Каякентского района²⁰.

В 1953 г. экспедиция работала в составе двух отрядов: северного (нач. М. И. Пикуль) и южного (нач. В. Г. Котович). Северным отрядом был выявлен и обследован могильник переходного от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени у селения Дагбаш (ныне Зандак Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушской АССР.). М. И. Пикуль определила дату могильника, подвергла анализу погребальный обряд, погребальные сооружения и инвентарь²¹.

Южным отрядом наряду с другими памятниками был обследован могильник скифского времени около селения Магамакентского района. В. Г. Котович определил хронологические рамки могильника VII—IV вв. до н. э. и по характеру материальной культуры сопоставил с синхронными памятниками плоскостного Дагестана²².

В целях активизации археологического изучения Дагестана в 1954 г. при секторе истории ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР была образована археологическая группа. Эта группа проделала большую работу по изучению древней истории Дагестана, что нашло отражение в соответствующих главах «Очерков истории Дагестана».

В 1954 г. на левом берегу р. Сулак был открыт могильник скифского времени, состоящий из каменных ящиков²³.

С 1955 г. археологи ИИЯЛ от небольших раскопок и разведок перешли к широким стационарным исследованиям. С целью сохранения для науки археологических памятников, оказавшихся в зоне строительства Чирюртовской ГЭС, в долине р. Сулак были развернуты широкие раскопки, продолжавшиеся вплоть до 1958 г. Из исследованных памятников к интересующему нас времени относится обследованное К. А. Бредэ Нижнесигитминское поселение конца второго—начала первого тысячелетия до н. э., материалы которого позволили установить время первоначального знакомства аборигенов северо-восточного Кавказа с процессом производства железа и охарактеризовать их материальную культуру.

²⁰ М. И. Пикуль. Отчет по археологическим работам за август—сентябрь месяцы 1951 г. РФ ИИЯЛ, д. 1987; еѐ же. Отчет по археологическим работам за 1952 г. РФ ИИЯЛ, д. 1988.

²¹ М. И. Пикуль. Дагбашский могильник. УЗ ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 298—319.

²² В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 121, 139—148.

²³ М. И. Пикуль. Научный отчет археологической экспедиции 1955 г. Архив ИА АН СССР, д. 1159, стр. 115—122.

туру²⁴. В 1956 г. около ж.-д. станции Алмало и у сел. Бавтугай В. И. Марковиным был собран подъемный материал эпохи раннего железа, а В. Г. Котовичем около селения Бавтугая был найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы скифского типа. М. И. Пикуль, исследовавшая это поселение, установила наличие здесь слоев лишь III—V вв. н. э.²⁵. По-видимому, она исследовала более поздние слои.

Параллельно с работами на плоскости проводились археологические исследования в горах, в частности, в 1956—1957 гг. подвергался исследованию Хабадинский могильник, расположенный у сел. Ругуджа Гунибского района. В статье, посвященной итогам работ на могильнике, М. И. Пикуль определила хронологические рамки памятника в пределах VI в. до н. э.—III в. н. э., выделила три слоя, каждый из которых отличается определенными особенностями, наметила генетическую связь памятника с культурой предшествующей эпохи, культурные и экономические связи с сопредельными племенами Кавказа и ираноязычными степняками²⁶.

Успехи, достигнутые в полевых исследованиях, заставили ученых выделить памятникам Дагестана соответствующее место среди памятников Кавказа. Так, в I томе «Очерков истории СССР», вышедшем в 1956 г., имеется глава «Закавказье в период возникновения рабовладельческого строя», где Дагестану начала I тысячелетия посвящен отдельный раздел. После характеристики каякентско-харахоевской культуры и занятий населения автор раздела Е. И. Крупнов делает вывод о достижении племенами Северного Кавказа, в частности и дагестанскими, в начале первого тысячелетия до н. э. лишь последней ступени в развитии первобытнообщинного строя, тогда как племена Закавказья уже имели политическую организацию государственности²⁷. Такой взгляд автора объясняется принятой в то время в научных кругах неверной датировкой каякентско-харахоевской культуры более поздним временем, из чего следует и более позднее освоение дагестанскими племенами производства железа. В. Г. Котович в «Очерках истории Дагестана», вышедших уже в 1957 г., на основании, надо сказать, довольно еще скудных материалов освещает коренные вопросы истории Дагеста-

²⁴ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии ИНИАЛ. Махачкала, 1959, стр. 25—27.

²⁵ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 151; М. И. Исаков. Ук. соч., стр. 40 (№ 517), табл. 6, 7; В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. Архив ИА АН СССР, д. 1351, стр. 75—76; 1351-а, табл. XVIII, II, 2.

²⁶ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 135—166.

²⁷ Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 198—200.

на эпохи раннего железа и указывает, что железо в Дагестане появилось в VIII в. до н. э.²⁸ Впоследствии он удревил эту дату. Очерк В. Г. Котовича в то время представлял важный шаг вперед по пути археологического изучения Дагестана эпохи раннего железа.

Успехи, достигнутые дагестанской археологической группой в изучении древнего Дагестана, актуальные проблемы, выдвинутые полученными материалами, специфика сложной истории самого края привели к необходимости улучшения организации работы археологов: был создан сектор археологии и этнографии (1958 г.). Это дало эффективные результаты: появились фундаментальные труды по разным периодам истории древнего Дагестана, многочисленные статьи, а также активизировались полевые исследования. Наиболее важны для нас работы на территории городища, расположенного около сел. Аркас Буйпакского района. Здесь было выявлено четырехугольное жилище, остатки кузнечной мастерской, оборонительные валы. Полученные материалы пролили свет на широкий хронологический диапазон истории Дагестана с конца II тысячелетия до н. э. до III в. н. э., позволили охарактеризовать материальную и духовную культуру того времени, связь с соседними оседлыми кавказскими и кочевыми степными ираноязычными племенами²⁹.

В 1958 году Северо-Кавказская археологическая экспедиция раскопала на границе Чечни и Дагестана могильник «Яман-су», состоящий из каменных гробниц позднескифского и сарматского времени³⁰, который генетически связывает культуру северо-восточного Кавказа эпохи раннего железа с памятниками предшествующего времени и наряду с другими памятниками юго-восточной Чечни и Северного Дагестана составляет особую группу.

В 1959 г. в Махачкале состоялась научная сессия, посвященная археологии Дагестана. В работе сессии приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку и др. городов³¹. Ряд докладов был посвящен эпохе раннего железа. Многие из них были впоследствии опубликованы во II томе «Материалов археологии Дагестана».

В докладе Е. И. Крупнова «К историко-археологическому изучению степного Дагестана» на основании разновременных материалов, в том числе скифо-сарматского времени, делается вывод о процветании жизни

²⁸ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 19—29.

²⁹ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 46—78, 149—151.

³⁰ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана. АЭС, т. II. Грозный, 1968, стр. 153—206; и х же. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, стр. 104 (№ 568).

³¹ Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.

на ныне мертвых пустынях северного Дагестана, указывает на причины образования пустынь и пути возрождения жизни на этой территории³².

В докладе К. А. Бредэ «Новые поселения на Сулаке» значительное место уделено Нижнесигитминскому поселению. Характеризуя культурные напластования и разнообразные находки поселения, автор устанавливает генетическую связь памятника с каякентско-харацоевской культурой, а также с позднесрубной культурой, определяет время первоначального знакомства с процессом производства железа³³.

Доклад, посвященный проблемам металлургии и металлообработки на территории Восточного Кавказа, сделал А. А. Иессен. Наличие в Дагестане собственной металлургии и металлообработки он обосновал нахождением здесь своеобразных типов изделий³⁴.

Наибольший интерес для нашей темы представляет доклад М. И. Пикуль «Эпоха раннего железа в Дагестане». В нем дана достаточно обоснованная периодизация эпохи, к каждому периоду отнесена определенная группа памятников. Временем появления железа в Дагестане М. И. Пикуль считает VIII—VII вв. до н. э. Характеризуя материальную культуру, она указывает на скифское влияние и связь с племенами Закавказья, на занятия населения, отмечает дифференциацию отдельных отраслей хозяйства, в частности выделение металлообработки в самостоятельное ремесло³⁵.

К работе сессии был выпущен I том «Материалов по археологии Дагестана». В него вошли статья В. Г. Котова «Новые археологические памятники южного Дагестана» и карта археологических памятников южного Дагестана М. И. Исакова, в которых имеются материалы о эпохе раннего железа в Дагестане³⁶.

В 1959 г. были начаты исследования памятников в урочище Шаракун (VI в. до н. э.—II в. н. э.), у сел. Мугерган (IX—сер. VII в. до н. э.), Мака (VII—IV вв. до н. э.), выявлены памятники в окрестностях сел. Верхнее Лобкомахы (V в. до н. э.—XIV в. н. э.), Цмур и Яраг³⁷.

³² Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению степного Дагестана. Тезисы докладов на научной сессии. Махачкала, 1959, стр. 40—42.

³³ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии, стр. 22—28.

³⁴ А. А. Иессен. Древние очаги металлургии и металлообработки на Восточном Кавказе. Тезисы докладов на сессии 1959 г., стр. 29, 30.

³⁵ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Тезисы докладов на сессии 1959 г., стр. 33—39.

³⁶ Материалы по археологии Дагестана, т. I, Махачкала, 1959.

³⁷ М. И. Пикуль. Итоги археологических разведок в южном Дагестане в 1959 г.—РФ ИИЯЛ, д. 100, ф. 3, оп. 3; её же. Раскопки в южном Дагестане в 1962 г. РФ ИИЯЛ, д. 161, ф. 3, оп. 3, стр. 99—133; Полевой дневник по раскопкам 1963 г.; В. Г. Котович. Отчет 2-го Чирюртовского отряда ДАЭ в 1959 г., РФ ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, д. 101, ф. 3, оп. 3.

В 1960—1964 гг. на территории Урцекского городища (около селения Уллубий-аул Ленинского района) производились раскопки Приморским археологическим отрядом под руководством В. Г. Котовича и при участии А. И. Абакарова (1961—1963 гг.), Д. М. Атаева (1961—1962 г.), К. А. Бредэ (1961—1963 гг.), В. М. Котович (1960—1962 гг.), М. Г. Магомедова (1962—1964 гг.), М. М. Маммаева (1962—1964 гг.), М. И. Пикуль (1960 гг.), Н. Д. Путинцевой (1960—1961 гг.), Г. С. Федорова (1963 г.) и Н. Б. Шейхова (1960—1961 гг.). С 1962 г. производились раскопки на одновременном городищу могильнике. Нижние слои памятников относятся к скифскому времени³⁸. В результате раскопок было получено значительное количество материалов, проливающих свет на новые стороны истории и культуры Дагестана эпохи раннего железа и раннего средневековья.

В 1960 г. выходит в свет обзорная статья В. Г. Котовича и Н. Б. Шейхова «Археологические исследования Дагестана за 40 лет», посвященная археологическим работам в республике со дня установления Советской власти и до 1959 г.³⁹ В главе, посвященной эпохе раннего железа, дается анализ материальной культуры, периодизация эпохи. Первоначальное знакомство древних дагестанских племен с процессом производства железа авторы относят не к VIII в. до н. э., как это сказано в «Очерках истории Дагестана», а к началу первого тысячелетия до н. э., причем в качестве «неоспоримого доказательства наличия в это время зачатков местной черной металлургии» они приводят находки железных шлаков на Дагбашском—Зандакском могильнике и Нижнесигитминском поселении⁴⁰. В материальной культуре VII—IV в. до н. э. они отмечают влияние скифов, высказываются о занятии населения и характере общественных отношений⁴¹.

В 1961 г. вышел из печати II том «Материалов по археологии Дагестана». Для нашей темы большой интерес представляют в этом томе статьи М. И. Пикуль «Хабаринский могильник» и К. Н. Золотова «Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по остеологическим данным)»⁴². О взглядах

³⁸ В. Г. Котович и др. Отчеты Приморской археологической экспедиции за 1960—1964 гг., РФ ИИЯЛ, д. 104 (и альбомы), 136, 136 а, б, в; 163 и альбомы 172, 172-а, б, в; 191 и альбомы, ф. 3, оп. 3.

³⁹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы). УЗ ИИЯЛ, т. VIII. Махачкала, 1960, стр. 322—364.

⁴⁰ Там же. Стр. 348—350; А. Иессен. Древние очаги металлургии и металлообработки..., стр. 29.

⁴¹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Ук. соч., стр. 322—364.

⁴² М. И. Пикуль. Хабаринский могильник. МАД. II. Махачкала, 1961, стр. 135—166; К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по остеологическим данным). МАД, II, стр. 287—292.

М. И. Пикуль уже говорилось выше. В статье К. Н. Золотова мы находим важные сведения о хозяйстве эпохи раннего железа.

Работы, опубликованные в сборнике, оказались важным подспорьем для разработки коренных проблем истории Дагестана.

В 1961 г. вышла в свет «История Дагестана» Р. М. Магомедова, где II глава «Дагестанские племена в период возникновения рабовладельческих отношений на Кавказе» посвящена эпохе раннего железа. Автор дает краткую историю закавказских племен (Урарту, Манна и Мидии), указывает на скифский поход через Дербентский проход⁴³.

В 1962 и 1963 гг. выходят в свет статьи Е. И. Крупнова, посвященные периодизации культур Северного Кавказа эпохи раннего железа. В них автор дает и схему развития материальной культуры Дагестана⁴⁴.

В 1962 г. Горным археологическим отрядом под руководством М. Гаджиева было выявлено и обследовано Гинчинское поселение № 2 эпохи раннего железа⁴⁵.

В 1965 г. отряд ИИЯЛ под руководством В. Г. Котовича производил разведки в горах и на плоскости Дагестана и выявил ряд интересных памятников эпохи раннего железа, в частности, могильник и городище в урочище Шах-Сенгер, Сенгер и др.⁴⁶. В следующем году этот же отряд при нашем участии производил раскопки на Шахсенгерском городище и могильнике и Хабадинском могильнике⁴⁷.

В 1966 г. опубликована книга М. Исакова «Археологические памятники Дагестана», где собраны воедино справочные данные о 1135 археологических памятниках Дагестана, 50 из которых отнесены к эпохе раннего железа⁴⁸.

В 1967 г. вышла в свет посмертно изданная монография М. И. Пикюль «Эпоха раннего железа в Дагестане». В книге обобщены и охарактеризованы памятники, выявленные автором в течение ее многолетней работы в Дагестане. Материалы освещаются по трем периодам, предложенным автором в предыдущих работах. Сравнительный анализ проведен на фоне материалов Евразии. В работе дана характеристика

⁴³ Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 27—30.

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Раннежелезный век Северного Кавказа. УЗ ИИЯЛ, т. XIV (серия исторических наук). Махачкала, 1965, стр. 300—341.

⁴⁵ М. Гаджиев. Отчет о работе Гинчинского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1962 г. Махачкала, 1963, РФ ИИЯЛ, д. 162, ф. 3, стр. 50—56.

⁴⁶ В. Г. Котович. Отчет о работе 3-го разведочного отряда ДАЭ в 1965 г. РФ ИИЯЛ, д. 225/3724.

⁴⁷ О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968, стр. 16—47; В. Г. Котович и О. М. Давудов. Отчет о работе I отряда ДАЭ в 1966 г., РФ ИИЯЛ, д. 3735.

⁴⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.

каждого периода. Отмечается влияние на материальную культуру местных дагестанских племен сначала скифов, а потом и сарматов. Освещаются вопросы хозяйства, верований, социальных и политических отношений населения. Определяется уровень культурных связей с племенами Закавказья и Северного Кавказа. Автор отходит от ранее высказанной точки зрения о наличии у горцев Дагестана эпохи раннего железа яйлажного скотоводства и говорит о его оседлом характере, допуская однако отдельные передвижения в пределах мест обитания родственных племен ⁴⁹.

Работа М. И. Пикуль является значительным шагом на пути археологического изучения Дагестана. Большой заслугой автора являются раскопки и первичная интерпретация многочисленных памятников, постановка интереснейших и важных вопросов по истории древних племен Дагестана. Благодаря ее работам стало возможно написание соответствующих глав I тома «Истории Дагестана». В частности на основании ее материалов Д. М. Атаев написал IV главу «Разложение первобытнообщинного строя». В небольшом очерке автору удалось не только резюмировать все то, что было достигнуто в истории исследования эпохи раннего железа, но и высказать ряд интересных положений. После характеристики эпохи раннего железа и определения роли железа «как революционного металла» автор переходит к анализу эпохи перехода от бронзового к железному веку, который он датирует рубежом II и I тысячелетий до н. э. Хозяйство изображается им как земледельческо-скотоводческое, достижения бронзолитейного производства оцениваются как блестящие. Причем указывается на очаги металлургии в Бежтинско-Дидойском районе. Автор говорит также о гончарном деле, костеобработке, ткачестве и выделке бурок, анализирует поселения и жилища, а также связи с сопредельными племенами. В главе говорится о распаде первобытнообщинных отношений и установлении организации военной демократии. Автор указал на роль скифов в развитии материальной культуры древних дагестанцев. Вслед за М. И. Пикуль автор приписывает Шаракунский могильник племенам каспиев ⁵⁰.

В 1967 г. I Горным археологическим отрядом ИИЯЛ под руководством В. Г. Котовича были проведены интересные работы на вновь выявленных памятниках эпохи раннего железа (Цыйшинское городище и могильник, Цыйшинское поселение № 2, Гургур-раальское поселение

⁴⁹ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 3, 102; см. также рецензию Б. Б. Виноградова на эту книгу (СА, 1962, 2, стр. 288—291).

⁵⁰ История Дагестана, т. I. Махачкала, 1967, стр. 86—117.

и Цархугоцинский могильник)⁵¹. В 1968 г. работы были продолжены на памятниках, расположенных в урочище Цыйша⁵².

В 1968 году вышла в свет брошюра автора этих строк, где освещаются вопросы добычи и обработки железа в древнем Дагестане и публикуются материалы раскопок на Шахсенгерском и Хабадинском могильниках⁵³.

В этой работе автор вслед за М. И. Пикуль доказывает наличие в Дагестане своей собственной металлургии и металлообработки, основанной на местной сырьевой базе, намечает этапы освоения железнотопительного процесса, указывает на роль скифов в процессе активизации производственных процессов. Им также дана характеристика Шахсенгерского могильника, определена его дата и место в ряду сопредельных памятников.

Описаны также погребальные сооружения Хабадинского могильника, определена дата памятника в рамках VI в. до н. э.—III в. н. э., намечена генетическая связь памятника с предшествующими по времени памятниками, приведены данные о влиянии скифов, савроматов и сарматов на аборигенов⁵⁴.

В 1964 году Верхнечирюртовским археологическим отрядом под руководством М. Г. Магомедова был выявлен бытовой памятник вблизи сел. Кегер Гунибского района. Им же определена дата памятника в пределах эпохи раннего железа⁵⁵.

Довольно полную характеристику материальной культуры, хозяйства, социально-политических отношений племен эпохи раннего железа дал В. Г. Котович в исследовании «Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана». В этой же работе им предпринята важная попытка определить место и хронологические рамки каякентско-харачоевской культуры⁵⁶.

При написании данной работы для сравнения привлечены материалы, выводы и положения, изложенные в трудах по истории мате-

⁵¹ В. Г. Котович. Отчет от работе I-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г. Махачкала, 1968, РФ ИИЯЛ, д. 236, 3777.

⁵² В. Г. Котович, М. Маммаев. Отчет о работе горной археологической экспедиции в 1968 г., РФ ИИЯЛ, д. 312, ф. 3, оп. 3 и альбом.

⁵³ О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968.

⁵⁴ Там же, стр. 3—15.

⁵⁵ М. Г. Магомедов. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции. РФ ИИЯЛ, д. 288, ф. 3, оп. 3.

⁵⁶ В. Г. Котович. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 258, 258-б, в, 280, 292, 327; его же. Об историческом месте каякентско-харачоевской культуры. Тезисы докладов, посвященных итогам полвека археологических исследований в 1970 году в СССР. Тбилиси, 1970, стр. 19—21.

риальной культуры сопредельных территорий, особенно в фундаментальных исследованиях Е. И. Крупнова, Б. В. Техова, В. Б. Виноградова, Е. П. Алексеевой, Б. А. Куфтина, Р. М. Абрамишвили, Т. Н. Чубинишвили, Б. Б. Пиотровского, А. А. Мартиросяна, Н. В. Минкевич-Мустафаевой, В. А. Ильинской, Н. А. Членовой и мн. других. Особо следует остановиться на монографии В. И. Марковина «Дагестан и горная Чечня в древности», материалы и положения которой служили опорой для нашей работы.

Таким образом, в итоге длительного археологического изучения Дагестана эпохи раннего железа накоплен значительный материал, позволяющий поставить и разрешить ряд проблем. Однако опубликованные работы (в том числе и монографического характера) далеко не достаточны для отражения сложной и многогранной истории эпохи, наполненной бурными событиями. Своей работой мы надеемся внести вклад в разрешение проблем истории материальной культуры Дагестана первой половины первого тысячелетия до н. э.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Выше мы уже говорили о тех революционных изменениях, к которым привело появление железа. Несмотря на это от времени первоначального знакомства человека с этим металлом до времени его широкого употребления прошло значительное время. В Месопотамии и Египте первые железные изделия появились в начале второго, а отдельные изделия из метеоритного железа — даже в четвертом тысячелетии до н. э. В восточном Средиземноморье оно стало известно в середине второго тысячелетия до н. э., в южных областях Европы — в начале первого тысячелетия до н. э.¹ А широкое распространение железо получило значительно позднее. В Закавказье первые железные изделия появляются в XIV—XIII вв. до н. э., но массовое его внедрение в быт происходит в начале I тысячелетия до н. э.² На Северном Кавказе железо появляется в начале первого тысячелетия до н. э.³

¹ Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 179; А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 365—376; Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА. М., 1958, № 4, стр. 4 и сл. G. Childе. New Ancient East. London, 1934, p. 114; его же. The Dawn of European civilization. London, 1950, p. 83.

² Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.). Вестник ГИ Грузии им. акад. С. А. Джанашиа, т. XXII-в, 1961, стр. 377—378.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 112, 113; Б. Н. Граков. Старейшие находки..., стр. 4; В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИИ, 98, 1964, стр. 87; М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 15.

Дагестан в своем культурно-историческом развитии шел теми же путями, что и соседние закавказские родственные племена. Это было обусловлено сходными культурно-историческими судьбами и географическими условиями⁴. Как окраина закавказско-ближневосточного мира цивилизации Дагестан в своем культурно-историческом развитии чуть опережал Северный Кавказ и юго-восточную Европу⁵. И первоначальное знакомство древних племен Дагестана с железом следует ожидать вместе с закавказскими племенами и раньше северокавказских. Это тем более очевидно, что Дагестан представлял собой важный стратегический пункт, через который ближневосточно-закавказские цивилизации связывались со странами юго-восточной Европы. И все культурные импульсы, исходящие из передовых центров Передней Азии, в большинстве случаев в Восточную Европу шли через территорию Дагестана. Да и в этно-культурном отношении племена Дагестана были ближе к закавказским племенам, чем северным. К тому же сами северные племена больше могли ориентироваться на передовые цивилизации Ближнего Востока и Закавказья. При этом трудно ожидать, чтобы дагестанские племена были в стороне от этих контактов. Наиболее ранние следы железоделательного производства в Дагестане документированы находками железного шлака, полученного сыродутным методом на территории Нижнесигитминского поселения конца II—начала I тысячелетия до н. э.

К. А. Бредэ датировал Нижне-Сигитминское поселение первой четвертью I тысячелетия до н. э.⁶, Е. И. Крупнов — XII—X вв. до н. э.⁷, В. И. Марковин — 1100—900 гг. до н. э.⁸ На поселении встречены корчаговидные сосуды типа «А» по классификации К. Ф. Смирнова или

⁴ А. А. Захаров. Кавказ, Малая Азия и эгейский мир. Некоторые археологические параллели. Тр. секции археологии РАНИОН, П.-М., 1928, стр. 34, 38—40; А. М. Tallgren. Caucasian monuments. The Kazbek Treasure. ESA, V, Helsinki, 1937, p. 160; V. Muller. Frue plastir in Griechenland und vovdevasian. Augsburg, 1929.

⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 32.

⁶ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке, стр. 22—24; его же. Отчет о раскопках археологических памятников на г. Сигитма в 1956 г. Архив ИА АН СССР, д. 1616; его же. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижне-Сигитминском поселении и городище, а также о разведках на прибрежных полосах низовьев Сулака. Архив ИА АН СССР, д. 1590; его же. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследование Сигитминского нижнего поселения в 1958 г. Архив ИА АН СССР, д. 1840.

⁷ Е. И. Крупнов. Ранний железный век Северного Кавказа. УЗ ИИЯЛ Дар. ФАН СССР, т. XIV. Махачкала, 1965, стр. 339—341; его же. A propos de la cronologie de l'age du fer au Caucase. VII congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. M., 1962, p. 3—13.

⁸ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. МИА, 122. М., 1969, стр. 81—85.

I типа по классификации В. И. Марковица, характерные для памятников каякентско-харачоевского облика, но не характерные памятникам зандакского облика. Однако на поселении найдены и обломки сосудов с вертикальной декоративной обмазкой, типичные для Зандакского могильника, но не характерные каякентско-харачоевским памятникам. Поэтому конец бытования каякентско-харачоевской культуры — начало I тысячелетия до н. э. представляется нам наиболее вероятной датой памятника. Следовательно в конце второго и начале первого тысячелетий до н. э. древние металлурги Дагестана впервые ознакомились с процессом производства железа. Видимо в это время железо рассматривалось как драгоценный металл. Косвенно на это указывает название железа у аварцев «махх», одновременно обозначающее и железо и буסיца (украшение).

Первоначальное знакомство человека с железом должно было состояться или во время поиска медной руды, или в процессе плавки меди и бронзы⁹.

Для плавки железа с некоторой оговоркой пригодны были усовершенствованные печи, в которых раньше плавил медь и бронзу. А такие печи в Дагестане эпохи бронзы широко употреблялись. Их наличие привело исследователей к выводу о существовании в Дагестане высоко-развитого очага бронзовой металлургии и металлообработки, основанных на базе местных рудных залежей¹⁰. К тому же в Дагестане встречаются своеобразные бронзовые предметы, произведенные в местных бронзолитейных очагах.

Таким образом, появление производства железа было подготовлено самим ходом развития материальной культуры местных племен эпохи бронзы.

Первые железные изделия из дагестанских памятников подражают скорее местным типам бронзовых изделий предшествующих эпох, а не привнесенным из Закавказья. Таковы браслеты, головные булавки со свернутым в спираль навершием, наконечник копья (Мугерган), умбонovidные пряжки и наконечники стрел из Шахсенгерского могильника, головные булавки и псалы из Аркасского городища¹¹. Все это может свидетельствовать о местном зарождении железоделательного произ-

⁹ В. Г. Котович. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана (рукопись).

¹⁰ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965, стр. 222—229; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет, стр. 348; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 73—77; А. А. Иессен. Древние очаги металлургии и металлообработки на Восточном Кавказе, стр. 29—30.

¹¹ О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре..., стр. 7, рис. 2.

водства, к чему склонялась М. И. Пикуль¹². Однако нельзя игнорировать возможность проникновения идей производства железа из Закавказья, в частности из Шохдок-Карадагского очага, где впервые начали производство этого металла¹³. Тем более, что контакты закавказских и дагестанских племен были довольно тесными во все времена.

Другим необходимым условием развития местной металлургии считается наличие доступных для разработки залежей руд. Геологами обследованы в Дагестане три группы сидеритовых залежей: Южнодагестанская, Центральноедагестанская и Северодагестанская¹⁴. Железнодорожные выходы с древними разработками выявлены в полосе сидеритовых залежей, в частности около сел. Татляр, Дербентского района, Тутляр, Чумли, Янги-кент Каякентского района, Атлы-Боюн, Талги, Карабудахкент Ленинского и В. Казанище Буйнакского района¹⁵. Содержание железа в сидеритовых рудах Дагестана довольно низкое. Присамурские сидериты содержат 10—20% железа, а сферосидериты — 20—25%, Казардикамские — 5%, Текиндагские — 23—29% (Южнодагестанская группа); Кокмачайские — 8—25% (Центральноедагестанская группа); Зурамакентские — 30—33%; Чиркатинское — 8—28% (Северодагестанская группа). Однако содержание железа легко повышается при предварительном обжиге руды. Во всяком случае потребности древних металлургов местные залежи вполне могли удовлетворить.

Третьим условием, необходимым для развития местной металлургии, является наличие местной топливной базы.

Лесные массивы Дагестана вполне могли обеспечить топливом потребности железоплавильных печей. Тем более, лесные богатства древности были более значительными, чем в настоящее время: среди

¹² М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 15.

¹³ А. А. Зворикин, Н. И. Осипов, В. И. Чернышев, С. В. Шухардян. История техники. М., 1962, стр. 43, 44.

¹⁴ В Южнодагестанскую группу входят Казардикамская, Присамурская, Штульская и Текиндагская залежи, расположенные на восточном окончании Самурского хребта и занимающие водораздельную часть рек Самура и Кураха. Рудоносная толща Казардикамской залежи обнажается в присводной части Казардикамской складки. Рудоносная толща Текиндагской залежи обнажается на северо-западной складке г. Текиндаг. В Центральноедагестанскую группу месторождений входят Кокмачайская и Каракойсуйская залежи. Рудоносная толща залежи обнажается в районе р. Кокмачай, а Каракойсуйская — в долине р. Кара-койсу. В Северодагестанскую группу входят Зурамакентская и Чиркатинская залежи. У Зурамакентской залежи имеются выходы между селениями Инче и Зурамакент, на левом берегу р. Сулак (длиной 5 км), в районе г. Кара-тубе (длиной 5 км), в районе сел. Идрис (4—5 км) и Кафыр-Кумух (4 км). Чиркатинские залежи имеют выход рудной толщи в районе верховьев реки «Магомедил РУХI». См. Ч. М. Халифа-заде, С. М. Абасова. Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963, стр. 13, рис. 3.

¹⁵ Е. Н. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Т.-Хан-Шура, 1875, стр. 330—313, 390—400; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 94.

жителей отдельных селений существуют предания, связанные с дремучими лесами там, где ныне отсутствуют даже редкие кустарники¹⁶.

Таким образом, на территории Дагестана существовали благоприятные условия для развития местной металлургии железа, основанной на собственной сырьевой базе.

Добыча и первичная обработка железа, как уже упоминалось, документирована находкой шлака железа, обработанного сыродутным методом, на упомянутом выше Нижнесигитминском поселении конца II—нач. I тысячелетий до н. э., ям, «откуда в древности добывали железную руду и плавилы железо», около сел. Муги, а также куч шлака возле таких же Капкайкентских ям (Башлыкентский сельсовет Каякентского района)¹⁷.

Таким образом, по вышеприведенным материалам можно заключить, что первоначальное знакомство древних дагестанских племен с железом произошло в конце II—нач. I тысячелетий до н. э. Однако мы не можем безоговорочно принять эту дату за начало эпохи раннего железа. По справедливому высказыванию Г. Чайлда, она наступает с распространением эффективного метода плавки железа, когда из него стало возможно производство в массовом количестве орудий труда и оружия¹⁸. Время же производства из железа некоторых видов оружия и предметов украшения надо определять как переходное от эпохи бронзы к эпохе раннего железа время.

Впервые орудия труда из железа встречаются на Шахсенгерском, Зандакском могильниках в комплексах IX—VIII вв. до н. э. С этого времени железо получает широкое распространение. Эпоха широкого распространения железа по этапам развития материальной культуры, социально-экономических и политических отношений разделены на два этапа: ранний и поздний. Поздний этап, условно названный албано-сарматским (по определению К. Ф. Смирнова), не затрагивается в данной работе.

В переходное же от эпохи бронзы к эпохе раннего железа время и на раннем этапе широкого распространения железа в Дагестане с охватом территории юго-восточной Чечни имеются культуры, которые на юге характеризуются Мугерганским, а на севере — Зандакским могильниками.)

¹⁶ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 89.

¹⁷ К сожалению Мугинские и Капкайкентские ямы до сих пор не исследованы, и мы приводим их как побочное свидетельство наших высказываний, основанных на археологических материалах, полученных из раскопок.

¹⁸ V. Gordon childè. The story of Tolls. Story of sciences series, Ltd, p. 15.

[Зандакский могильник вместе с Ак-ярским В. И. Марковин включал в состав каякентско-харачоевской культуры¹⁹. По характеру погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря к Зандакскому и Ак-ярскому могильникам примыкает Шахсенгерский могильник. Однако все они далеки от каякентско-харачоевской культуры, в состав которой В. Б. Виноградов включает и более поздние могильники горной Чечни (Ичкерии) — Яман-су, Балан-су и др.²⁰, также, на наш взгляд, далекие от памятников каякентско-харачоевского облика.

Ниже мы попытаемся доказать несостоятельность включения и Мугерганского, Зандакского и др. ичкеринских могильников в состав памятников каякентско-харачоевской культуры.

Территориально, хронологически и по характеру культуры в группу памятников Зандакского типа входят Нижнесигитминское поселение, Шахсенгерское и Аркаское (нижние слои) городища.

Нижнесигитминское поселение расположено на берегу р. Сулак, у подножья горы Сигитма, недалеко от сел. В. Чирюрт (табл. II). Памятник открыл и раскопал К. А. Бредэ. Им были выявлены пять многокамерных жилых комплексов с глинобитными стенами, воздвигнутыми на каменном основании²¹. Планировка нескольких жилищ характеризуется сочетанием прямых углов с овальными. На территории Дагестана такая планировка встречалась на памятниках второго тысячелетия до н. э.²² и бытует вплоть до наших дней. Пол комнат земляной. Очаги круглой или квадратной формы обычно расположены по углам комнат или у стен. В двух случаях очаги имели шестигранные формы. Исследователи рассматривают их как культовые. Почти каждая из комнат имеет очаг, а некоторые и ограждения для хозяйственных целей (табл. III, IV).

Дверные проемы оставались в основном с юга. Встречались дверные пьюты: очевидно, практиковались деревянные двери с выступающими по краям низа и верха стержнями. Такие двери и ныне бытуют в домах

¹⁹ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности, стр. 18, 28.

²⁰ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 266—283.

²¹ К. А. Бредэ говорит лишь о 4-х комплексах, но при близком изучении нам удалось установить наличие здесь не 4-х, а 5-ти комплексов. Автор раскопок, фиксируя некоторые стратиграфические особенности жилых сооружений, отметил неразбериху в одном из комплексов, где мы проследили последовательное возведение жилых сооружений. Неразбериха, о которой говорил К. А. Бредэ, исчезает, когда в жилище видится не один, а два комплекса.

²² В. И. Каннивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ, т. III. Махачкала, 1957, стр. 158; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 20—26, рис. 4.

дагестанских горцев (в хозяйственных помещениях и хлебах). Они найдены на поселениях эпохи бронзы (В. Гуниб, Ирганай, Усиша)²³. Оформление дверного проема с пятой широко практиковалось в древнейшем Закавказье и Передней Азии²⁴.

Оформление дверей с южной стороны является мерой, направленной на использование солнечного тепла. Такая традиция дагестанского домостроительства берет свое начало с эпохи камня²⁵.

Судя по материалам, из которых воздвигнуты поселения эпохи бронзы и изучаемого времени, основным строительным материалом в горах был камень, на плоскости — глина, а в предгорье — сочетание того и другого. Простым общинникам, как указывал И. И. Пантюхов, сподручнее было использовать такой материал, какой казался им наиболее удобным и выгодным²⁶.

Таким образом, и техника строительства, и планировка жилищ, и интерьер указывают на генетическую связь жителей, оставивших Нижнесигитминское поселение, с аборигенами Дагестана эпохи бронзы. Некоторое влияние срубной культуры на производство керамики и возведение глинобитных домов, о котором говорил К. А. Бредэ, возможно, является результатом культурного общения оседлых дагестанских племен со срубниками²⁷. Вместе с тем, если такие связи действительно имели место, то странным представляется отсутствие у срубников металлургических изделий, сделанных из кавказского сырья²⁸.

Находки с поселения представлены фрагментами керамики, зерпо-терками, костяными проколами, костями животных и кусками шпалаксы эпохи каякентско-харачоевской культуры — начала I тысячелетия до н. э. (табл. V, VI).

Шахсенгерское и Аркасское городища исследованы сравнительно слабо, особенно свои начала первого тысячелетия до н. э. Поэтому к нашим знаниям о материальной культуре этого времени они добавляют лишь сведения о том, что древние аборигены Дагестана для возведения поселений выбирали места сравнительно труднодоступные

²³ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 73—74; В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркеевского отряда ДАЭ в 1959 г.; Д. М. Атаев, М. Гаджиев, М. Н. Погребова. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1959 г.

²⁴ См. литературу по этому вопросу у В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 74.

²⁵ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 99—211.

²⁶ И. И. Пантюхов. О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 13.

²⁷ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке, стр. 22—24; его же. Отчеты за 1956, 1957 и 1958 гг.; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 77—88.

²⁸ Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. — МИА, 172, М., 1970, стр. 114—115.

и близкие к стратегически важным пунктам] Аркаское городище и Нижнесигитминское поселение, например, находятся на путях, соединяющих плоскостной Дагестан с горной его частью; Шахсенгерское — на месте, где соединяется путь, проходящий по берегу Каспия, с путем в сторону гор. Более того, оба городища расположены в сравнительно труднодоступных местах, близких к природным богатствам (табл. II) ²⁹.

[Погребальные памятники, близкие к Зандакскому могильнику, да и сам могильник] опубликованы далеко не полностью. Поэтому нам приходится здесь ограничиться лишь беглым обзором, основанным на опубликованных материалах. В основу наших суждений положены материалы, полученные с Шахсенгерского и Алярского могильников.

Основным типом погребальных сооружений этих могильников является каменный ящик близкой к квадрату формы. Стенки таких ящиков сделаны из вертикально установленных песчаниковых плит. Перекрытие состоит из таких же плит. Иногда на этих могильниках встречаются отдельные грунтовые могилы. Каких-либо наружных признаков над могилами не обнаружено (табл. VII, I).

В ящиках Зандакского, Алярского и Шахсенгерского могильников захоронены от одного до трех и более человек. Причем в одиночных могилах костяки лежали скорченно на левом или правом боку (женские — на левом, мужские — на правом). Иногда в ящик с двумя костяками положен третий в сидячей позе. В некоторых случаях останки ранее захороненных были аккуратно отодвинуты в сторону и освобождено место для нового покойника. Детские костяки лежали вытянуто на спине.

Могилы на Зандакском могильнике ориентированы с северо-востока на юго-запад и с севера на юг, образуя правильные ряды. Детские погребения обращены с севера на юг. Костяки на Шахсенгерском могильнике обращены головами на запад, на Алярском — на юг или на север ³⁰.

²⁹ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 46—48; В. Г. Котович, О. М. Давудов. Отчет о работе I горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1966, Архив ИА АН СССР, д. 3419.

³⁰ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА, 98. М., 1964, стр. 84; его же. Дагестан и горная Чечня..., стр. 15—114; его же. Материалы по археологии горной части восточной Чечни. АЭС, т. III, вып. III (история), Грозный, 1966, стр. 124—126; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, 100. М., 1965, стр. 46; В. И. Марковин. Работы (Нагорного) отряда в Чечне в 1963 г. «Полный научный отчет СКАЭ в 1963; его же. Работы I нагорного отряда в 1962 г. «Полный научный отчет СКАЭ в 1962 г.; М. И. Пикуль. Дагбашский могильник. УЗ ИИЯЛ, т. IX. Махачкала, 1961, стр. 296—319; её же. Отчет по археологическим разведкам в северном Дагестане. Архив ИА АН СССР, д. 639; О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре..., стр. 16—24; В. Г. Котович, О. М. Давудов. Уж. отчет за 1966 г.

Такие же традиции наблюдаются на могильниках северного Дагестана и юго-восточной Чечни (Ичкерии), в частности на Втором присулакском, Яман-су, Балан-су и др. могильниках скифского времени. На этих могильниках господствуют каменные ящики (в качестве исключения иногда встречаются и грунтовые могилы), расположенные правильными рядами. В ящиках захоронены по 2, 3, 4 или даже до 7 человек. Костяки лежат, как правило, на боку, а в коллективных могилах кости ранее захороненных отодвинуты к стенке или к углу, освобождая место для нового покойника. Только мужчины уложены на правом боку, женщины — на левом.

Погребенные ориентированы на юг, реже на юго-запад или юго-восток³¹.

В. Б. Виноградов в составе ичкеринских памятников скифского времени с выше упомянутыми признаками называет поселения Эрсен-Кортовское, Ялхой-Мохское, Таузенское, Цонтароевское горное, Замни-юртовское и могильники Галайтинский, Мескетинский, Ялхой-Мохские I и II, Гордалинский, Курен-Бенойский, Бети-Мохские 1—3, Ножай-юртовский I, Гендергеновский, Хаттунинский, Веденский, Ца-Веденский и Гуннийский³².

К особенностям погребального обряда этого периода относится захоронение коня вместе с человеком (Зандак). Около погребенных встречены также кости быка, коровы, телят, свиньи, барана, овцы и собаки. Возле черепа и конечностей погребенных встречаются угольки. В одном случае наряду с угольками встретилась красная охра.

Наиболее многочисленным материалом этих комплексов является керамика. В основном она лепная, толстостенная. Изготовлена из обезжиренной глины с включением примеси шамота, песка или раковин крупного помола. Сосуды обожжены слабо и неравномерно: цвет их на одном и том же сосуде переходит порой от красного в коричневый с серым оттенком в промежутке. Часть лепных сосудов заглажена, часть обмазана жидкой глиной. Причем обмазка нанесена на поверхность сосудов вертикальными полосами. Это резко отличает анализируемую керамику от каякентско-харачоевской. От каякентских необмазанных сосудов отличаются и заглаженные сосуды наших памятников. Орнамент на них налепной и резной геометрический. Налепы украшаются зашипами и семечковидными, круглыми или четырехугольными вдавливаниями. Порой на одном и том же сосуде встречаются и резной и налепной орнамент.

Часть сосудов, в частности приземистые и вытянутые баночные изделия, усеченно-конические чашки — «плошки» (табл. VI; VII, 16, 21,

³¹ В. Б. Виноградов. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 264—283.

³² Там же, стр. 266.

22), являются типично каякентско-харачоевскими³³, но здесь они встречаются как пережиточные. Новыми для наших памятников являются большие корчаги, банки-стаканы, ковши³⁴, а также тонкостенные сероглиняные горшки со сферическим туловом, узким дном и пухлым венчиком.

Металлический инвентарь из анализируемых памятников довольно резко отличается от каякентско-харачоевского.

На Зандакском могильнике найдены бронзовые черешковые кинжалы с треугольными вытянутыми клинками³⁵. Два таких же кинжала, выявленные при строительных работах в окрестностях селения Кули Кулинского района, хранятся в школьном музее сел. Кули (табл. VII, 12). Еще два кинжала, приобретенные А. Л. Млокосевичем в Кази-Кумухском округе, хранятся в ГЭ (инв. № 1741/9, 10).

На Зандакском могильнике найден втульчатый остролистный бронзовый наконечник копья³⁶. Один такой же наконечник хранится в Дагестанском краеведческом музее (точное место нахождения неизвестно — табл. VII, II), четыре, приобретенные А. Л. Млокосевичем в сел. Турчи Лакского района, хранятся в ГЭ (инв. № 1741/2, 3, 4, 5). Наконечники копий из железа, выявленные на ичкеринских памятниках скифского времени, подражают бронзовым образцам (имеются и скифского облика)³⁷. Ни одна из этих форм вооружения в памятниках каякентско-харачоевского круга не обнаружена. Их привлечение к анализу вместе с инвентарем этой культуры А. П. Кругловым и В. И. Марковиным³⁸ ничего не доказывает и отражает лишь взгляды авторов на хронологию каякентско-харачоевских памятников.

На Зандакском³⁹ и Шахсенгерском могильниках встречены бронзовые и железные наконечники стрел типа «площиков». Причем на Шахсенгерском могильнике они в одном комплексе сочетаются (табл. VII, 17—19). Бронзовые «площики» в Закавказье широко распространены еще с эпохи бронзы, а железные появляются там в VII в. до н. э. (ком-

³³ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 42—59, рис. 24, 5—12, 25, 1—15.

³⁴ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник Яман-су..., стр. 153—189, рис. 7, 10, 19 б; их же. Могильники сарматской эпохи..., стр. 37—67, рис. 1, 1; 3, 1—4; 4, 3; 7, 1; 10, 5; 12, 1; 15; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-восточный Кавказ..., стр. 273—276, рис. 50, 15; 55, 1—5; 56, 1—6; 57, 1, 2; 58, 8, 9; 62, 8—10; 63, 11; 65, 1, 3, 5.

³⁵ М. И. Пикуль. Дагбашский могильник, стр. 301—302, 305, табл. III, 1, 3.

³⁶ В. И. Марковин. Новые материалы..., стр. 80, рис. 24, 1.

³⁷ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-восточный Кавказ..., стр. 278—279.

³⁸ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ..., стр. 75, рис. 18; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 99—102, рис. 41.

³⁹ М. И. Пикуль. Ук. соч., стр. 304, рис. III, 2.

плекс из сел. Аули Грузинской ССР), а на Северный Кавказ попадают в VI в. до н. э.⁴⁰. В Дагестане они, по-видимому, появляются в первой половине VII в. до н. э. Во всяком случае, исследованные нами комплексы Шахсенгерского могильника, где встречены и бронзовые и железные «площики», судя по отсутствию компонентов скифской материальной культуры (хотя могильник и расположен на пути их продвижения), датируются временем до середины VII в. до н. э.

На Зандакском, Шахсенгерском и Акярском могильниках встречены разнообразные по форме и величине бронзовые и железные бляшки. Зандакские бляшки до сих пор не опубликованы. Одна из шахсенгерских блях сделана из бронзы и имеет полусферическую поверхность, украшенную концентрическими линиями, другая сделана из железа и имеет такую же полусферическую форму.

Довольно многочисленны браслеты из бронзы и иногда из железа.

Встречаются образцы из круглой в сечении проволоки с разомкнутыми концами, аналогичные образцам из каякентско-харачоевских комплексов⁴¹.

Бронзовые браслеты из пластинчатой проволоки представлены образцами с разомкнутыми, расширяющимися, заходящими друг за друга стилизованными зооморфными концами (табл. VII, 15), а также браслетами из овальной проволоки с расплюснутыми концами, украшенными по наружной поверхности поперечными насечками. Пластинчатые браслеты с зооморфными концами встречены на Серженьюртовском поселении и Зандакском могильнике⁴².

В единственном экземпляре представлена шейная гривна из витой четырехгранной проволоки, концы которой согнуты в петельки. Она найдена М. И. Пиккуль на Зандакском могильнике⁴³.

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 200; его же. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. М., 1947, стр. 25, рис. 22, 7, 8; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 76, рис. 85, 2, 3; его же. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 48, 49, табл. XXV; Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 111, рис. 16, табл. IV, XVII, № 2 5532; В. В. Врублов. Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии. Тбилиси, 1877, табл. I, рис. 1—3, 8; А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван. 1954, стр. 75.

⁴¹ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 62—65, рис. 27; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ..., стр. 71, рис. 16, 10, 13, 47, 9, 10; 62, 10, 11; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник «Яман-су»..., стр. 168—172; их же. Могильники сарматской эпохи..., стр. 47—48.

⁴² В. И. Козенкова. Отчеты о раскопках на Серженьюрте; В. И. Марковин. Новые материалы по археологии..., стр. 84, рис. 25, 6.

⁴³ М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник, стр. 305, табл. IV, 12.

В большом разнообразии имеются бронзовые подвески. Особенно много их на том же Зандакском могильнике⁴⁴. Среди них оловянные из тонкой круглой проволоки, кольцевидные из круглой тонкой проволоки с заходящими друг за друга обрубленными концами, многовитковые кольцевидные (табл. VII, 7). Имеются наконечники и спиральки. Из всех предметов украшения лишь спиральки и наконечники встречают аналогию среди инвентаря каякентско-харачоевской культуры.

Таким образом, из материальной культуры Зандакского могильника и близких ему памятников в каякентско-харачоевской культуре встречаются аналогии формы погребальных сооружений в каменных ящиках, погребения в скорченном на левом или правом боку или сидячем положении, отдельные керамические изделия, некоторые образцы браслетов, спиральки и наконечники. Различий же намного больше. На памятниках Зандакского типа господствует скорченная на боку поза костяков, однако в отличие от каякентско-харачоевских мужчины уложены на правом, а женщины на левом боку. На каякентско-харачоевских могильниках не встречен обряд отодвигания костей ранее захороненных, освобождая место для нового покойника. На памятниках зандакского облика и каякентско-харачоевских памятниках встречается обмазка поверхности сосудов густой глиной. Но каякентско-харачоевская обмазка бессистемная, а зандакская нанесена вертикальными полосами, что придает сосуду декоративность. Иногда на памятниках зандакского облика встречаются сосуды с бессистемной обмазкой, но они здесь пережиточные. На памятниках зандакского типа обнаружено много совершенно новых форм керамических изделий, неизвестных ранее. Много также новых форм вооружения (копья, кинжалы, стрелы) и украшений (браслетов, подвесок, бляшек и др.). Памятники зандакского облика оставили племена, находящиеся на более высоком культурном и общественном уровне развития, чем каякентско-харачоевцы. Следовательно, включение Зандакского могильника и близких ему по культуре памятников в состав каякентско-харачоевских надо считать ошибочным. В наши задачи не входит передатировка каякентско-харачоевских памятников. Это довольно сложная и трудоемкая проблема, при разрешении которой многие ученые ломали копья. Отметим лишь то, что каякентско-харачоевская культура древнее, чем анализируемые нами памятники зандакского типа. Более того, за каякентско-харачоевской культурой хронологически следует Талгинский могильник⁴⁵. Он же предшествует Зандакскому могильнику. На более серьезной научной основе проблема удрев-

⁴⁴ Там же, стр. 305, табл. IV, 6—11, 13—18; см. отчеты В. И. Марковина за 1962—1964 гг.

⁴⁵ М. И. Исаков. Талгинский могильник. КСИИМК, 67. М., 1957, стр. 126—132.

нения каякентско-харачоевской культуры, как уже говорилось, разрешена В. Г. Котовичем.

Металлический инвентарь памятников зандакского типа находит аналогии среди инвентаря кобанской культуры или синхронных объектов Закавказья, однако мы не видим оснований включать сами эти памятники в состав какой-либо из кавказских культур. На наш взгляд, это вполне самостоятельная особая культура. По наиболее выразительному и хорошо изученному памятнику этой культуры мы бы условно назвали ее *зандакской*.

Нижнюю дату этой культуры следует искать где-то в конце II и начале I тысячелетий до н. э., а верхнюю — в конце IV—начале III в. до н. э.)

Шахсенгерский могильник датируется IX — первой половиной VII в. до н. э.⁴⁶ Территориально и хронологически к нему примыкает Аяярский могильник. М. И. Пикуль и В. И. Марковин датируют Зандакский могильник рубежом II и I тысячелетий до н. э. — VIII в. до н. э.⁴⁷ Однако последние находки В. И. Марковина позволяют довести дату могильника до кануна скифских походов. В частности на это указывает железный нож из погребения № 19 и бронзовые двукольчатые удила с трехпестельчатыми псалиями (погр. № 38)⁴⁸, а также отсутствие на могильнике компонентов степных культур. Второй Присулакский могильник М. И. Пикуль датировала скифским временем⁴⁹. Эта дата не вызывает у нас возражения. Эрсен-Кортоское, Ялхой-Мохкское, Таузенское, Цонтароевское горное, Замни-Юртовское поселения и Галайтинский, Мескетинский, Яман-су, Балан-су, Ялхой-Мохкские 1 и 2, Гордалинский, Курен-Бенойский, Бети-Мохкские 1—3, Ножай-юртовский 1, Гендергеновский, Хаттунинский, Веденский, Ца-Веденский, Гунийский могильники В. Б. Виноградовым датированы VII—IV вв. до н. э. Отдельные их комплексы охватывают и сарматское время⁵⁰.

Таким образом, зандакская культура датируется концом второго — началом первого тысячелетий до н. э. — IV в. до н. э.

В данном довольно обзорном очерке мы не ставим задачу наметить этапы развития культуры и подробно охарактеризовать особенности каждого из них. Отметим лишь то, что на начальном этапе идет процесс

⁴⁶ О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре и производстве..., стр. 23; В. Г. Котович и О. М. Давудов. Ук. отчет.

⁴⁷ М. И. Пикуль. Дагбашский могильник, стр. 317; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 82—84.

⁴⁸ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии, стр. 87.

⁴⁹ М. И. Пикуль. Отчет за 1955, Архив ИА АН СССР, д. 1159, стр. 115—122.

⁵⁰ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-восточный Кавказ..., стр. 266; его же и В. И. Марковина. Могильник «Яман-су»..., стр. 164—181; и х же. Могильники сарматской эпохи..., стр. 46—54.

первоначального освоения железа и материальная культура развивается в тесной связи с сопредельными кавказскими культурами, а на последующем этапе на территорию Северного Кавказа проникают степные ираноязычные кочевые племена скифов и савроматов, которые оказали на местные культуры ощутимое влияние.

На раннем этапе своего формирования зандакская культура была распространена на значительной территории. На севере она граничила с синхронной кобанской культурой приблизительно по линии сел. Гуни—Курчалой—Ишхой-юрт и далее к г. Хасавюрту, по которой В. И. Марковин проводил границу каякентско-харачоевской культуры⁵¹. На юге она доходила до Апшеронского полуострова, где Г. Аслановым собраны материалы, характерные зандакской культуре, в частности лепная керамика с вертикальной обмазкой⁵². Памятники хаджалло-кедабекской культуры севернее р. Куры не распространены. Возможно южная граница зандакской культуры проходила севернее р. Куры, соприкасаясь с хаджалло-кедабекской культурой.

В IX в. до н. э. на юге Дагестана появляется культура, характеризующаяся Мугерганским могильником. К концу скифского времени она получает распространение на территорию почти всего Дагестана. Зандакская культура оттесняется на север.

МУГЕРГАНСКАЯ КУЛЬТУРА

В настоящее время накоплено довольно много материалов, позволяющих охарактеризовать культуру памятников, группирующихся вокруг Мугерганского могильника и определить их место среди синхронных культур.

М. И. Пиккуль и В. И. Марковин включили Мугерганский могильник в состав памятников каякентско-харачоевской культуры⁵³, хотя общего

⁵¹ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 78.

⁵² Приношу Г. Асланову благодарность за любезное предоставление мне возможности ознакомиться с выявленными им на Апшеронском полуострове материалами. Он связывает эти находки с каким-то новым условно названным им прикаспийским вариантом хаджалло-кедабекской культуры. И. Г. Нариманов и И. С. Шихвердиев, исходя из старых представлений о синхронности каякентско-харачоевской, хаджалло-кедабекской и кобанской культур, относят эту территорию к ареалу каякентско-харачоевской культуры (И. Г. Нариманов, И. С. Шихвердиев. Археологические материалы эпохи бронзы из Кубинского краеведческого музея.— «Археологические исследования в Азербайджане», сб. статей, Баку, 1965, стр. 93). Их точку зрения разделяет В. И. Марковин (В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня, стр. 29, 82, 85).

⁵³ М. И. Пиккуль. Мугерганский могильник. МАД, III, Махачкала, 1973, стр. 44—50; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 84—85.

между ними значительно меньше, чем между каякентско-харахоевской и предполагаемой нами зандакской культурами.

Материальная культура, характеризующаяся Мугерганским могильником, представлена следующими бытовыми и погребальными памятниками (табл. VIII).

Бытовые памятники

На территории Дагестана выявлены и частично исследованы следующие бытовые памятники.

1. Бавтугайское поселение расположено в 500—600 м к северу от сел. Бавтугай Кизилюртовского района, на обрывистом левом берегу р. Сулака. В 1956 г. исследовано В. Г. Котовичем⁵⁴, позже — М. И. Пикуль. Нижний слой поселения по керамическим остаткам бурого цвета и бронзовому трехперому наконечнику стрелы датируется V—III вв. до н. э., а верхние слои III—V вв. н. э.

✓ 2. Урцекское городище находится в 3—4 км к юго-западу от сел. Уллубий-аул Ленинского района, в урочище, от которого оно и получило свое название. С 1960 по 1964 гг. Приморский археологический отряд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР производил раскопки памятника. Была установлена трехчленная планировка городища (цитадель, шахристан и рабад), причем каждая из частей городища обнесена оборонительными стенами. Выявлено несколько культурных напластований. Нижний слой датируется скифским временем, средний — албано-сарматским, верхний — раннесредневековым.

На подступах к городищу имеется несколько рядов оборонительных сооружений⁵⁵. Дата памятника VI в. до н. э. — VII вв. н. э.

✓ 3. Шам-Шахарское городище находится недалеко от Урцекского городища. По характеру материальной культуры и хронологии памятник идентичен с Урцекским, уступая ему своими размерами⁵⁶. Один лепной красноглиняный сосуд черепаховидной формы, выявленный на этом городище, хранится в музее Даггосуниверситета (табл. VIII).

✓ 4. Аркасское городище находится в урочище «Нах меэр», в 3 км к юго-западу от одноименного селения Буйнакского района. В 1958 г. раскопки производила М. И. Пикуль.

⁵⁴ В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г. Архив ИА АН СССР, д. 1351, стр. 75—76; д. 1351-а, табл. XVIII, 11, 12.

⁵⁵ В. Г. Котович и др. Отчет за 1960—1964 гг.; М. Г. Магомедов. Древние и оборонительные сооружения Дагестана. Автореферат канд. диссертации. Махачкала, 1970, стр. 7—8.

⁵⁶ Р. М. Магомедов. Легенды и факты. Махачкала, 1963, стр. 55—59.

С юго-запада городище ограждено двумя параллельно идущими валами (длина сохранившейся части — 100 м, высота — 0,7—1 м, расстояние между валами — 30 м), насыпанными из земли и перекрытыми сверху панцирем из плит и камней (толщина 40 см). У основания вала найден обломок керамического сосуда серо-красного оттенка с туловом, обмазанным жидкой глиной и украшенным по краю чуть отогнутого венчика щипковым орнаментом.

На городище обследованы остатки прямоугольного в плане турлучного жилища, воздвигнутого на каменном основании. Пол вымощен плитами. У северо-западной стены жилища обнаружен очаг с золой в виде обмазанной ямы. Вход в помещение оформлен с юга.

На северо-западной окраине расчищены остатки мастерской по выплавке и обработке железа. Здесь встречены куски обмазки плавильных печей или горнов, сопел, шлаки, фрагменты железных шильев, бракованные изделия и т. п.

Культурные слои памятника перемешаны.

Автор раскопок разделяет материал памятника на разные хронологические этапы, а в целом памятник датирует концом эпохи поздней бронзы — албано-сарматским временем. Несмотря на обнаруженные оборонительные ограждающие валы, М. И. Пикуль называет памятник поселением⁵⁷.

5. Гургул-рагIлинское поселение. Находится в 3 км к северо-западу от сел. Согратль Гунибского района. Памятник обследован в 1967 г. В. Г. Котовичем.

Около средневековой крепостной стены выявлен культурный слой с предметами материальной культуры (керамика, костяные наконечники стрел, форма для отливки наконечников стрел типа «площик») эпохи раннего железа⁵⁸.

✓ 6. Гинчинское поселение № 2. Расположено на высокой надпойменной террасе берега речки Гидерил-Ор, протекающей мимо колхозного хутора Гинчи сел. Мачада Советского района.

Поселение открыто и обследовано в 1962 г. М. Г. Гаджиевым. Им выявлен жилой комплекс из трех смежных комнат прямоугольной планировки. Инвентарь представлен лишь керамическими остатками. Датируется памятник эпохой раннего железа⁵⁹.

⁵⁷ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 46—78, 149—151.

⁵⁸ В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г. РФ ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 236/3777, стр. 50—53.

⁵⁹ М. Г. Гаджиев. Отчет о работе Гинчинского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г. Махачкала, 1968, РФ ИИЯЛ. ДагФАН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 236/3777.

✓ 7. Цыйшинское городище. Расположено на подтреугольном выступе, зажатом потоками рек Цуйшийял-нех и Хьатта-рать, в 2—3 км к западу от сел. Цыйша Кулинского района.

Памятник выявлен и обследован в 1967 г. В. Г. Котовичем.

Выступ, на котором находится памятник, представляет собой естественное укрепление, а пологие северная и южная стороны ограждены оборонительными стенками, сложенными из крупных блоков.

На городище собран керамический материал. Дата памятника — вторая половина первого тысячелетия до н. э. — начало первого тысячелетия н. э.⁶⁰

✓ 8. Цыйшинское поселение № 2. Расположено в 1 км к ССЗ от сел. Цыйша Кулинского района. По своему характеру и особенностям расположения оно напоминает одноименное городище, отличаясь от него лишь меньшими размерами и отсутствием оборонительных комплексов. На поселении собран керамический материал, свойственный городищу⁶¹

✓ 9. Пенжинское поселение. Находится в 500—600 м к юго-востоку от сел. Пенже Табасаранского района, на горном склоне, переизрезанном полотном строящейся дороги. Памятник обследован В. Г. Котовичем. В разрезах двух культурных напластований им собран керамический материал второй половины первого тысячелетия до н. э. — раннего средневековья⁶².

✓ 10. Городище Кала. Расположено в 4—5 км от сел. Шиназ Рутульского района, у места впадения р. Кала-чай в р. Самур.

Из нижних слоев средневекового городища В. Г. Котович собрал керамику эпохи раннего железа⁶³.

• 11. Макинское поселение. Расположено в 800 м к северо-западу от сел. Мака Магарамкентского района, на плоской возвышенности Серарпел. Поселение выявлено и раскопано (в 1959 и 1961 гг.) Южным археологическим отрядом ИИЯЛ под руководством М. И. Пиккуль.

В двух изолированных друг от друга стерильной прослойкой культурных напластований ею выявлены остатки бытовых комплексов.

В нижнем слое расчищен комплекс из трех камер. В одной из них обнаружена печь типа «кор». Пол в этой комнате обмазан глиной. Другая камера рассматривается как двор⁶⁴. На наш взгляд комплекс пред-

⁶⁰ В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г., Махачкала, 1968, РФ ИИЯЛ, д. 236/3777, ф. 3, оп. 3.

⁶¹ Там же, стр. 31—32.

⁶² Его же. Отчет о работе 3-го разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г., Махачкала, 1965, стр. 11—12.

⁶³ Там же, стр. 44—45.

⁶⁴ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 78—82.

ставляет собой жилище (с жилым и хозяйственным помещениями) малой семьи.

В верхнем слое найдены остатки стен жилых сооружений и простой очаг открытого типа в виде квадратной обмазанной глиной ямы с золистым заполнением.

Инвентарь представлен остатками керамических изделий, зернотерками, пестами, а также костями коровы, быка, барана, овцы, свиньи, осла, оленя, кабана, дикой козы, зайца, барсука, собаки. Дата поселения VII—IV вв. до н. э., причем, первый слой относится к VII—V вв. до н. э., а второй — V—IV вв. до н. э.⁶⁵⁾

✓ 12. Городище Арал. Находится в 6—7 км к юго-востоку от сел. Ашага-стал Касумкентского района, на правом берегу р. Гюльгери-чай, в урочище Арал. В нижних слоях этого памятника В. Г. Котович собрал керамический материал VII—IV вв. до н. э.⁶⁶

✓ 13. Цмурское поселение. Расположено в 400 м к северо-западу от сел. Цмур Касумкентского района, на пологом склоне первой террасы левого берега реки Гюльгери-чай. В 1959 г. М. И. Пикуль собрала здесь керамический и остеологический материал и куски обожженной глины. Поселение относится к эпохе раннего железа⁶⁷.

Таковы бытовые памятники эпохи раннего железа Дагестана.

Изучение их показывает, что при выборе места для поселения или городища руководствовались соображениями безопасности, близости к источникам воды и кормовым базам, а также к удобным для обработки земельным угодьям. Планировка жилищ производилась с учетом возможности использования солнечного тепла.

Нижнесигитминское поселение конца II—начала I тысячелетия до н. э. не имеет искусственно возведенных оборонительных сооружений. Однако бытовые памятники VII—IV вв. до н. э. в основном обнесены оборонительными комплексами (земляными валами, обложенными сверху плитняком). Именно так загорожены подступы к Аркасскому и Шахсенгерскому городищам. Техника сооружения валов находит аналогии на скифских бытовых памятниках юго-восточной Европы⁶⁸.

К скифскому времени относится оборонительная архаичная стена из нижних слоев Урцекского городища, построенная из циклопических блоков. На Верхнегунибском поселении конца третьего—второго тысячелетий до н. э. встречены оборонительные каменные стены, пока еще

⁶⁵ Там же, стр. 82—88.

⁶⁶ В. Г. Котович. Ук. отчет за 1965 г., стр. 19—20.

⁶⁷ М. И. Пикуль. Итоги археологических разведок в южном Дагестане в 1959 г. РФ ИИЯЛ, д. 100; ф. 3, оп. 3, стр. 65.

⁶⁸ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА. 104. М.—Л., стр. 48—145; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36. М., 1954, стр. 49.

не отделенные от жилых комплексов. По технике сооружения урцеские стены генетически связаны с памятниками предшествующих эпох истории материальной культуры Дагестана, в частности с оборонительными стенами Верхнегунибского поселения. Материальной культуре дагестанских аборигенов чужды земляные валы Аркасского и Шахсенгерского городищ. Скорее всего они появились в Дагестане благодаря влиянию ираноязычных степняков, совершавших походы в Закавказье и Ближний Восток через приморский Дагестан и Дербентский проход, а местные племена плоскостного и предгорного Дагестана, очевидно, перенимали эту технику именно из-за ее относительной легкости сооружения и простоты.

Трудно установить характер взаимоотношений дагестанских племен со скифскими кочевниками. Во всяком случае, в начале их появления в степях Северного Кавказа столкновение с местными племенами подтверждается материалами многих раскопок, в частности и Сержень-Юртовского поселения (Чечено-Ингушетия)⁶⁹. Наконечники стрел скифского типа извлечены из черепа, найденного у 4-го Рыбзавада, около сел. Каякент. В «Картлис цховреба» указывается на столкновение родов Кавкаса и Таргомосиан с хазарами (скифами), на их становление данниками хазар (скифов)⁷⁰.

По-видимому, местные племена быстро сумели оправиться от первых скифских ударов. В VII в. до н. э. после ухода скифов в Переднюю Азию возникают новые бытовые и погребальные памятники (Макинское поселение и могильник, Карабудахкентский могильник № 4 и др.). В скифское время здесь появляются оборонительные сооружения скифского типа (Аркас, Шахсенгер). Надо полагать, в это время возникает новая опасность для оседлых дагестанских племен, по всей вероятности, от новых степных племен, близких по материальной культуре скифам. Однако вскоре отношения степных и местных племен, видимо, наладились. Местные племена воспринимают у кочевников наиболее рациональные формы их вооружения, образ ведения животноводческого хозяйства, некоторые технические традиции возведения оборонительных сооружений и т. д. Некоторые дагестанские племена появляются в античных источниках под именем «скифских».

Значительный интерес представляют жилые сооружения и техника их возведения. Изучение разновременных археологических бытовых памятников позволяет разделить территорию Дагестана на три строи-

⁶⁹ В. Б. Виноградов. Тайны минувших времен. М., 1966, стр. 11—17; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 71—78.

⁷⁰ М. Джанашивили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, XXII. Тифлис, 1897, стр. 10—11; А. И. Шавхелишвили. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. Приложение.

тельные зоны: горная, где основным строительным материалом был камень; плоскостная, где основным строительным материалом была глина, и предгорная, где глинобитные стены укреплялись включением мелкого камня.

Наше деление подтверждается на примере эпохи бронзы и средневековья. Надо оговориться с самого начала: строгое зональное распределение распространяется лишь на жилища простых общинников, а не классовой верхушки. Простой общинник пользуется наиболее доступным и удобным материалом. На плоскости, где лес и камень труднодоступны, а глина в изобилии, на первое место среди стройматериалов становится саман (сырой кирпич из глины); в скалистых горах, где мало глины, камень занимает ведущее место, а в предгорье — они сочетаются (в глинобитную стену строитель включает мелкие камни)⁷¹. Это объективные условия, с учетом которых общинник-строитель мог построить себе жилище. Однако нельзя исключить восприятие извне местными племенами тех технических приемов, которые были выгодны в определенных конкретных районах Дагестана. Каменное домостроительство имеет глубоко местные корни, а глинобитная кладка привнесена в Дагестан еще носителями куро-аракской культуры⁷². Несколько чуждым для Дагестана этого времени представляется строительство глинобитных стен с включением мелкого камня (Нижнесигитминское поселение). Аналогии таким техническим приемам К. А. Бредэ находил в бытовых памятниках срубных племен и племен восточного Закавказья⁷³. Возможно, это следует рассматривать как свидетельство культурных связей племен Восточного Кавказа и срубников. Не исключена возможность появления такой техники и в результате взаимовлияния двух вышеупомянутых строительных приемов.

Сочетанию овальных и прямых углов в планировке жилых комплексов Нижнесигитминского поселения также можно найти аналогии в бытовых памятниках Дагестана предшествующих эпох⁷⁴.

Значительный интерес представляют очаги. Родовитость семьи в Дагестане связывалась с сохранением огня-очага. Порою огонь для

⁷¹ И. И. Пантюхов. О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе, стр. 13; М. - З. О. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. IX, стр. 241; С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 112—113; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; стр. 145—218; М. И. Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала. 1967, стр. 135—158.

⁷² В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 91—99.

⁷³ К. А. Бредэ. Ук. соч., стр. 25 и сл.

⁷⁴ В. М. Котович. Ук. соч., стр. 90—99, 20—26, рис. 4; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ, т. III. Махачкала, 1957, стр. 158.

очага передавался дочери по наследству⁷⁵. У очага каждый член семьи имел свое место, в зависимости от положения в семье. Такая роль очага, несомненно, имеет глубокие корни. Изменение форм очага и его места в помещении тесно переплетено с развитием архитектурных сооружений вообще и интерьера в особенности. Вначале очаг располагался в центре помещения (поселения куро-аракской культуры)⁷⁶. По мере развития архитектуры бытовых сооружений его отодвигали к стене или к углу. В помещениях эпохи бронзы очаги располагались уже у стены⁷⁷. Особенно примечательно расположение печины у стены слева от двери в помещении Сигитминского скального поселения II тысячелетия до н. э.⁷⁸ так же, как и в помещении пятого комплекса Нижнесигитминского поселения. Такое расположение очага (камина) в помещениях горного Дагестана дошло до наших дней⁷⁹. Очаги Нижнесигитминского поселения круглых или квадратных форм предназначались, видимо, для приготовления пищи. Правда, два очага, расположенные недалеко от стенки, имеют 6-гранные формы, и все исследователи приписывают им культовое назначение⁸⁰.

Очаги памятников скифского времени из Аркасского городища и Макинского поселения в виде обмазанных глиной ямок напоминают очаги Нижнесигитминского и Верхнегунибского поселений. Такие очаги можно встретить в домах дагестанских горцев и в наши дни.

На Макинском поселении обнаружена двухкамерная сводчатая печь (кор)⁸¹. Такие печи встречались еще в эпоху бронзы (В. Гуниб, Мекеги, Сигитминское скальное поселение)⁸² и сохранились до наших дней⁸³.

Важное место в характеристике архитектурных сооружений имеют дверные проемы. На всех изученных памятниках Дагестана интересующего нас времени они оформлены с южной стороны помещения,

⁷⁵ А. Исламмагомедов. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. XIV, (серия историческая). Махачкала, 1965, стр. 270—271.

⁷⁶ Р. М. Мунчаев. Древняя культура северо-восточного Кавказа, МИА, 100, М., 1961, стр. 38—42.

⁷⁷ В. И. Канивец. Ук. соч., стр. 158; В. М. Котович. Ук. соч., стр. 76—79; Д. М. Атаев и др. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1959 г.

⁷⁸ В. И. Канивец. Ук. соч., стр. 158.

⁷⁹ М.-З. О. Османов. Ук. соч., стр. 243.

⁸⁰ К. А. Бредэ. Ук. отчеты за 1956—58 г.; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 30.

⁸¹ М. И. Пикуль. Дагестан в эпоху раннего железа, стр. 82.

⁸² В. М. Котович. Ук. соч., стр. 76; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение..., стр. 337; В. И. Канивец. Ук. соч., стр. 158—159.

⁸³ В. М. Котович. Ук. соч., стр. 73—74; В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отр. ДАЭ в 1959; Д. М. Атаев и др. Отчет за 1959 г.

с целью максимального использования солнечного тепла. Дверные проемы оформлены крупными камнями, установленными на ребра плоской стороной по ширине стены. Судя по камням с воронкообразным углублением, найденным в проходе, практиковались деревянные двери с выступающими по краям (сверху и снизу) стержнями, на которых они вращались. Такие двери до сих пор применяются в хозяйственных помещениях и хлевах дагестанских горцев. Встречались они в Дагестане и в эпоху бронзы (В. Гуниб, Ирганай, Усиша). Дверные проемы с «пятой» для двери встречены в древних памятниках Передней Азии и Закавказья⁸⁴.

Полы жилищ были обычно земляными (Н. Сигитма, Мака), и лишь на Аркаском поселении они были вымощены валунами и сверху покрыты тонким слоем желтоватого суглинка, а на Макинском поселении одна камера, которую М. И. Пиккуль считает двором, частично вымощена песчаниковыми плитами⁸⁵.

Крыши так же, как и на Верхнегунибском поселении и на памятниках средневековья и нового времени, у жилищ эпохи раннего железа были, очевидно, плоскими. Во всяком случае, на эту мысль наталкивают остатки перекрытия жилищ Макинского поселения⁸⁶.

Таким образом, характер жилых и оборонительных сооружений генетически связывает памятники эпохи раннего железа с памятниками Дагестана эпохи бронзы.

Погребальные памятники

Для изучения материальной и духовной культуры особенно важен анализ погребальных памятников. На территории Дагестана выявлено значительное количество могильников, объединенных вокруг Мугерганского могильника единством характера погребальных сооружений, обряда и инвентаря (табл. VIII).

1. Урцекский могильник расположен недалеко от одноименного городища. Он обнаружен в 1963 г. сотрудниками Приморской археологической экспедиции (нач. В. Г. Котович). С этого года по 1964 год здесь производились раскопки. Погребения нижних слоев представлены грунтовыми могилами различных размеров. Одна такая могила имела огромные размеры и содержала несколько захоронений.

⁸⁴ См. библиографию по этому вопросу у В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 74.

⁸⁵ М. И. Пиккуль. Ук. соч., стр. 50, 83.

⁸⁶ М. И. Пиккуль. Ук. соч., стр. 81.

Нижние слои памятника относятся к скифскому и албано-сарматскому временам⁸⁷.

2. Карабудахкентский могильник № 4 расположен у подножья горы Гумбет-Тау (у сел. Карабудахкент), недалеко от могильников № 1 и 3. Раскопки памятника производились в 1951 г. экспедицией ИИМК, ГИМ и Дагмузея (нач. К. Ф. Смирнов). Обнаруженные грунтовые могилы относятся к скифскому времени⁸⁸.

3. Цыйшинский могильник расположен чуть севернее одноименного бытового памятника. Обследован в 1967 г. В. Г. Котовичем. Были выявлены три культурных наслоения. Здесь встречены конские погребения. Захоронения производились в грунтовых могилах. Полученный материал относится ко второй половине первого тысячелетия до н. э. — первым векам первого тысячелетия н. э.⁸⁹

4. Хабадинский могильник расположен в 2—2,5 км к северо-западу от сел. Ругуджа Гунибского района, на террасированном солнечном склоне горы, у основания которой протекает ручей «Ботлониб-тлар». На противоположной стороне речки находится хутор.

В 1956 г. могильник исследовался сначала 2-м горным (нач. М. И. Пикуль), а потом и 1-м отрядом (нач. В. Г. Котович) археологической экспедиции ИИЯЛ. В 1957 г. здесь были развернуты стационарные работы (нач. М. И. Пикуль), в результате чего было вскрыто 21 погребение на площади 110 кв. м. В 1966 г. работы были продолжены отрядом ИИЯЛ под руководством В. Г. Котович (производитель работ — О. М. Давудов). Были раскопаны девять погребений на площади 84 кв. м, в основном сооруженных в грунте. Дата могильника — VI в. до н. э. — III в. н. э.⁹⁰.

5. Каратинский могильник находится на северо-восточной окраине селения, от которого получил свое название (Ахвахский район). Известен еще с начала XX в. Ныне территория могильника застроена, а находки, извлеченные из него, разошлись по различным музеям страны (ГИМ, ГЭ, Музей этнографии Ленинграда, Дагестанский краеведческий музей, музей Даггосуниверситета и др.)⁹¹. Находки относятся к различным историческим эпохам, в частности к эпохе средневековья.

⁸⁷ В. Г. Котович и др. Ук. отчеты за 1962—1964 гг.

⁸⁸ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент, стр. 170—173; К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1961 г., Архив Дагмузея, стр. 31—34.

⁸⁹ М. И. Пикуль. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. (отчет), ч. II.

⁹⁰ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 135—166; ее же. Эпоха раннего железа..., стр. 118—131; О. М. Давудов. Некрополь близ хутора Хабада, стр. 25—37; В. Г. Котович, О. М. Давудов. Отчет за 1966 г.

⁹¹ А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 34; ОАК за 1906 г., СПб, 1909, стр. 130; Архив Дагмузея, д. 247.

В 1956 г. могильник был осмотрен членами 2-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции под руководством М. И. Пикуль, которая установила его дату — VII—IV вв. до н. э. Погребения совершались здесь в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами⁹².

6. Шаракурский могильник расположен в 150 м к юго-западу от школы поселка совхоза им. Герейханова в долине, от которой и получил свое название. Могильник находится на конической возвышенности, напоминающей громадного размера курган. Открыт он был археологическим отрядом ИИЯЛ (нач. М. И. Пикуль) в 1959 г. и до 1962 г. подвергался стационарным раскопкам⁹³. Были вскрыты грунтовые могилы VI в. до н. э. — I в. н. э.

7. Мугерганский могильник расположен у сел. Верхний Мугерган Магарамкентского района. Открыт археологическим отрядом ИИЯЛ под руководством М. И. Пикуль в 1959 г. По 1963 г. он подвергался стационарным исследованиям отряда. Были выявлены грунтовые могилы IX—сер. VII вв. до н. э.⁹⁴

8. Кугский могильник. При строительных работах на окраине селения Куг Хивского района, по словам местных жителей, была вскрыта грунтовая могила со скорченным костяком, рядом с которым были найдены сероглиняные сосуды (два горшка с обмазанной наружной поверхностью и заглаженная чаша-плошка), две бронзовые ажурные бляшки и бронзовая ручка железного меча) (навершие ручки прямое овальное в сечении, рикассо охватывает обоюдоострый клинок). О могильнике нам сообщил М. Агларов, который доставил в ИИЯЛ ручку меча. Памятник нами осмотрен в 1972 г. По характеру материальной культуры и по хронологии он примыкает к Мугерганскому могильнику.

Таковы погребальные памятники, на основании которых нам предстоит делать выводы. Не все памятники достаточно хорошо изучены. На территории высокогорного Дагестана, в районах расселения андо-дидойских и цахурских этнографических групп не выявлено пока ни одного памятника. Из Ботлихского, Тляротинского и Цунтинского районов происходят лишь случайные находки (бронзовые антропоморфные и зооморфные статуэтки, ажурные пряжки и бляшки). Поэтому факти-

⁹² М. И. Пикуль. Результаты археологических исследований 2 горного отряда ДАЭ в 1956, стр. 81—86; М. Исаков. Ук. соч., стр. 88.

⁹³ М. И. Пикуль. О результатах разведок в южном Дагестане в 1959 г., стр. 50—51; ее же. Раскопки в южном Дагестане в 1961 г., стр. 61—62; ее же. Раскопки в южном Дагестане в 1962 г., стр. 27—74.

⁹⁴ М. И. Пикуль. О результатах разведок в южном Дагестане 1959 г., стр. 50—51; ее же. Раскопки в южном Дагестане в 1961 г., стр. 61—62; ее же. Раскопки в южном Дагестане в 1962 г., стр. 99—133. Когда эта работа была в производстве, нам удалось раскопать на могильнике комплексы конца IV—начала III вв. до н. э.

ческие основания для решения многих проблем оставляют желать лучшего.

Погребальные сооружения.

Грунтовые могилы являются наиболее распространенным типом погребальных сооружений на изучаемых памятниках. На Мугерганском, Карабудахкентском № 4, Макинском, Каратинском, Хабединском, Шаракунском, Урцекском (нижний слой), Цыйшинском и Кугском могильниках встречены только грунтовые могилы. Размеры и формы ям зависят от роста и позы погребенного. Чаще всего они имеют форму вытянутого четырехугольника с овальными углами. На Хабединском и Шаракунском могильниках встречаются также овальные ямы со скорченными костяками. Обычно такие ямы по борту обложены камнями.

На Мугерганском могильнике, как правило, на уровне древней поверхности над погребальными сооружениями устраивались завалы из валунов. Иногда встречается обкладка могил овальной или круглой формы — кромлехи, включающая в себя как каменный завал, так и само погребальное сооружение. Иногда обкладка имеет два яруса. На других могильниках ни завалы, ни обкладка описанного типа не обнаружены.

Обычно около могилы, у изголовья или непосредственно над могилой, устраивались жертвенные костры. На территории Шаракунского могильника жертвенники встречались и на определенном, специально выделенном для них участке. На Мугерганском могильнике отмечались вертикально установленные над могилами валуны. На других могильниках наружных признаков погребений не найдено.

В Дагестане грунтовые могилы sporadически встречались в эпоху бронзы (Карабудахкентский могильник № 2, Джемикентское поселение, Тарки, Харачой и т. д.)⁹⁵. Однако объяснить причину появления их в массовом количестве в эпоху раннего железа одной лишь генетической связью с аборигенами Дагестана предшествующего времени не представляется возможным. Истоки этой традиции, видимо, следует искать вне территории Дагестана.

В начале первого тысячелетия до н. э. вся территория Дагестана, юго-восточная Чечня и северный Азербайджан до Апшеронского полуострова оказывается занятой зандакской культурой. В IX в. до н. э. на юге Дагестана появляется грунтовый могильник со своеобразной мате-

⁹⁵ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент, стр. 149—151; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 45—46; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки, стр. 232—243; В. И. Марковин, Дагестан и горная Чечня, стр. 30—40.

риальной культурой и погребальным обрядом. В это же время на территории Дербентского, Каякентского районов и севернее сохраняется заидакская культура, на могильниках которой господствуют каменные ящики близких к квадрату форм. Каменные ящики бытуют в это время и в некоторых районах Северного Кавказа. Зато грунтовые могилы господствуют на территории Восточной Грузии (погребения конца второго — последней четверти первого тысячелетий до н. э. Самтаврского могильника и др. могильников Кахетин), иногда встречаются и в граничащих с нею районах Азербайджана⁹⁶, в частности в нижних слоях Мингечаурского, отдельных могильниках Кировабад-Ханларской группы хаджало-кедабекской культуры⁹⁷.

В скифское время (VII—IV вв. до н. э.) в Дагестане грунтовые могилы распространялись вплоть до высокогорья и до северных районов края. В это время каменные ящики сохраняются в бассейне среднего течения р. Сулака, на границе Чечни и Дагестана, а также в юго-восточной Чечне (Ичкерии). Правда на территории Северного Кавказа, где распространены памятники кобанской культуры (Луговой, Нестеровский и др. могильники), в скифское время грунтовые могилы также встречаются. Однако истоки их возникновения, надо полагать, другие.

В III—I вв. до н. э. грунтовые могилы продолжают бытовать на той же территории, где они располагались в предшествующее скифское время, но с I—чаще II вв. н. э. на севере Дагестана, частично в горах появляются каменные ящики и склепы.

Грунтовые могилы Дагестана выложены булыжниками, так же как и северокавказские (Луговой, Нестеровский и др.). Е. И. Крупнов выдвинул две гипотезы для объяснения появления этих завалов: 1) булыжная выкладка на могилах сооружалась с целью сохранения их от разрушения и 2) завалы делали родичи из страха перед умершим⁹⁸. Появление этого обряда на территории почти всего Кавказа делает мнение о практическом значении такой обкладки малоубедительным. Зато вполне достоверным представляется второе мнение. До недавнего времени на обочинах дорог в Дагестане можно было видеть каменные завалы. Это путники, отдавая дань уважения памяти покойника, бросали камни

⁹⁶ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Михета. Тбилиси, 1955, стр. 50; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Тriaлети. Тбилиси, 1941, стр. 97, 98; В. П. Фоменко. Грунтовые погребения № 63 в Мингечауре. МКА, III, Баку, 1953, стр. 67—68.

⁹⁷ А. В. Минкеевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. МКА, вып. IV, Баку, 1962, стр. 129; К. Н. Пицхелаури. Локализация археологических культур на территории восточной Грузии (конец второго—начало первого тысячелетий до н. э.). Тр Кахетской археологической экспедиции, т. I, Тбилиси, 1969, стр. 167.

⁹⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 250—251.

на могилу захороненного или на место, где ставились носилки с покойником при переноске на место погребения. Обряды, порожденные страхом перед умершим родичем, возникли на Кавказе в глубокой древности. Поэтому появление на Мугерганском могильнике таких завалов, по-видимому, следует рассматривать как возрождение более древнего кавказского обряда под влиянием племен, у которых он пережиточно сохранился. Завалы на Мугерганском могильнике значительно древнее северокавказских. Поэтому вполне возможно на Северный Кавказ этот обряд проник из Дагестана и Закавказья.

Что касается кромехов, то они были характерны для каякентско-харачоевских памятников (Харачой, Гагатль и др.)⁹⁹ и своими корнями уходят вглубь медно-бронзового века Кавказа¹⁰⁰.

На Мугерганском, Хабадинском и Шаракунском могильниках овальные могилы по бортам обложены камнем. Надо полагать, что это является особенностью дагестанских погребальных комплексов.

Хотя на памятниках Дагестана предшествующих эпох встречаются и грунтовые могилы, и кромлехи, они не встречены в сочетании друг с другом и их нельзя считать признаком какой-либо культуры Дагестана эпохи бронзы. В то же время на Бешташинском, Самтаврском и др. могильниках Закавказья грунтовые могилы, завалы и кромлехи сочетаются.

Таким образом, появление в южном Дагестане в IX в. до н. э. и распространение в последующее время (VII—IV вв. до н. э.) на территории всего края грунтовых могил, выложенных булыжниками, свидетельствует, скорее всего, об их проникновении в Дагестан с юга, из Закавказья. Это подтверждается и сохранением на севере Дагестана и юго-востоке Чечни могильников с каменными ящиками (Зандакская культура). Проникновение в Дагестан грунтовых могильников Мугерганского типа с севера по нашему мнению ничем не подтверждается.

На Мугерганском могильнике как погребальные сооружения, так и жертвенные места около них отмечены вертикально установленными валунами.

Этот обряд зафиксирован на Харачоевском могильнике (погр. 39)¹⁰¹. Выявлен он и на Галиатском могильнике (Осетия), на могильниках

⁹⁹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ..., стр. 84—95.

¹⁰⁰ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 251; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. ДЧН. М., 1963, стр. 202.

¹⁰¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 52—53.

у селений Бая, Бешташины и др.¹⁰² На могильниках Мугерганского типа он, видимо, сохранился пережиточно.

Погребальный обряд

В грунтовых могилах покойники, как правило, захоронены в скорченном положении на левом или правом боку, причем, мужчины уложены на правый бок, а женщины — на левый. Иногда встречаются и другие позы погребенных: скорченные на спине (Мугерган — погр. № 1, Хабада — погр. № 9 раск. 1966 г.), погребение ничком (Шаракунский могильник) или полускорченные.)

При всем разнообразии зафиксированных поз костяков преобладающей, особенно на раннем этапе эпохи раннего железа, является скорченная на левом или правом боку. Из 28 погребений Мугерганского могильника 24 костяка скорчены на боку, а четыре на спине. Из 22 погребений нижних слоев Урцекского могильника 12 скорчены на боку, 1 скорчен на спине, 4 вытянуты на спине, четыре расчленены, а в одном случае отмечено захоронение черепа. На Шаракунском, Хабадинском, Каратинском могильниках картина аналогичная. На могильниках албано-сарматского времени количество расчлененных и вытянутых костяков увеличивается.

Погребение со скорченным костяком на левом или правом боку с руками перед лицом, а также погребение на спине, является наиболее характерным для каякентско-харачоевской культуры. Однако там в отличие от памятников Мугерганского типа женщины хоронились на правом, мужчины — на левом боку. На Самтаврском могильнике (Грузия), например, умершие захоронены точно в такой же позе, в какой захоронены они на изучаемых нами памятниках: женщины на левом боку, мужчины — на правом¹⁰³.

Погребение в скорченной позе на спине было отмечено А. П. Кругловым на Джемикентском поселении эпохи бронзы¹⁰⁴. Продолжает она бытовать и на памятниках каякентско-харачоевского типа.

Погребения ничком с вытянутыми или слегка скорченными кость-

¹⁰² Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Тр. ГИМ, вып. VIII. М., 1938, стр. 49—54; его же. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы). МИА, 23, М.—Л., 1951, стр. 26; ИАК, вып. 12, 1901, стр. 364; ОАК, 1901, стр. 92—98; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 65—66.

¹⁰³ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета, стр. 49; А. Каландадзе. Устройство погребений и способ захоронения в древнейшем могильнике Самтавро (тезисы кандидатской диссертации, 1947).

¹⁰⁴ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ..., стр. 45.

ками на Шаракунском могильнике не имели никакого сопутствующего инвентаря (погребение № 2). Зато на Зандакском могильнике в каменных гробницах (№№ 14, 15) со скорченными или полускорченными ничком костяками находился богатый инвентарь¹⁰⁵. Возможно, Шаракунское погребение № 2 принадлежит зависимому лицу — выходцу из племенных групп, оставивших зандакскую культуру.

2 Вторичные и расчлененные погребения sporadически встречались на территории Дагестана, начиная с эпохи бронзы (Дербентские, Манасский № 2, Карабудахкентский № 3, Ноходатадский, Кизиларский могильники)¹⁰⁶. На памятниках эпохи раннего железа они встречаются на Урцекском, Шаракунском, Карабудахкентском № 1 и Таркинском могильниках¹⁰⁷. Обстоятельства находок исключают случайное нарушение анатомического порядка костяков. Надо полагать, практиковался обряд вторичного захоронения после завершения церемонии, наподобие описанного Страбоном у каспиев. Они «морят стариков свыше 70 лет голодом и потом выбрасывают их в пустыню, за ними наблюдают издали, и если увидят, что птицы стаскивают трупы с места, то считают (покойников) блаженными, менее же блаженными считают тех, которых растаскивают дикие звери или собаки, если не случится ни того, ни другого, то таких считают несчастными»¹⁰⁸. Данные о кубачинцах, созвучные со страбоновским описанием обряда каспиев, приводит арабский средневековый писатель Абу-Хамид эл-андалузи в книге «Подарок для сердец и выбор чудесных предметов»: «Если у них умирает мужчина, то они передают его в подземные дома, мужчинам, которые расчленяют (отрезают все члены) — покойника, очищают кости от мяса, все мясо откладывают в сторону и дают его воронам на съедение. Они стоят поблизости с луками, чтобы помешать другим птицам есть это мясо.

Когда же умирает женщина, тогда передают труп ее в подземелье другим мужчинам, которые очищают кости, а мясо выбрасывают кор-

¹⁰⁵ В. И. Марковин. Отчеты по итогам раскопок Зандакского могильника.

¹⁰⁶ А. С. Уваров. Курганы с расчленением близ Дербента. Тр. V АС. М., 1887, стр. 73 и сл.; К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г., Арх. ИА АН СССР, д. 904, стр. 7; Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ селения Карабудахкент, стр. 159—162; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан, Тр. МАО, вып. 2—3. Протоколы 1883, стр. 36.

¹⁰⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23. М.—Л., 1951, стр. 221—225; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 257, 259; его же. Грунтовые могильники албанско-сарматского времени, стр. 201; В. Г. Котович и др. Отчеты о работах на Урцекском могильнике с 1962 по 1964 гг.; М. И. Пикуль. Ук. отчеты по итогам работ на Шаракунском могильнике.

¹⁰⁸ Страбон. География, XI, 11, 8.

шунам, причем сами стоят с ножами, чтобы помешать другим птицам приблизиться к мясу. Затем кости кладут в мешки (у богатых сделаны из золотой парчи и греческой шелковой ткани, а у слуг и служанок — из небеленой ткани) и вешают их в домах и пишат на каждом мешке имя того, от кого происходят кости»¹⁰⁹. Аналогичный же обряд описан писателем XIII в. Секерием Казвини у кубачинцев¹¹⁰. На V археологическом съезде А. В. Комаров докладывал об этом обряде, якобы сохранившемся вблизи Дербента вплоть до 80-х годов XIX в.¹¹¹. У дидойцев нам пришлось услышать предание: «их предки умерших зимой не хоронили, а вывозили в сел. Хамайтль — как полагают они, первоначальную их родину, и устанавливали окоченелый труп в вертикальном положении на краю утеса, расположенного у этого селения, и оставляли его там до тех пор пока с наступлением весны оттаявший труп не сваливался в ущелье, где его терзали звери и птицы».

Судя по погребениям Урцекского, Шаракунского, Таркинского и Карабудахкентского могильников, кости умершего через некоторое время, по-видимому, после растерзания зверями и птицами или хранения в мешках хоронились на кладбище. Еще А. С. Уваров связывал расчлененные или вторичные захоронения с обрядом каспиев и видел в них влияние зороастризма, предостерегавшего землю от осквернения трупами. Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов возражали ему и вслед за Б. А. Куфтиным и Дусанд-Рене считали, что в основе этого обряда лежит представление о том, что до полного разрушения тела, т. е. до освобождения костей от мяса душа не может стать самостоятельной и остается в кругу живых, нуждаясь в пище и заботах¹¹².

Любопытно отметить наличие на дагестанских памятниках (Шаракун, Гинчи, Акяр, Хабада, Карабудахкент № 1 и др.) и погребений с подстилками. В этой связи любопытно вспомнить и еще один обряд погребения — погребение в кувшинах¹¹³. И при погребении в кувшинах, и при захоронении на подстилках, и при расчлененном захоронении, на наш взгляд, преследуется одна цель — изолировать труп от земли. Од-

¹⁰⁹ А. С. Уваров. Курганы с расчленением..., стр. 73.

¹¹⁰ Там же, стр. 74.

¹¹¹ Там же, стр. 67.

¹¹² Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 160; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, стр. 191.

¹¹³ На Гинчинском могильнике (Советский район) эпохи бронзы обнаружено 15 погребений в кувшинах. В Египте кувшинные погребения были известны в IV тысячелетии до н. э., в Малой Азии — в эпоху бронзы и в VII—VI вв. до н. э., в античных причерноморских городах — в VI—III вв. до н. э., в восточной Грузии (Самтавро) — во II—I вв. до н. э., в Армении — во II в. до н. э. — II в. н. э., в Азербайджане — в III в. до н. э. — VII в. н. э. (М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, стр. 115—118).

нако это не обусловлено зороастризмом. Все перечисленные памятники намного древнее зороастризма в Дагестане. Первобытные верования, на основании которых в VII в. до н. э. в Средней Азии возникла канонизированная религия зороастризма, существовали еще во втором тысячелетии до н. э. на территории Средней Азии, Ближнего Востока и Кавказа. В основе расчлененного и вторичного обряда захоронения, сопоставляемого с описанным обрядом каспиев, кубачинцев или дидойцев, на наш взгляд лежат именно такие верования.

Особого внимания требует к себе вопрос об ориентации погребенных Мугерганского могильника. Погребальные сооружения залегают на различных глубинах, перекрывая друг друга. Могилы №№ 1—10, 22, 27, 28, расположенные в нижнем слое в различных участках могильника, ориентированы в одну точку, расположенную у подножья холма, ограждающего могильник с запада. Около этих могил нет жертвенных костров, и лишь в редких случаях встречаются незначительные остатки золь. На Ханларском могильнике Я. И. Гуммелем отмечена ориентация погребенных в одну точку, расположенную в определенном месте кургана¹¹⁴. По мнению Б. Б. Пиотровского, это объясняется ориентацией покойников на жертвенное место, священную рощу или же ногами к реке¹¹⁵. Е. И. Крупнов объясняет ориентацию погребенных Лугового могильника вдоль долины расположением там жреческого храма¹¹⁶. На Зандакском могильнике погребенные также ориентированы по долине¹¹⁷. У подножья холма, куда обращены погребения Мугерганского могильника, видимо, так же, как и на вышеупомянутых памятниках, находился жертвенный алтарь или храм, где совершали жертвоприношения. Другая часть могил, около которых найдены жертвенники, ориентирована на юг с определенным широтным отклонением. Возможно это объясняется ориентацией могил по движущемуся солнцу, а уровень отклонения от оси юг—север зависел от точки расположения солнца в момент захоронения. Многочисленные обряды, связанные с поклонением солнцу и его праобразу на земле — огню (угольки около костей погребенных, остатки погребальных костров или жертвенников у могил, свидетельство Страбона о культе солнца¹¹⁸ и др.), указывают на ведущую роль солнечного божества в пантеоне языческих богов племен, оставивших Мугерганский могильник и близкие ему памятники, следовательно, и на возможность такой ориентации.

¹¹⁴ Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 7—76.

¹¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 89.

¹¹⁶ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. — СА. М., 1957, 2, стр. 162.

¹¹⁷ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии..., стр. 84.

¹¹⁸ Страбон. География. XI, IV, 7.

Из этого анализа наиболее важным представляется общность мугерганской и ханларской ориентации на определенную точку, расположенную в одном месте могильника. Это еще раз свидетельствует в пользу закавказского происхождения памятников мугерганского типа.

На Хабадинском могильнике погребенные ориентированы на северо-запад, реже на запад, на Макинском могильнике — на юг. В верхнем слое Мугерганского, на Шаракунском, Карабудахкентском могильниках в ориентировке покойников определенного порядка нет, точнее, мы не в состоянии объяснить разнообразную ориентацию покойников, встречаемую на этих памятниках.

На Урцекском, Хабадинском, Карабудахкентском, Таркинском могильниках так же, как и на некоторых памятниках Северного Кавказа наблюдается захоронение коней. На Хабадинском, Карабудахкентском могильниках каждое конское захоронение находилось около погребения человека. На Урцекском могильнике (нижний слой) конские костяки находились в одной камере, в конце коллективной могилы.)

Анализ инвентаря

В погребальных сооружениях и на бытовых памятниках встречается довольно разнообразный инвентарь.

Видное место занимает керамика, которую можно разделить на лепную толстостенную и тонкостенную. Толстостенная керамика представлена изделиями, предназначенными для хозяйственных нужд, а тонкостенная, в основном — для столовых. Причем, значительная часть последних изготовлена на гончарном круге и имеет тамговые знаки.

1. Толстостенная керамика вылеплена из обезжиренной глины, в состав которой включена примесь шамота, песка, кварца или раковин крупного помола. Она обожжена слабо и неравномерно: порою цвет на одном и том же сосуде от красноватого переходит в коричневатый, имея в промежутке серый оттенок. Изделия из такой керамики преимущественно обмазаны жидкой глиной, причем обмазка нанесена вертикальными полосами. Венчики и внутренности сосудов заглажены.)

Начиная с эпохи бронзы, вплоть до конца X в. до н. э. в горной Чечне и Дагестане обмазка сосудов носит бессистемный характер¹¹⁹. Судя по находкам на Зандакском, Шахсенгерском и Акярском могиль-

¹¹⁹ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. УЗ ИИЯЛ, т. X. Махачкала, 1962, стр. 166—188; А. П. Круглов. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. УЗ ЛГУ (серия исторических наук), вып. 13. Л., 1949, стр. 111—128.

никах, после X в. обмазка на поверхность сосудов наносится вертикальными полосами, придающими изделию декоративный характер¹²⁰.

Заглаженная толстостенная керамика была характерна для памятников каякентского типа.

Очень часто сосуды одних и тех же форм выполнены по технике обмазки или по технике заглаживания. Орнамент встречается наlepной и резной геометрический, причем, в эпоху каякентско-харацоевской культуры лепной орнамент типичен для керамики памятников харацоевского типа, а резной геометрический — каякентского¹²¹. Налепы обычно украшаются зашипами или вдавливами в виде отпечатков зерна проса или семечка подсолнуха. Иногда вдавливы бывают круглые или четырехугольные. Часто наlepный валик напоминает витую веревку. Резные геометрические линии, пересекаясь друг с другом, иногда образуют треугольники, опущенные острым углом вниз или простые насечки.

Эта керамика имеет следующие формы:

1. Сероглиняные горшки небольших размеров со сферическими плечиками и туловами. Переход от тулова в дно и устье плавный, венчики отогнутые. На Шаракунском могильнике их найдено 9 экземпляров¹²². Один из них имеет следующие размеры: высота сосуда — 12 см, высота тулова — 5,5 см, высота плечиков — 4,5 см, высота шейки — 2 см. Диаметр: дна — 8 см, тулова — 14 см, устья — 9 см, венчика — 11 см. Остальные сосуды особенно не отличаются от описанного по своим размерам (табл. XI, 24).

2. Высокие и приземистые баночные сосуды со слегка вздутыми и прямыми венчиками. Они имеют широкие устья и днища, порою равные между собой, порою расширяющиеся к устью или дну. Цвет неравномерный: от серого до красного. Размеры их колеблются. На Карабудахкентском могильнике № 4 их найдено 2 экз., на Мугерганском — 6, Карабудахкентском № 1 и 3 — восемь, Ленинкентском (Сергокалинский район) — 3, Шаракунском — 6 экз. (табл. X, 17, 18, 22; XI, 29) и т. д.

Такие сосуды типичны для памятников каякентско-харацоевской культуры¹²³, и на памятниках интересующего нас времени встречаются как пережиточные.

¹²⁰ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 42—61.

¹²¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э..., МИА, 68, стр. 59—66; В. И. Долбежев. Археологические раскопки близ станции железной дороги Каякент Дагестанской области. Архив ЛОИА, д. 45; ОАК за 1898; СПб, 1901, стр. 53, 141—156.

¹²² М. И. Пикуль. Раскопки в южном Дагестане в 1961 году. Махачкала, 1962, РФ ИИЯЛ, д. 145, стр. 99, рис. 93, 2, 3; 96, 5.

¹²³ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 58, рис. 25, 1—8 (тип. 6).

3. Широкоустные горшки со слегка вздутым туловом, покатыми плечами, резко переходящими в чуть отогнутый венчик. Дно сосудов четко выделено. Цвет такой же как у баночных сосудов. На Мугерганском могильнике их обнаружено 5 экз. (табл. X, 25). Наиболее ранние типы таких изделий встречены во впускных погребениях кургана № 3 у ст. Манас¹²⁴.

4. Чаша усеченно-конической формы с маленьким дном и широко развернутым устьем — «плошка». Обычно они снаружи и изнутри заглажены. Цвет обычно красный. На Мугерганском могильнике таких изделий найдено два, на Карабудахкентском № 1 — пять, Карабудахкентском № 3 — один (табл. X, 26). На памятниках раннего средневековья сосудов нет. Пережиточными являются они и на памятниках эпохи раннего железа. Типичны они лишь для памятников каякентско-харачоевской культуры Дагестана и Чечни¹²⁵.

II. Тонкостенная керамика изготовлена из глины с редкой примесью дресвы или шамота. Обжиг сильный и равномерный. Цвет серый, иногда черный и красный. Изделия (серые и черные) подвергаются лощению. Одни и те же формы сосудов могут быть и черными, и серыми лощеными. Тонкостенная керамика скифского времени имеет коричневый цвет. На изучаемых памятниках тонкостенная керамика наиболее многочисленна и представлена самыми разнообразными типами.

1. Вздутый сероглиняный сосуд с непропорционально узким дном, небольшим устьем и горизонтально срезанным прямым коротким венчиком. Плечики изделия сферические, тулово грушевидное. Закраина венчика украшена защипами, за которыми по плечуку следуют радиально расходящиеся вдавленные лунки, а за ними — налепный пояс, украшенный косыми штрихами. Таким же поясом, только украшенным сегментной врезных линий, сосуд орнаментирован по нижней части тулова. В целом орнамент передает солярные мотивы. На Мугерганском могильнике встречены 3 экз. таких сосудов, причем, один из них обломан. Размеры одного из сосудов: общая высота — ~~61,0~~ см, высота тулова — 37 см, высота плечиков — 22,5 см, высота горловины — 1,5 см, диаметр дна и устья — по 12 см., диаметр тулова — 60 см. Другие сосуды несколько меньших размеров (табл. X, 16; XIX, 128).

2. Сероглиняные горшки со сферическим туловом и плечиками, узким дном и устьем с сильно загнутым утолщенным венчиком. Частично такие сосуды вылеплены от руки, частично произведены на гончарном круге. Поверхность украшена врезным геометрическим орнаментом (зиг-

¹²⁴ Р. М. Мунчаев. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI. М., 1956, стр. 196, рис. 19, 7.

¹²⁵ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 58—59.

загами, семечковидными вдавлинами). На Мугерганском могильнике их встречено около 10 экз., на Шахсенгерском — 2 (табл. X, 15; XIX, 127). В Закавказье в эпоху бронзы и раннего железа (Бешташены, Бай-Бурт, Кедабек, Калакент, Самтавро, Ханлар, Головино, Мхета, Сарытепе, Авейдаг, Тли, Атарбеян, Тазакент, Норатус и др.) они представлены в большом количестве ¹²⁶.

3. Шаровидный сосуд с ложными ручками у устья. На Хабадинском могильнике (нижний слой) найдено 2 экз. таких изделий, на Урцекском — 1, Карабудахкентском № 1 — два, Карабудахкентском № 3 — один. Сосуды из Хабадинского и Урцекского могильников имели коричневый цвет, а из Карабудахкентского № 1 и 3 — аспидно-серый. Все они вылощены. Размеры небольшие (табл. X, 1; XIX, 5).

4. Кувшины наиболее разнообразны и многочисленны среди керамического инвентаря. Среди них имеются образцы (табл. X, 2—4, 9—12, 19, 20, 23, 24; XI, 1—19; XIX, 8, 11—13, 120, 121, 124):

а) со сливными носиками и круглыми в сечении ручками, соединяющими шаровидные тулова с венчиками. Такие типы появились на юге Дагестана в IX в. до н. э. (Мугерган) и в последующее время получили здесь широкое распространение, доживая до наших дней. Правда, у более поздних кувшинов ручки соединяют плечики с шейкой. На Мугерганском могильнике их найдено 12 экз., на Хабадинском — один ¹²⁷, на Макинском — три ¹²⁸, Шаракунском — 19, Мамайкутанском — один ¹²⁹ и один экз. среди керамики, собранной В. И. Марковиным в Колычевой балке. Серия сосудов такого типа имеется среди керамики

¹²⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XVIII, стр. 76, рис. 82, табл. VIII; МАК, VI, М., 1911, стр. 89—90, 98, 106, 137, 141, 158, 159, табл. XII, 14; Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, табл. VII, 1—3; Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 31, фиг. II, IV—41, стр. 34, фиг. VII—2, стр. 114, фиг. 46, 21; его же. Курган № 2 близ Ханлара. КСИИМК, XXIV, М., 1949, стр. 55—56; А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, стр. 20—27, табл. XI, 2; XII, 6; Т. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мхета, стр. 24, № 5527, табл. XIV, 671, 518; XV, 5003; И. Г. Нариманов, Дж. Халилов. Археологические раскопки на холме Сарытепе. МКА, IV, Баку, 1962, табл. II, 3, 5; XV, 1; Д. Н. Рустамов, И. Г. Нариманов. Древнее поселение и курганные погребения на Авейдаге. МКА, VI, Баку, 1965, стр. 50, табл. I, 2; Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахского бассейна. Сталинир, 1957, табл. XXI, а; А. О. Мнацаканян. Раскопки могильников у селения Атарбеян в Армянской ССР, КСИИМК, 60, М., 1955, стр. 38; А. А. Мартиросян. О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа. СА, 3, 1964, стр. 29, рис. 3, 202; стр. 34, рис. 4, 71; его же. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 86, рис. 40, 1, 41, 3.

¹²⁷ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 151, табл. X, 9.

¹²⁸ В. Г. Котович. Новые памятники..., стр. 144, табл. VIII, 3, 4.

¹²⁹ Там же, стр. 147, рис. 7, 1.

Урцекского городища и могильника, Сумбатлинского, Курклинского и др. могильников эпохи раннего железа;

б) с четырехлепестковыми устьями и шаровидными иногда ребристыми туловами. Круглые в сечении ручки соединяют плечики изделий с венчиками или шейками. На Урцекском могильнике их найдено целая серия, на Шаракунском — 8, Карабудахкентском № 1 — два;

в) с шаровидным туловом и цилиндрической шейкой. Круглые в сечении ручки сосудов соединяют плечики с венчиками. На Мугерганском могильнике их найдено 4 экз., на Шаракунском — 1, Карабудахкентском № 1 — один¹³⁰.

Все эти кувшины аналогичны керамическим изделиям из памятников Закавказья эпохи бронзы и раннего железа (Кедабек—Калакент, Марал—Дереси, Бешташины, Самтавро и т. д.), а также более поздних памятников ялойлутепинской культуры¹³¹.

Таким образом, анализ керамических изделий позволяет нам выделить толстостенные грубо вылепленные изделия, генетически связанные с комплексами культуры Дагестана эпохи бронзы, и тонкостенные, аналоги которых встречаются среди керамики Закавказья. Некоторые из них сугубо местные. Отдельные сосуды, аналогичные по форме закавказским, вылеплены по технологии каякентско-харацоевского керамического производства (табл. X, 21). Ряд керамических изделий характеризует местные особенности тех или иных памятников и этапы развития материальной культуры. Мугерганскому могильнику, например, присущи горшки со сферическим туловом и плечиками, узким дном и сильно загнутым утолщенным венчиком (табл. X, 15), Хабадинскому и Урцекскому могильникам — шаровидные сосуды с ложными ручками (табл. X, 1), Мугерганскому, Макинскому, Шаракунскому, Мамай-кутанскому, Таркинскому, Карабудахкентскому и др. могильникам — типы кувшинов явно закавказского происхождения.

Значительный интерес для определения характера материальной культуры имеют орудия труда, оружие, украшения, конский инвентарь и культовые предметы.

Разнообразные пряслица, сделанные из кости, камня и керамики, и иглы встречаются в женских погребениях и бытовых памятниках

¹³⁰ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 208, рис. 33, 59.

¹³¹ МАК, VI, М., 1911, табл. X, 14, 18, 19, 21; М. Манабде, Ц. Давлянидзе. Могильники Триалети. Каталог I, Тбилиси, 1968, табл. XIX, 476, 492; XIII, 403; XV, 536; XVI, 572, 571; Д. А. Хакуташвили. Уплисхиче. Тбилиси, 1964, табл. XXXII, 10, 11; XIV, 13—15; XIV, 1, 3, 5; XVI, 8; I, 1—3; Я. И. Гуммель. Археологические очерки: Т. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мхета; О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура, стр. 51, табл. I, 6, 7, 3, 4, 12; III, 18; VI, 18; VI, 1, VIII, 1—3; XII, 1—3; XIV, 2, 11; XV, 1—6, 8; XVI, 1; XXVI; XXXI, 2, 4; XXXII, 4, 4 и др.

(табл. XII, 7, 9; XIX, 30—32, 23, 24, 130, 132). В мужских погребениях встречаются оселки из четырехугольного или округлого плотного песчаника, как правило, просверленного с одного конца (табл. XIX, 23, 24). На Шаракунском могильнике, Макинском поселении и Аркаском городище найдены костяные проколки с заостренными и отполированными концами, употреблявшиеся для обработки керамических изделий. На Мугерганском, Шаракунском и Карабудахкентском могильниках встречаются бронзовые и железные четырехугольные шилья (табл. XIX, 132). Найдены они и на Шахсенгерском, Зандакском, Яман-су и др. могильниках Северного Дагестана и горной Чечни. Бронзовые шилья широко употреблялись на всем Кавказе, в частности и Дагестане эпохи бронзы. С широким распространением железа эти же формы шильев стали производиться из железа на той же территории Кавказа. Среди инвентаря Аркаского и Урцекского городищ, а также Карабудахкентских могильников №№ 1 и 4, Шаракунского могильника найдены четырехгранные железные шилья, в точности повторяющие формы бронзовых (табл. IX, 6).

1. Ножи. На наших памятниках известны только железные. Их несколько типов.

а) Черешковые с горбатыми спинками. Их найдено около 30 экз. Встречаются они на Хабадинском, Карабудахкентском № 1 и 3, Шаракунском, Новолакском, Урцекском могильниках (табл. XIX, 19—22). Наиболее ранний образец такого ножа найден в Дагестане на Шахсенгерском могильнике. Е. И. Крупнов, Г. Мнацаканян, Б. Б. Пиотровский, Б. В. Техов их появление относят к VII в. до н. э., а Р. М. Абрамишвили — к рубежу VIII—VII вв. до н. э.¹³² В Дагестане, по-видимому, они появились в конце VIII — в начале VII вв. до н. э., о чем свидетельствует комплекс Шахсенгерского могильника.

б) Черешковые с прямыми спинками. Их около 15 экз. найдено на Карабудахкентском № 1, 3, Мугерганском, Таркинском, Цархигонинском, Урцекском, Хабадинском могильниках, Аркаском городище и др. памятниках (табл. XIX, 18). Эти ножи аналогичны ножам из Закавказья, в частности бронзовым ножам из Самтаврского могильника.

¹³² Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 204, 206; Мнацаканян. О раскопках у с. Головино. КСИИМК, XLVI, М., 1951, стр. 65, рис. 14, 1—3; его же. Раскопки в Головино, стр. 21, табл. III, 1, 2; Б. Б. Пиотровский. Кармир—Блур, I, Ереван, 1950, стр. 37; его же. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 183, рис. 47; Б. В. Техов. Позднелебронзовая культура Лиахвского бассейна, стр. 129, табл. IV, рис. 2, 3; Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа в Восточной Грузии. Тезисы докладов, прочитанных на Всесоюзной археологической конференции 1956 г. в Ереване; его же. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, XXII—В, Тбилиси, 1961.

Мечи.

а) Железный меч с широким лезвием и бронзовой рукояткой. Навершие рукоятки имеет уплощенно-грибовидную форму, перекрестье — вид опущенных под углом пластинок (табл. XIX, 133).

Меч подвергнут анализу М. И. Пикуль. Она справедливо сблизила его с мечами «кабардино-пятигорского» типа и датировала начальными веками I тысячелетия до н. э.¹³³ Мечи «кабардино-пятигорского» типа А. И. Тереножкин считает киммерийскими изделиями¹³⁴. В. Б. Виноградов, также склоняясь к киммерийской версии происхождения, предполагает местное (северо-кавказское) производство большинства из них¹³⁵. Доведенная до овала уплощенность навершия, длина и стройность опущенных под угол пластин перекрестья, отличающие лашу ручку от «кабардино-пятигорских», позволяют считать её изделием местных мастеров, испытавших влияние производственных традиций «кабардино-пятигорского» производственного очага.

б) Железный меч с бронзовой рукояткой, отлитой по восковой модели. Рукоятка четко разделяется на прямое навершие, держак и рикассо. Поясами, состоящими из тонкой прямой проволоки, заключенной в две перевитые, все три части рукоятки обрамлены. Навершие к тому же украшено сверху и снизу такими же поясами, соединенными между собой зигзагами из таких же полос, создавая пять треугольных свободных от орнамента зон. Держак с лицевой и обратной сторон украшен коническими шишечками. На лицевой и обратной сторонах рикассо имеются расходящиеся от основания держака прямые полосы с дисковидными рельефами на концах. Рикассо в основании обрамлено полосой мелких дисковидных рельефов. Клинок обоюдоострый с продольным ребром посередине.

Меч найден в грунтовой могиле в сел. Куг Хивского района.

Аналогичный по форме тип меча происходит из комплексов IX века до н. э. Самтаврского могильника. В это же время в Закавказье встречаются биметаллические мечи с таким же орнаментом¹³⁶.

¹³³ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 30—31, рис. 5, 20.

¹³⁴ А. И. Тереножкин. Киммерийцы и Кавказ. Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний всесоюзной археологической сессии 1970 г. Тбилиси, 1971, стр. 37.

¹³⁵ В. Б. Виноградов. «Кинжалы с крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе. Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973, стр. 9—11.

¹³⁶ R. Abramischwili. La nécropole de samthavro et la chronologie des civilisations archeologiques du bronze récent et du debut du fer au Caucase. VIII Congrès international des sciences prehistoriques et protohistoriques, M., 1971, p. 3—7, tab. chronologique, fig. 108, 120.

в) Железный акинак с брусковидным навершием и прямоугольным перекрестьем. Он найден на Урцекском могильнике (табл. XIX, 26). Наиболее близкий аналог ему известен в Боспорском городе Кепы, в Поволжье (погребение № 9 фронтное III и в кургане у сел. Норка)¹³⁷, а также в Закавказье (Самтаврский могильник)¹³⁸. А. И. Мелюкова датирует их концом VI—нач. V вв. до н. э.¹³⁹, а В. Г. Петренко — V в. до н. э.¹⁴⁰ Последняя сводка таких мечей и предположение об их предпочтительно северокавказском ареале бытования сделаны В. Б. Виноградовым¹⁴¹.

г) Железный акинак с рукояткой, имеющей брусковидное навершие и бабочковидное перекрестье. Рукоятка уплощенно-четырехугольной формы украшена по бортам двумя продольными и одной поперечной (у навершия) бороздочками, а также шестью поперечными валиками. Четко обозначенный вертикальный валик имеется и посередине обломанного клинка. Акинак отличается стройностью формы (табл. XVIII, 13). Он приобретен А. Л. Млокосевич в сел. Согратль Гунибского района и ныне хранится в Государственном музее Грузии (инв. № 43—12, 33). Такие мечи у скифов и на Северном Кавказе появляются в начале VI в. до н. э. и получают наиболее широкое распространение в VI—первой половине V в. до н. э.¹⁴²

д) Железный меч. Рукоятка в сечении уплощенно-четырехугольная. Клинок обоюдоострый (обломан). Навершие рукоятки сделано в виде двух трапециевидных маленьких пластинок, косо отходящих от углов рукоятки. Перекрестье не выделено, как у согратлииского меча, но в нем узнается бабочковидная форма.

Три таких меча найдены на Бежтинском могильнике¹⁴³ и один — в урочище Тлярохотль (Цунтинский район) при дорожно-строительных работах¹⁴⁴. Они напоминают скифские акинаки с антемовидными навершиями конца VI—нач. IV вв. до н. э.¹⁴⁵ Правда, в отличие от

¹³⁷ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. Свод археологических источников, вып. Д1—4, М., 1964, стр. 52—53, рис. 18, 18.

¹³⁸ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета, стр. 56, табл. VIII (в центре).

¹³⁹ А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 53.

¹⁴⁰ В. Г. Петренко. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. «Свод археологических источников», вып. Д1—4, М., 1967, стр. 42, табл. 33, 6.

¹⁴¹ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 104.

¹⁴² В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 42; А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 50, табл. 16, 1—8; В. Б. Виноградов. Указ. соч., стр. 103 и сл.

¹⁴³ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 166, рис. 26, 1.

¹⁴⁴ Находки из урочища Тлярохотль были собраны начальником дорожного участка М. Аталаевым. Нам об этих находках сообщил С. Асиятилов и содействовал их доставке. Пользуюсь случаем выразить им обоим благодарности.

¹⁴⁵ М. И. Пикุลъ. Ук. соч., стр. 55—60.

скифских изделий перекрестья и навершия наших мечей не выделены, стилизованы и, видимо, сделаны в подражание скифским мечам. Следовательно, и дату появления типа наших мечей следует искать позже скифских в пределах VI—IV вв. до н. э. и чуть позже. Нахождение их на памятнике, датированном эпохой средневековья¹⁴⁶, вероятно, объясняется или сохранением в материальной культуре архаичных черт, или смещением культурных слоев могильника.

е) Литые бронзовые ножны с остатками железного клинка (обломан), Верхний край изделия украшен двумя парами валиков, между которыми помещено изображение витого шнура; ниже идет широкая полоса с двумя облегающими спиральками, а ещё ниже — четыре валика, один из которых волнистый. От них спускаются вниз четыре вытянутых треугольника, бока которых украшены косыми штрихами, а концы увенчаны изображениями цветочков (табл. XIX, 28). Найдены на Макинском могильнике¹⁴⁷.

Аналогичное изделие происходит с территории герадотовой скифии¹⁴⁸.

Наконечники копий. Среди наших образцов имеются бронзовые и железные.

а) Бронзовый наконечник копья с лавролистовидным пером и закрытой втулкой, которая, суживаясь в диаметре, доходит до острия пера. Один экз. такого наконечника найден на Мугерганском могильнике (табл. XIX, 129). Эти наконечники встречаются на памятниках Кавказа эпохи поздней бронзы и начального этапа освоения железа, сменяясь такими же типами из железа.

б) Бронзовые литые остролистные наконечники с цельными втулками. Суживаясь постепенно в диаметре, втулка доходит до острия пера. Один экз. такого наконечника без точного указания места находки хранится в Дагестанском краеведческом музее (табл. XIX, 135), три других, приобретенные А. Л. Млокосевич из сел. Турчи Казикумухского округа (Лакский район) и Инхо (Гумбетовский район), хранятся в Государственном эрмитаже (инв. № 1741 — 2, 3, 15). Эти

¹⁴⁶ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 166.

¹⁴⁷ В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 143, табл. VII, 24.

¹⁴⁸ Древности герадотовой скифии. Альбом, вып. II, СПб, 1872, табл. XXIV, 16, E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

наконечники также как и первые характерны для памятников Грузии XIII—X вв. до н. э., примыкающих к Дагестану¹⁴⁹.

Все железные наконечники повторяют формы бронзовых, в частности имеются образцы с расщепленной втулкой, подражающие более древним образцам бронзовых наконечников с откованной и свернутой втулкой. Наличие одних и тех же форм бронзовых и железных наконечников на памятниках Дагестана свидетельствует об их местном производстве.

в) Железный лавролистный наконечник копья с цельной втулкой найден на Хабадинском могильнике. М. И. Пикуль датировала его VI—IV вв. до н. э.¹⁵⁰, а А. И. Мелюкова сходные скифские наконечники — VI—V вв. до н. э.¹⁵¹ Если учесть самобытность наконечников копий для племен Кавказа и раннее зарождение здесь железа, то возникает сомнение в достоверности столь поздней датировки хабадинского наконечника. На наш взгляд появление таковых следует отнести ещё до внедрения эффективной плавки железа, т. е. до широкого распространения в быту железа, когда из него делались орудия труда.

г) Железные остролистные втульчатые наконечники. Среди них имеются с цельными и расщепленными втулками. Четыре экз. таких наконечников встречено на Шаракунском могильнике, 2 — на Хабадинском (табл. XII, 21—23). Они так же, как и лавролистные, продолжают традиции производства таких же местных бронзовых наконечников и появились накануне широкого употребления в быту железа.

Все наконечники Шаракунского могильника имеют загнутые, часто обломанные концы. На могильниках Северного Кавказа (Урус-Мартанском, Нестеровском, Луговом и др.) также была отмечена порча пера наконечников копий. Е. И. Крупнов считает, что они предназначались для стаскивания с коня наездников¹⁵². Однако устройство над могилами каменных завалов, сильная скорченность костяков, по-видимому, обусловленная связыванием погребенных, а также порча оружия наводит на мысль о том, что весь этот ритуал порожден страхом перед умершим родичем¹⁵³.

¹⁴⁹ Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. «Вестник Гос. Музея Грузии», XIX—A и XIX—B, Тбилиси, 1957, стр. 140, табл. I, 225, 226, 180.

¹⁵⁰ М. И. Пикуль. Ук. соч., стр. 42.

¹⁵¹ А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 36, табл. VI, 12, 4—6.

¹⁵² Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 215, 482; табл. XII, 4, 5, XIII, 2, 3, 6.

¹⁵³ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 215, 482; табл. XII, 4, 5, XIII, 2, 3, 6.
В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 106.

Наконечники стрел сделаны из бронзы и железа.

I. Бронзовые в основном представлены скифоидными образцами

а) Двухлопастными наконечниками с ромбовидными головками и выступающими втулками. У железнодорожной станции Алмало найден наконечник без шипа, в окрестностях Дербента, сел. Карабудахкент и развеечных дюнах Тарнаира (окрестности Махачкалы) — с шипами на втулках (табл. XVIII, 1—4). Все они А. И. Мелюковой, К. Ф. Смирновым и А. А. Иессеном датированы VIII—VI вв. до н. э.¹⁵⁴

б) Двухлопастными наконечниками с ланцетовидной головкой и выступающей втулкой. Он выявлен В. Г. Котовичем при раскопках Паласа-сыртского могильника IV—VII вв. н. э. Обстоятельство находки указывает на его употребление в качестве подвески-амулета¹⁵⁵. Такие наконечники встречаются на территории юго-восточной Европы, в частности на Северном Кавказе и связываются со степными савроматскими племенами. Появляются они в раннескифское время и продолжают встречаться в V в. до н. э.¹⁵⁶ В Дагестан они попали, по-видимому, в период контактов с савроматскими племенами.

в) Трехлопастными наконечниками с ромбовидными головками и выделенными шипастыми втулками. Один экз. выявлен В. И. Марковиным на дюнах Тарнаира, другой найден членами краеведческого кружка средней школы сел. Каякент около 4-го рыбзавода (табл. XVIII, 5, 6). В. И. Марковин датировал тарнаирский наконечник VI в. до н. э.¹⁵⁷, каякентский наконечник относится к типам, датированным Б. Н. Граковым VI—IV вв. до н. э.¹⁵⁸

г) Бронзовыми наконечниками стрел с треугольными головками, переходящими в лопасти, и выступающей втулкой. Один такой наконечник найден на Бавтугайском поселении В. Г. Котовичем¹⁵⁹, два других, найденных на развеечных дюнах Избербаша, переданы в Институт ИЯЛ учительницей Избербашской школы № 2 Ф. О. Муляминовой (табл. XVIII, 7—9). Они широко распространены в скифо-савроматском мире с конца VI до рубежа IV—III вв. до н. э.¹⁶⁰

¹⁵⁴ А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 18, 21, рис. 1; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, М., 1961, стр. 41; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, М., 1953, стр. 67, рис. 10.

¹⁵⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 151, табл. XIII, 17.

¹⁵⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 40, табл. I, В—18, 19.

¹⁵⁷ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира, стр. 124, рис. 51, 10.

¹⁵⁸ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. РАНИОН. V, М., 1936, стр. 72 и сл.

¹⁵⁹ В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда ДАЭ в 1956 г., стр. 75—76.

¹⁶⁰ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 72; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 53.

II. Железные наконечники представлены двумя разновидностями. Одни из них местные по происхождению, другие — привнесенные типы.

а) На Хабадинском могильнике найдены два двухлопастных наконечника с ромбовидными головками и выделенными втулками (табл. XIX, 39, 40). М. И. Пиккуль датирует их VI—V вв. до н. э.¹⁶¹. Они относятся к так называемым скифским наконечникам стрел.

б) Черешковые плоские наконечники с опущенными крыльями типа «плошник». Всего их известно 6—7 экз. Целая серия их найдена на Урцекском, Сумбатлинском и Бежтинском могильниках (табл. XIX, 41). Литейная форма таких наконечников обнаружена на Гургур-раальском поселении (раскопки В. Г. Котовича). Наличие их на ранне-средневековом Бежтинском могильнике объясняется архаичными чертами материальной культуры этого памятника. Такие наконечники были широко распространены на территории Закавказья, а на Северном Кавказе — в Чечено-Ингушетии. Причем в Закавказье они появляются в VII в. до н. э. (компл. из сел. Аули), а на Северном Кавказе — в VI вв. до н. э. (Нестеровский могильник)¹⁶², сосуществуя с подобными же бронзовыми образцами.

Бронзовые наконечники стрел типа «плошники» в эпоху перехода от бронзового века к железному веку встречаются на территории всего Кавказа¹⁶³. Позже на этой же территории они делаются из железа. Наконечники стрел как оружие единовременного пользования могли быть сделаны из железа лишь при условии широкого распространения этого металла. Судя по находкам железных ножей и наконечников стрел в комплексах Шахсенгерского могильника, широкое распространение этот металл получил здесь задолго до скифских походов на Ближний Восток через Дербентский проход.

Наибольшим разнообразием отличаются украшения. Часть из них находит аналоги в памятниках предшествующих эпох, часть — на синхронных памятниках Кавказа, а некоторые типичны только для памят-

¹⁶¹ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 43.

¹⁶² Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Осетию и Имеретию. Тбилиси. 1949, стр. 48—49, табл. XXV; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 22.

¹⁶³ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 200; его же. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, М., 1947, стр. 25, рис. 22, 7, 8; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 75; Т. Н. Чубинишвили. Археологические раскопки в Триалети, стр. 75; Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мухета, стр. 111, рис. 16, табл. IV, XVII; № 5532; В. Вырубов. Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии. Тифлис, 1877, т. I, рис. 1—3, 8; А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, стр. 75; В. И. Марковин. Новые материалы..., стр. 85, рис. 24, 14—16.

ников изучаемой группы. Среди них имеются украшения головных уборов, одежды, а также разнообразные браслеты.

Налобная лента. Проштампованная из тонкой бронзовой пластины, она украшена по бортам пунсонным орнаментом и имеет по одному отверстию на суженных концах. Один экземпляр такой ленты найден на Мугерганском могильнике, несколько экземпляров — на Зандакском и один на Таркинском (каякентско-харацоевская культура) могильниках (табл. IX, 19) ¹⁶⁴. За пределами Дагестана они встречены на Тлийском, Мингечаурском, Долап-лар, Човдар, Куши, Калакент и др. могильниках эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к железу периода ¹⁶⁵.

Шейные гривны (бронзовые). Их две. Первая из четырехгранной перевитой и свернутой пополам проволоки, вторая из круглой. Концы у обеих расплющены. Обе найдены на Мугерганском могильнике (табл. XIX, 137, 138).

Головные булавки. В основном они сделаны из бронзы и представлены самыми разнообразными типами.

а) Бронзовые булавки гвоздевидной формы с полусферической шляпкой и просверленным стержнем. На стержне иногда встречается выгравированный геометрический орнамент. Один экземпляр найден на Мугерганском могильнике и целая серия — на Урцекском, Карабудахкентском № 1 могильниках и Аркассском городище (табл. XIX, 74, 142). Такие булавки типичны для памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Закавказья (Самтавро, Раче, Триаleti, Тли) и Северного Кавказа (Кобан) ¹⁶⁶. К. Ф. Смирнов полагает, что дагестанские булавки являются подражанием Закавказским ¹⁶⁷.

б) Булавки с треугольными навершиями. Концы наверший свернуты в трубочки. Они литые. Два экземпляра таких наконечников найдены в комплексах VI—V вв. до н. э. Хабадинского могильника

¹⁶⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки, стр. 252, рис. 13, 7.

¹⁶⁵ Б. В. Техов. Позднебронзовая культура лиахвского бассейна, стр. 85—87; МАК, VIII, стр. 337, табл. CXXXIII, 3; В. П. Фоменко. Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре, стр. 70; Н. В. Минкевич-Мустафаева. Об археологических находках из с. Долап-лар. МКА, I, Баку, 1949, стр. 112, табл. V; Д. М. Шарифов. Раскопки близ с. Човдар Гянджинского уезда. «Известия Азкомстариса», вып. 4, тетр. 2, Баку, 1929, стр. 256, 258; Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 134, 140; МАК, VI, стр. 100, 101, 106, 107, табл. VIII, 3.

¹⁶⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триаleti, стр. 73, рис. 80, 3, табл. XIV; МАК, VIII, табл. XXXIX, 4; Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, 1952, табл. IX, 4; Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна, стр. 95, табл. II, 24—28, 31, 33—40; IV, 9, 10; V, 4, 5; VII, 4; IX, 6—8; X, 13.

¹⁶⁷ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 209.

(табл. XIX, 70)¹⁶⁸. На территории Чечено-Ингушетии они встречены на памятниках конца скифского и сарматского времени (Яман-су) и др. На Северном Кавказе по В. Б. Виноградову и В. И. Марковину они появляются с рубежа VII—VI вв. до н. э. и продолжают бытовать до III—II вв. н. э.¹⁶⁹

в) Булавки с навершиями в виде вытянутых треугольников. Два экземпляра их найдено на Мугерганском могильнике (табл. IX, 5). Этот тип характерен для всего центрального Кавказа (Тли, Хвце, Нули, Кобанский, Квасатальский и др. могильники) эпохи поздней бронзы и раннего железа¹⁷⁰. Возможно вышеописанные булавки с треугольными навершиями происходят от этих типов.

Несколько отличается от них головная булавка с плоским овально-вытянутым навершием с дисковидным выступом в середине. Она намного больше всех вышеописанных булавок (табл. XIX, 136).

г) Булавки с раскованными и свернутыми в кольца навершиями. Одна такая булавка найдена на Мугерганском могильнике, целая серия — на Урцеском, Шаракуновском, Карабудахкентском № 1 и др. могильниках Дагестана. Стержень мугерганской булавки четырехгранный, у остальных — круглые. Почти все они откованы из бронзы, позже делаются из железа (табл. IX, 12; XIX, 141, 66, 73). Такие булавки встречаются на тех памятниках, что и гвоздевидные (Тли, Кобан, Березовский и др. могильники)¹⁷¹. Е. И. Крупнов считает, что они могли выполнять функции проколов¹⁷².

д) Бронзовая булавка с навершием в виде геральдически поставленных конских головок. В единственном экземпляре она представлена среди материалов Аркасского городища. Она находит аналоги среди кобанских булавок. Наиболее близки к нашей булавке типы из коллекции П. С. Уваровой и Сенжерменского музея. Они бытовали в Передней Азии в 1500—1300 гг. до н. э., а на Северном Кавказе —

¹⁶⁸ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 138—140, табл. IX, 1.

¹⁶⁹ В. Б. Виноградов и В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 171, рис. 7, 2, 4.

¹⁷⁰ Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна, стр. 102, табл. IV, 15; Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года, стр. 29, рис. 2, табл. XVII, 3; МАК, VIII, стр. 11, рис. 9, табл. XXXII, LXXVI, 4. О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. КСИИМК, 60, М., 1965, стр. 26, 3, 5, 6.

¹⁷¹ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 199, табл. XI, 1; МАК, VIII, табл. XXII, 6.

¹⁷² Е. И. Крупнов. Ук. соч., 199—200.

в X—V вв. до н. э. Наша булавка относится к Северокавказским типам VIII—V вв. до н. э.¹⁷³

Височные привески. В основном сделаны из бронзовой круглой проволоки. На наших памятниках они довольно разнообразны.

а) Многовитковая бронзовая привеска с обратной петлей. Толстый конец ее обрублен. В большинстве случаев они встречаются парно (одна надета на другую). Их много на Мугерганском могильнике (табл. IX, 21), и один экземпляр из узкой пластинчатой бронзовой проволоки найден на Зандакском могильнике, один — на Каратинском могильнике.

б) Привески, свернутые из проволоки в полтора оборота. Обычно они кольцевидные или овальные. Их много на Мугерганском, Таркинском, Карабудахкентском № 1, Урцекском, Шаракунском и др. могильниках, а также на бытовых памятниках эпохи железа в частности на Аркаском городище. Эти изделия в Дагестане находятся ещё с эпохи бронзы. Они подробно проанализированы М. Г. Гаджиевым. По его мнению, овальные привески произошли от круглых и продолжают существовать с эпохи бронзы¹⁷⁴.

в) Округлые с заостренными разомкнутыми концами. Найдены на Мугерганском, Шаракунском могильниках и Аркаском городище (табл. IX, 14, 15; XIX, 148—151, 159). Точно такая же привеска обнаружена в погребении сырцовой гробницы Азербайджана¹⁷⁵.

г) Привески в виде полуколец с разомкнутыми под углом концами. Среди наших материалов их две разновидности: с укороченными и длинными концами. В комплексе VI—V вв. до н. э. Хабадинского могильника найдены две привески с длинными концами (табл. XIX, 69). Концы привесок из погребения IV—I вв. до н. э. укорочены¹⁷⁶. Привески с короткими концами найдены на Сумбатлинском, Карабудахкентском № 1 и Гапшминском могильниках албано-сарматского времени. Отдельные экземпляры их найдены за пределами Дагестана, в частности на II Бережновском (Поволжье), Бети-Мохкском (Чечено-Ингушетия) могильниках¹⁷⁷.

¹⁷³ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 62; В. И. Козенкова. Об одном типе кобанских булавок. КСИА, 132, М., 1972, стр. 12, рис. 1—3, 6, 7; И. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа..., табл. XXXIX, 5; Д. В. Деопик, Н. Я. Мерперт. О конце цивилизации Хараппы. СА, 1957, № 4, стр. 204—206.

¹⁷⁴ М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, стр. 143—144.

¹⁷⁵ Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 157, фиг. 5, 13.

¹⁷⁶ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 138, 139, 153—154, табл. IX, 7; стр. 141, 142, табл. IX, 2.

¹⁷⁷ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., рис. 10, № 201, 19, № 376; 24, № 265, 35, № 81; В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, II, Махачка-

д) Привески из круглой свернутой полукругом сурмяной проволоки. Концы их расплющены и просверлены. Одни из них большие, другие мелкие. Целая серия этих изделий происходит из Макинского могильника. В. Г. Котович аналогии мелким привескам приводит из Кобанского могильника и синхронных ему могильников Грузии. Более крупные считает уникальными¹⁷⁸. С этими выводами трудно не согласиться.

Подвески. В большинстве случаев они носят культовый характер.

а) Пластинчатые лунницы. Два экземпляра их найдены на Мугерганском могильнике (табл. XIX, 139). Аналоги им встречены среди украшений могильников близ Ханлара, Куши, Кизил-Банк, Мингечаура и др. памятников хаджало-кедабекской культуры¹⁷⁹.

б) Бронзовые подвески в виде колокольчиков с прорезным орнаментом. На Мугерганском могильнике найдены подвески в виде треугольной пирамиды с прорезями в основании и на каждой из сторон и отверстием для подвешивания на вершине (табл. IX, 20). На Шаракунском могильнике колокольчик менее выразителен, но такого же типа. У вершины этой подвески сохранились остатки цепочки, с помощью которой она прикреплялась к одежде (табл. XIII, 61; XIX, 65). Такие украшения, и особенно прорезной орнамент, были типичны для предметов материальной культуры Закавказья эпохи бронзы и раннего железа. Точная аналогия мугерганской подвеске известна, например, среди археологических предметов, выявленных около сел. Долан-лар¹⁸⁰. Эти украшения из Закавказья распространялись на территории Северного Кавказа (Кобанский могильник, Казбекский клад)¹⁸¹.

в) Ритуальная бронзовая подвеска в виде миниатюрного топорика. Среди наших материалов она единственная. Найдена на Мугерганском могильнике (табл. XIX, 158). Наиболее близка к рассматриваемому типу подвеска, обнаруженная у сел. Долан-лар, но у нее обушковая часть имеет форму крючка¹⁸².

г) Подвеска ладьевидной формы с концами, оформленными в виде головок животных (барана). Изделие имеет отверстие для пришивания к одежде. Среди наших украшений она единственная, выяв-

ла, 1961, стр. 279, рис. 3, 2; И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 г.). МИА, 78, М., 1960, стр. 34, рис. II, 3.

¹⁷⁸ В. Г. Котович. Новые памятники..., стр. 141, табл. VII, 25, 26.

¹⁷⁹ Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 25, фиг. 7, № 7, стр. 135, фиг. 3, № 11; Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 8; В. П. Фоменко. Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре, стр. 72—73, табл. 1, 3.

¹⁸⁰ А. В. Минкевич-Мустафаева. Об археологических находках из сел. Долан-лар, стр. 57, 58, табл. III, 6.

¹⁸¹ Е. П. Алексеева. Поздне-кобанская культура..., стр. 223; МАК, VIII, табл. XXXVI, 16; XX, 19.

¹⁸² А. В. Минкевич-Мустафаева. Ук. соч., стр. 61, табл. IV, 6.

лена В. Г. Котовичем на Макинском могильнике¹⁸³. Аналогичные подвески встречаются среди инвентаря кировабад-ханларской группы памятников хаджало-кедабекской культуры¹⁸⁴.

д) Подвеска в виде двух спаянных шариков, прикрепленных к перевитому стержню на цепочке. Выявлена она В. Г. Котовичем на Макинском могильнике. Аналогичная подвеска происходит с Зандакского могильника¹⁸⁵.

е) Биконическая рыбовидная подвеска с молотковидным одним и плавниковидным другим концами. Вся средняя часть изделия украшена поперечными линиями. В единственном экземпляре она встречена на Мугерганском могильнике (табл. XIX, 147).

Накосники. Они представлены двумя разновидностями. Первые, в виде свернутых в трубочки бронзовых пластинок, найдены на Мугерганском, Макинском, Шаракунском и др. могильниках. Размеры их сильно колеблются. Мугерганские накосники большие, шаракунские, макинские и др. мелкие. Вторые сделаны и в виде трубочек-спиралек. Они мелкие и встречены на Шаракунском, Макинском могильниках и Аркаском поселении (табл. IX, 22; XIX, 59, 60).

Накосники встречались в степной полосе Восточной Европы с эпохи поздней бронзы, а в Дагестане получили распространение с первой половины II тысячелетия до н. э., сохранившись до скифского времени¹⁸⁶. Нахождение их в мужских могилах А. П. Круглов объясняет тем, что это символизировало убийство жены для сопровождения мужа в потустороннем мире¹⁸⁷.

Пряжки. Из серии пряжек для нас важны ажурные четырехугольные, состоящие из двух частей; одна с крючком, другая с петлей. На обоих противоположных концах пряжки петли. Всего в Дагестане таких пряжек найдено две: одна на Хабадинском могильнике, другая приобретена А. Млокосевичем в сел. Согратль Гунибского района и ныне хранится в Государственном музее Грузии (табл. XVIII, 17; XIX, 61, 62)¹⁸⁸.

Каждая из частей пряжки обрамлена елочными бордюрами и разделена ими на три зоны, причем у согратлинской пряжки в попе-

¹⁸³ В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 132, табл. VII, 16.

¹⁸⁴ Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа, стр. 131, табл. VII.

¹⁸⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 141, табл. VII, 23.

¹⁸⁶ М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник, стр. 300; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 67; его же. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа, стр. 116, рис. 3, 5.

¹⁸⁷ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ..., стр. 86—87.

¹⁸⁸ Отчет В. Г. Котович за 1956 г.; Государственный музей Грузии, инв. № 43—123 а—л.

речном бордюре между елочками помещены оббегающие спиральки. Самые большие зоны обеих частей украшены ажурным орнаментом — веретенообразными барельефами, обвязанными с концов тонкой проволокой в четыре оборота. Две другие зоны свободны от орнамента. Основные детали пряжки отлиты по восковой модели, а елочный орнамент и оббегающие спиральки бордюров, а также завитки на концах веретенообразных барельефов сделаны отдельно и затем припаяны к основе-щитку пряжки. Судя по тонкости и равномерности толщины, проволока для орнамента обрабатывалась путем волочения. Здесь мы впервые сталкиваемся с техникой филиграни, которая позже получила свой расцвет в прикладном искусстве народов Дагестана.

Ближие нашим типам изделия встречены на Ичкеринских памятниках Чечено-Ингушетии скифского времени (Курен-Бенойском — 2 экз., Гунийском — 2 экз., Алероевском — 1 экз., Гордалинском — несколько)¹⁸⁹.

Согратлинская пряжка найдена вместе с акинаком конца VI—V вв. до н. э. Видимо этим же временем следует датировать и наши пряжки. В. Б. Виноградов датирует ичкеринские пряжки VI—III вв. до н. э.¹⁹⁰

Бляхи.

а) Плоская бляха с петлей для подвешивания. В центре изделия — двойные концентрические линии, вокруг которых идут оббегающие спиральки. Весь орнамент выполнен пуансоном. Два экземпляра таких блях найдено в ранних комплексах (VI—IV вв. до н. э.) Шаракунского могильника (табл. XII, II).

б) Умбоновидные бронзовые нагрудные бляхи. Вокруг центральной гладкой поверхности идут чередующиеся концентрические линии из растительного и шнурового орнамента, между ними — оббегающие спиральки, а по внешнему кольцу — ряд дисковидных выпуклостей. Среди наших материалов таких четыре: три с Шаракунского и один с Урцекского могильников. У одной из Шаракунских блях между оббегающими спиральками имеется одна петелька, у урцекской бляхи вместо спиралек вся зона заполнена петельками (табл. XII, 13, 14). Наши бляхи в какой-то степени близки к бляхам, выявленным на Кобанских могильниках Северного Кавказа VII—IV вв. до н. э.¹⁹¹

¹⁸⁹ В. Б. Виноградов. Центральный и северо-восточный Кавказ..., стр. 277—278, рис. 58, 3, 5; 60, 1; 66, 5, 6.

¹⁹⁰ Там же, стр. 277.

¹⁹¹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. УЗ ЛГУ (серия исторических наук), XIII, Л., 1949, стр. 196—200, 202, табл. V, 7; II, 2; стр. 197; МАК, VIII, рис. 87, 335, стр. 90, 124; Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 292, рис. 50, 7; О. А. Артамонова-Полтавцева. Ук. соч., стр. 89, рис. 45, 2; Северокавказская экспедиция. КСИИМК, I, М., 1939, стр. 28, рис. 4; В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни, стр. 87—88, рис. 25, 14.

Поясной крюк с одним концом в виде загнутого клюва хищной птицы и другим концом в виде человеческой головы и поперечным рифлением по середине. Он пока единственный. Найден в окрестностях г. Хасавюрта. В. Б. Виноградов функционально и типологически сближает его с поясными крюками лесостепного Подонья, отмечая сочетание в его оформлении кочевнических и кавказских мотивов¹⁹². Нам он представляется изделием местного мастера, выполненным под влиянием скифско-сибирского искусства.

Браслеты на наших памятниках довольно разнообразны. Имеются бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки с заостренными или обрубленными, разомкнутыми или заходящими друг за друга концами (табл. IX, 18, 23; XIX, 57, 58, 154—157). Все они находят аналоги среди подобных украшений каякентско-харачоевской культуры, а более массивные — среди украшений хаджало-кедабекской культуры¹⁹³. Браслеты из круглой в сечении проволоки с разомкнутыми концами найдены на Мугерганском (4 бронзовых и один железный), Таркинском (один бронзовый), Хабадинском (один бронзовый) могильниках. На Мугерганском могильнике встречены бронзовый и железный браслеты с разомкнутыми концами из такой же круглой проволоки. Пластинчатый браслет с заходящими концами найден на Шаракунском могильнике. Все они находят аналоги среди украшений каякентско-харачоевской культуры, а более массивные — среди украшений хаджало-кедабекской культуры. В переходный от бронзы к железу период появляются эти же типы браслетов из железа (табл. IX, 18). На Хабадинском могильнике встречен браслет из узкой бронзовой пластинки (табл. XIX, 58). Подобные браслеты также были характерны для памятников каякентско-харачоевской культуры¹⁹⁴.

Многовитковый бронзовый браслет кобанского типа обнаружен на Каратинском (один) могильнике и один экземпляр приобретен А. Млосковичем в сел. Согратль Гунибского района (хранится в Государственном музее Грузии — инв. № 43—12—32 — табл. XVIII, 14, 15). Они появляются в переходное от бронзы к железу время и после VI в. до н. э. не встречаются¹⁹⁵.

Конский инвентарь представлен бронзовой пластинкой от упряжи боевой колесницы, удилами, псалиями, ворворками, бляхами.

¹⁹² В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 21, рис. 6, 2, его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 98—99.

¹⁹³ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 62—65, рис. 27, 1—15 (типы 1—5); Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах..., стр. 130—131.

¹⁹⁴ В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 27, 13—15.

¹⁹⁵ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., стр. 199; МАК, VIII, табл. XXXI, 7; IX, 7.

1. *Бронзовая литая пластинка* в виде свернутых на концах в трубочки широких ленточек, отходящих от центрального диска. В центре круга и на поясах — дисковидные выпуклости, причем центральная выпуклость заключена в концентрическую линию растительного орнамента, от которой отходят четыре конца звездочки. Линия и звездочка процарапаны острым предметом, причем концы звездочек заполнены процарапанными косыми штрихами. Пластинка найдена в 1963 г. М. И. Пикуль в осыпи разрушенного погребения Мугерганского могильника (табл. XIX, 160).

Обычно такие предметы употреблялись на территории Ближнего Востока в качестве налобной пластинки коней, запрягаемых в боевые колесницы. Наиболее близка к нашему предмету пластинка из Сакизского клада Курдистана¹⁹⁶. Исследователи (А. Годард, Р. Гиршман, Б. Пиотровский и др.) выделяют из предметов клада изделия, выполненные урартскими мастерами. Причем, пластинку они относят к урартским изделиям и датируют VIII в. до н. э.¹⁹⁷

Как известно, боевая колесница была распространена во многих странах древнего Востока. Особенно прославилась она в Ассирии. Урартские колесницы VIII—VII вв. до н. э. до деталей повторили форму ассирийских колесниц¹⁹⁸.

Начиная с IX в. до н. э. урарты проводили свою экспансионистскую политику с целью присоединения к себе плодородной Араратской долины и захвата скота в горах. Ареной острой политической борьбы Ассирии и Урарту был Приурмийский район; особенно ожесточенной была эта борьба в эпоху Саргона II (722—705 гг. до н. э.) и Русы I (730—714 гг. до н. э.). На стороне Урарту активное участие принимали северокавказские племена, в частности предки дагестанских народов, занимавшие тогда территорию восточного Кавказа вплоть до границ Ассирии и Урарту (Г. А. Меликишвили, И. Алиев)¹⁹⁹. При таких условиях естественно было бы ожидать снабжения урартами своих союзников передовой для того времени военной техникой и снаряжением.

Следовательно, появление анализируемой пластинки на территории южного Дагестана следует ожидать с большей вероятностью между IX и VIII вв. до н. э.]

¹⁹⁶ A. Godard. Le Trésor de Ziwié (Kourdistan). Haarlem, 1950, p. 117, 118; R. Ghirshman. Le Trésor de Sakeez. Artibus Asiae, XIII, 3. 1950.

¹⁹⁷ Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток. СА, XIX, М., 1951, стр. 151.

¹⁹⁸ Его же. Урартская колесница. Сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 300—341.

¹⁹⁹ Г. А. Меликишвили. Наири—Урарту. Древневосточные материалы до истории народов Закавказья. Тбилиси, 1954, стр. 406; И. Алиев. История Минии. Баку, 1960, стр. 66, 102—107.

2. *Удила*. Все они откованы из железа. У одних внешние концы загнуты в большие кольца, у других кольца образованы перевитым вокруг стержня концом проволоки. Первые встречены на Хабадинском (3 экз.), Сумбатлинском (2 экз.) и других могильниках и Аркаском городище (2 экз.), а вторые — только на Аркаском городище (1 экз.)²⁰⁰. Сумбатлинские и хабадинские удила были снабжены подвижными кольцами для связи с уздой (табл. XIX, 84—86).

Наиболее ранние формы железных удил найдены в комплексах Хоромского могильника VIII в. до н. э. (Зап. Армения)²⁰¹. Наши удила несколько отличаются от них. Они более близки к удилам Северного Кавказа и Скифии VII—нач. VI вв. до н. э. Встречаются они в Дагестане и в более позднее время. Удила с перевитыми концами аналогичны удилам из скифских комплексов Украины²⁰².

3. *Псалии*. Они сделаны из бронзы, железа и кости.

а) Роговидный псалий с двумя отверстиями. Один экземпляр найден на Хабадинском могильнике вместе с двухдырчатым железным псалнем и удилами, имеющими подвижные кольца (табл. XIX, 87).

Роговидные псалии характерны для территории юго-восточной Европы и Поволжья скифского времени. Псалии с тремя отверстиями бытовали до конца VI в. до н. э., а с двумя — появились с конца VI — начала V вв. до н. э., т. е. со времени изменения конструкции скифосавроматской узды²⁰³. Так, например, роговидные псалии с тремя отверстиями встречены в комплексах VI в. до н. э. степного Поднепровья (кург. 2/2 у сел. Константиновка Мелитопольского района)²⁰⁴, а с двумя — на городище у сел. Архангельское Гремячинского района Воронежской области (Средний Дон) в слоях V—III вв. до н. э. и на городище Бутучены (Молдавия) в слоях IV—III вв. до н. э.²⁰⁵ По-видимому, наш псалий также следует отнести примерно к V в. до н. э.

²⁰⁰ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 67—70, рис. 14, 19.

²⁰¹ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 211.

²⁰² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, М., 1953, стр. 81, рис. 20 (внизу); его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифско-сарматской археологии», стр. 112—113, 115, рис. 31 (наверху); ОАК, 1897, стр. 14, рис. 49; В. А. Ильинская. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, стр. 105.

²⁰³ П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифско-сарматской археологии», стр. 157; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 81.

²⁰⁴ П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 149, табл. 1, 21.

²⁰⁵ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. «Свод археологических источников», вып. Д1—31. М., 1965, стр. 6, 8, 31, табл. XI; 23, 28; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднепровья. МИА, 64, М., 1958, рис. 30, 21.

б) Железные псалии с прямым стержнем и 8-образным расширением у обоих отверстий. Один экземпляр встречен на Хабадинском могильнике, другой — на Аркаском городище (табл. XIX, 82, 89). Они в скифии появляются в V в. до н. э. и получают широкое распространение в IV в. до н. э.²⁰⁶

в) Железный псалий с двумя отверстиями и г-образным одним и расширенным полусферическим другим концами стержня. Единственный экземпляр найден на Аркаском городище (табл. XIX, 88). Такие псалии были широко распространены в савроматских памятниках Поволжья, Приуралья, а также на Алтае. Датируются V в. до н. э.²⁰⁷

г) Железный С-образный псалий с двумя отверстиями. Он у нас один и происходит с Аркаского городища (табл. XIX, 83). Этот тип также характерен для савроматов и датируется V—IV вв. до н. э.²⁰⁸

д) Железные двухдырчатые псалии, откованные из узкой железной пластинки. У концов стержня имеются выступающие круги, а к середине его — четырехугольные отверстия. Пара таких псалий найдены на Хабадинском могильнике вместе с железными удилами и с подвижными кольцами. Эти удила уникальны.

4. Среди конского инвентаря наших памятников имеются бронзовые и смальтовые конические *ворворки*, предназначенные для украшения кистей уздечек или скрепления ремней на месте их пересечения. По одной бронзовой ворворке найдено на Хабадинском и Таркинском могильниках (табл. XIX, 81, 92, 93)²⁰⁹, причем на Таркинском могильнике он обнаружен в разрушенном комплексе вместе с обломками керамики сарматской эпохи. К. Ф. Смирнов и М. И. Пикуль отмечают их близость к фалларам скифских уздечек²¹⁰. Характерны они и савроматам, а позднее сарматам²¹¹.

5. *Бляхи*. Многие из них украшали принадлежности конского снаряжения. В большинстве случаев они скрепляли ремни на местах их пересечений. Часть из них помимо утилитарной носили и культовую нагрузку.

а) Бронзовые бляхи умбовидной формы. По бортику они украшены мелкими дисковидными выпуклостями и концентрической елочной линией. На Хабадинском могильнике их найдено 3 экземпляра

²⁰⁶ В. Г. Петренко. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э., стр. 37, рис. 26, 1, 2, 26.

²⁰⁷ К. Ф. Смирнов, стр. 84, рис. 45, 2, 3; В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 37, табл. 26, 19.

²⁰⁸ В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 37, рис. 26, 1, 2, 26.

²⁰⁹ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 70, рис. 14, 9; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 252, рис. 12, 5.

²¹⁰ Там же; см. также В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 41, табл. 32.

²¹¹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 93, рис. 50, 12, 13; 51, 2.

(табл. XIX, 90). Бляхи описанного типа встречаются в комплексах скифоидной материальной культуры Евразии V в. до н. э.²¹²

б) Пластинчатая литая серебряная бляшка в виде головы волчицы, данной в профиль. Изображение отличается реалистичностью и высоким мастерством исполнения. Животное воспроизведено с раскрытой пастью, короткими ушами и небольшим глазным овалом с острой слезницей. Оскал зубов подчеркнут. Пасть обведена линией, прочерченной позже, когда украшение носили на узде. Такими же линиями увеличено изображение пасти, на голову нанесены геометрические, ромбовидные узоры. Такая бляшка одна и найдена на Хабадлинском могильнике (табл. XIX, 106).

Для исконных кавказских древностей характерно изображение раскрытой пасти, правда без выделенных зубов у хищников²¹³. Среди археологических материалов памятников савроматского круга встречаются изображения зверей с раскрытой пастью, подчеркнута выделенным оскалом и валиком вокруг губ²¹⁴. Наше изделие сугубо местное, однако появление выделенных клыков, видимо, надо приписать влиянию савроматского искусства. Появление более поздних прочерченных линий, создающих эффект большой пасти и валиков губ, по-видимому, объясняется тем, что заказчик, целиком следующий канонам савроматского искусства, не был удовлетворен продукцией местного мастера и сам в ущерб красоте изделия дополнил изображение наиболее существенными чертами звериного стиля савроматов.

в) Две бляшки, отлитые из сплава бронзы и сурьмы, найдены на Аркаском городище. Одна из них имеет форму головы барана, другая — коня. Первая выполнена довольно реалистически, вторая — несколько условно. М. И. Пиккуль считает их скифскими, датирует VI—V вв. до н. э.²¹⁵ В достоверности этих фактов и выводов не приходится сомневаться.

6. На наших памятниках встречены фаллары, наносники и другие принадлежности конского инвентаря. Их анализ произведен в монографии М. И. Пиккуль «Эпоха раннего железа в Дагестане» и здесь нам нет необходимости возвращаться к ним. Хочется лишь напомнить об одном так называемом дигорском наноснике, найденном на Аркаском городище, свидетельствующем о контактах племен, оставивших Аркаское

²¹² В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, стр. 129, 130, табл. V, 24—26; VII, 1—4; LVI, 1, 5; XVI, 1, 6, 8; XVII, 13; XXXI, 2, 3; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. стр. 95—97; В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 40, табл. 27, 54.

²¹³ МАК, VIII, М., 1900, стр. 41, табл. XXII, 1.

²¹⁴ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1962, стр. 227, 228.

²¹⁵ М. И. Пиккуль. Ук. соч., стр. 69, 70, рис. 16, 36, 37.

городище и дигорские памятники кобанской культуры (табл. XIX, 96—99). Дата этого паносника IX—VII вв. до н. э.²¹⁶

Судя по материалам, полученным с Аркасского городища и Хабадинского могильника, структура узды дагестанских племен V в. до н. э. была такая же, какая у скифов.

Культовые изделия. Они разнообразны и выразительны. Встречаются привнесенные и местные навершия, зооморфные и антропоморфные статуэтки.

1. *Навершия.*

а) Бронзовое изделие в виде полого шарика с вертикальными прорезями, надетого на круглый стержень. Шарик опирается на -образную петлю. На стержень чуть выше шарика надето кольцо. Внутри шарика цельнометаллический кусок, издающий звон. Навершие обнаружено на Шаракунском могильнике (табл. XII, 6).

По своему характеру предмет примыкает к скифским изделиям VI—начала V вв. до н. э., известным в литературе под названием «булавы», «символы власти», «бунчуки», «штандарты», «шумящие навершия» и другие²¹⁷.

б) Конические бронзовые навершия, увенчанные колпачками в виде церковного купола и основанные на исходящих от стержня коротких отрезках. Последние к концам утолщаются и торцы имеют полусферические формы. Таких наверший в Дагестане найдено два. Одно происходит с Каратинского могильника (табл. XVIII, 12), другое найдено в окрестностях г. Хасавюрта и ныне хранится в Дагестанском краеведческом музее.

Конические навершия характерны скифам, но их навершия увенчаны изображениями животных, птиц, солярных знаков и не имеют оснований, подобных нашим²¹⁸. Однако можно считать наше изделие разновидностью скифских конических наверший.

Таким образом, оба навершия, несмотря на различия в деталях, относятся к скифским. В. И. Ильинская по характеру устройства шумо-

²¹⁶ Там же, стр. 61, 62, рис. 14, 22.

²¹⁷ И. И. Линниченко. Археологические новости на Киевской археологической выставке. ЗООИД, XXI, протокол 309 заседания, стр. 47; СМЕЛЫ, III, стр. 67; Д. Я. Самоквасов. Основные хронологические классификации и каталог коллекций древностей. Варшава, 1882, стр. 29. № 1446—1447; А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб., 1887, стр. 95—96; Древности Приднепровья, II, стр. 21; ОАК, 1882, 1888 гг., табл. CXIVII; R. Ghirshman. Fouilles de Sialk. Pres de Kashan 1933, 1934, 1937, V. 11, Musee du Louvre departement des antiquites orientales (serie archaeologique, t. V), Paris, 1939, pl. XXL, 5, 6; LVI, 8, 893.

²¹⁸ В. А. Иллінська. Про скіфські навершники. «Археологія», т. XV, Киев, 1963, рис. 2, 3, 6, 7; 3, 1, 2, 8, 12; еѣ же. Скифское навершие из окрестностей Чернигова. КСИА, 12, Киев, 1962, стр. 78—84, рис. 2, 3; В. В. Шлеев. К вопросу о скифских навершиях. КСИИМК, XXXIV, М., 1950, стр. 53—61, рис. 15, 5, 6, 9.

вых приспособлений разделила скифские навершия на ранние — конца VII—начала V вв. до н. э., у которых шумовое устройство выделено, а украшения играют второстепенную роль, и поздние — V—IV вв. до н. э., у которых шумовое устройство уступает свое ведущее место изображению фигур животных²¹⁹. У наших наверший роль шумовых приспособлений выделена и украшения незначительные. Поэтому они должны быть отнесены к VII—нач. V вв. до н. э.

От вышеописанных наверший отличаются местные зооморфные навершия.

в) Навершия в виде статуэток коней, стоящих на разветвленных кверху стержнях. Они отлиты по восковым моделям и изнутри заполнены алебастровой массой. Их два. Одно найдено на культовом месте горного перевала Речол, в 1 км от сел. Гагатель Ботлихского района, другое — в окрестностях сел. Согратль.)

Статуэтка навершия с перевала Речол представляет собой изображение коня с настороженно поднятой головой, сведенными друг к другу копытами и рассеченной в нескольких местах вертикальной гривой. Хвост опущен между ногами и соединяется со стержнем. Глаза обозначены кругами с точками по центрам. Уши сведены назад. Фалл обозначен. Копыта выделены. Высота фигурки 10 см.²²⁰

Статуэтка согратлинского навершия передана также, только в отличии от первой у неё на голове рельефом обозначена уздечка, уши сведены вперед и вертикальная грива рассечена в трех местах. Высота фигурки — 11,5 см (табл. XIV, 7, 9)²²¹.

г) Литое бронзовое навершие в виде козленка, стоящего на перекладине, соединенной шейкой-перехватом с коническим стержнем. Стержень украшен резными парными зигзагами и горизонтальными насечками. В верхней части стержня имеются отростки и отверстие, с которым посредством кольца соединяли колокольчик. Изображение козла схематично. Короткие рога обращены назад, глаза обозначены точками. Высота навершия — 11,6 см, высота животного — 4 см, длина — 4,3 см (табл. XIV, 1).

Навершие найдено в глиняном кувшине жителем сел. Мачада М. Абдуллаевым на крутом склоне урочища Хабзал, расположенном у дороги Мачада—Гидмость Советского района, и ныне хранится у него.

д) Литое бронзовое навершие из 2-го Согратлинского жертвенного места. Оно представляет собой довольно схематически тракто-

²¹⁹ В. А. Иллінська. Про скіфські навершники, стр. 46; её же. Скифы днепровского лесостепного левобережья, стр. 157.

²²⁰ А. П. Круглов. Культовые места..., стр. 38—40, рис. 15.

²²¹ Там же, стр. 39—40, рис. 16.

ванную фигуру тельца со сведенными ногами, опирающимися на трубчатую втулку. Детали изображения не выделены. Высота навершия — 7,7 см, высота тельца — 5,8 см, длина — 9,6 см. (табл. XIV, 6). Хранится в Дагестанском краеведческом музее.

По поводу назначения наверший, в частности скифских, существуют самые разнообразные, порою малообоснованные, а в некоторых случаях диаметрально противоположные взгляды²²². Л. П. Семенов и А. П. Круглов, например, считали их навершиями культовых знамен²²³. К. Шаффер, ссылаясь на изображения из храма Ишарты в Мари, рассматривает навершия в качестве штандартов²²⁴. В. А. Ильинская выдвигает гипотезу буферного характера: «они применялись в самых разнообразных случаях, обусловленных их культовым назначением»²²⁵. Последняя точка зрения нам кажется убедительной. Навершия, выявленные среди предметов Казбекского клада, имели, видимо, одинаковое с вышеописанными типами применение, а их Е. И. Крупнов функционально отождествляет с навершиями хевсурских старейшин²²⁶. Хевсурские старейшины выполняли функции как жрецов, так и руководителей всей светской жизни общины²²⁷.

Навершия скифов и дагестанских племен, видимо, выполняли почти одинаковые функции.

Точных аналогий навершиям типа в-д за пределами Дагестана нам не известны. Однако они по характеру установки фигурок животных на разветвленных или цельных стержнях, позе изображения животных близко напоминают статуэтки из Алак-Уюка, Мегедо (Палестина), Монтета (Ливан) и других памятников Малой Азии²²⁸, а также Кавказа (памятники кобанской культуры, Урартов и т. д.), эпохи бронзы и раннего железа. Однако наши изделия в своих деталях строго индивидуальны и отражают местные дагестанские особенности. Кобанские

²²² В. В. Шлеев. Ук. соч., стр. 53.

²²³ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг. Известия научно-исследовательского института краеведения, т. I, стр. 194—195; А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 39—40.

²²⁴ C. F. A. Schaeffer. Nouveaux temoignages du culte de el et de baol a ras-Shamra—ugarit et ailleurs en Syrie—Palestine.—Syria revue d'artoriental et d'archeologie publiee par l'institut francais d'archeologie de Beyrouth, t. XLIII, Paris, 1966, pl. III, fig. 9.

²²⁵ В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 51—52, 60.

²²⁶ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., стр. 246—247, 261; П. С. Уварова. Путевые заметки, ч. III, стр. 134.

²²⁷ М. О. Косвен. Семейная община. СЭ. 3, 1948, стр. 9.

²²⁸ C. Schaeffer. Stratigraphie comparee et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, fig. 176, 4; 177, 10; 178, 4; 135, 50.

и урартские статуэтки, например, вычурно-реалистичны²²⁹. Наши фигурки просты и реалистичны, и в то же время мастер сумел подчеркнуть те черты, которые нужны были ему для передачи образа. В этом они ближе к ближне-восточным статуэткам.

2. Антропоморфные статуэтки. Интересные коллекции мелких статуэток собраны из различных памятников Дагестана. В основном они встречены на культовых местах. Хранятся в музеях Москвы, Ленинграда, Грузии, Дагестана, а также у частных лиц. Они постоянно привлекали к себе внимание различных коллекционеров и исследователей²³⁰, но до сих пор остаются проблематичными вопросы их классификации, датировки, назначения.

Из многочисленных дагестанских статуэток, среди которых имеются и плоско-вогнутые средневековые, отлитые по одностовчатым формам, нас интересуют архаичные реалистические объемные статуэтки, изготовленные по восковым моделям иногда с применением формовочной массы. Среди таких статуэток встречаются мужские и женские.

Женские статуэтки довольно разнообразны и выразительны. По своему характеру они делятся на несколько типов.

а) Статуэтки, изображающие стоящих во весь рост обнаженных женщин с подчеркнуто выраженными половыми признаками. Все они подпоясаны и на голове имеют убор, напоминающий чухто дагестанских женщин. В чуть выдвинутых вперед руках, на уровне груди держат наполненный чем-то сосуд.)

Всего их четыре. Одна статуэтка такого типа куплена представителем ГИМ 2 июля 1923 года у жителя сел. Кубачи Расула Магомедова, другая в том же году куплена А. М. Завадским в сел. Тинди, третья происходит с Согратлинского культового места²³¹, четвертая доставлена В. Г. Котовичем в ИИЯЛ из Цумадинского района²³².

У тиндинской статуэтки под головным убором имеется коса, закру-

²²⁹ А. О. Мнацаканян. Повозки из курганов бронзового века у озера Севан. СА, 1960, № 2, стр. 149—150; его же. Находки предметов бронзового века в сел. Тологс Армянской ССР. КСИИМК, вып. 54, стр. 101; К. Х. Кушнарера. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, XXVII, 1957, стр. 135 и сл.; МАК, VIII, табл. CXVII, CXVIII; A. Tallgren. Caucasian monuments. ESA, V, 1930, p. 156—163.

²³⁰ А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана, стр. 31—40; И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Диндо. СА, М.—Л., 1951, XV, стр. 281—291; А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 35. № 22; М. Исаков. Археологические памятники Дагестана, №№ 933, 1061, 1066, 1071, табл. 7, 1, 3; A. A. Zakharov. Materials for the archaeology of the Caucasus, Swiatowit, t. XV, p. 65—115.

²³¹ A. Zakharov. Ук. соч., стр. 91—96, табл. 90—91; 100—102; Статуэтки из Тинди, а также приобретенная у Р. Магомедова, хранятся в ГИМ, из Согратлинского культового места—в музее Дагестана.

²³² В. Г. Котович. Отчет о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1955 г. Архив ИА АН СССР, д. 1156, стр. 67—68, табл. XXIX.

ченная вокруг головы и нечто подобное веревке (может быть и ожерелье) вокруг пояса и шеи, а также четырехугольная пряжка на поясе. Причем, веревка на шее обвязывает конец ниспадающего головного убора. На кистях рук — витые браслеты с разомкнутыми концами и в ушах — многовитковые привески с обратной петлей (табл. XVII, 2—5).

У других типов женских статуэток руки трактованы иначе.

б) Две статуэтки сравнительно большого размера. Первая происходит из сел. Согратль (культовое место), вторая приобретена ГЭ у жителя сел. Кубачи Расула Магомедова.

Согратлинская статуэтка представляет собой изображение обнаженной женщины с полусферическими грудями и поднятыми до их уровня согнутыми в полукруг как бы для объятия руками. Она не опоясана. На голове граница волос и лба прочерчена линией. В ушах имеются отверстия для украшений. Грубые черты лица, прямой, сильно выдающийся нос, большой рот, тяжелый подбородок, посадка головы на высокой толстой шее придает фигурке мужской облик. Судя по согнутым в кулак пальцам, образующим вертикальное круглое отверстие, в руках были какие-то предметы, иначе — атрибуты. Ноги опираются на перемычку с кольцом, к которой, видимо, подвешивали колокольчик (табл. XVI, 2).

Вторая статуэтка отличается от первой лишь тем, что в правой руке находился кубок, вокруг головы и шеи — нечто подобное веревке или ожерелью и голова опрокинута (табл. XVI, 4) ²³³.

в) Фигурка беременной женщины, приобретенная ГИМ у жителя сел. Кубачи Р. Магомедова, имеет выдвинутую вперед согнутую в локте правую руку. Её пальцы сведены, будто сжимают какой-то массивный предмет. Левая рука лежит на вздутом животе как бы массируя его. В нижней части живота прочерчены зигзагообразные линии и насечки. Груды без сосков, обозначены треугольниками, обращенными вершинами вниз. Голова круглая, нос с горбинкой. Губы выражены слабо. Глаза обозначены двумя кругами, в центре каждого из которых по вдавленности. Уши трактованы довольно схематично. На голове убор, напоминающий тюбетейку. От затылка до ягодиц ниспадает коса (табл. XVI, 3) ²³⁴.

г) Статуэтка обнаженной женщины с распростертыми руками, распущенными волосами и полусферическими грудями. Ноги непропорционально коротки, но переданы реалистично. Пальцы рук и ног подчеркнуты. На голове маленькая круглая шапочка, на шее — украшение (табл. XVI, 1). Она доставлена Г. Д. Дидебулидзе в Общество истории

²³³ А. Захаров. Ук. соч., стр. 98, рис. 113—114; А. П. Круглов. Культовые места..., стр. 35—36, рис. 14; М. Исаков. Ук. соч., стр. 74, № 934, табл. 7, 3.

²³⁴ А. Захаров. Ук. соч., стр. 102, рис. 119—121, инв. № ГИМ—64049.

и этнографии Тбилисского университета «из Дагестана» и ныне хранится в музее Метехи²³⁵.

д) Статуэтка сидящей на стуле обнаженной женщины с младенцем на руках. Стул на четырех ножках с низкой спинкой, вроде тех, какие и теперь встречаются в горах; женщина непропорционально велика по отношению к стулу и имеет оригинальный головной убор, состоящий из особого рода шапки типа башлыка с небольшим рогом впереди и выступом сзади, от которого по спине спускается какая-то лента или коса. На шее ожерелье или гривна. Женщина придерживает левой рукой ребенка, а правой дает ему грудь²³⁶.

Статуэтку впервые в сел. Ратлуб (Советский район) увидел Д. Н. Анучин и описал ее. Впоследствии она стала собственностью фотографа А. С. Роинова, затем попала в коллекцию Великого князя Георгия Михайловича. Местонахождение статуэтки в настоящее время неизвестно²³⁷.

е) Статуэтка обнаженной женщины, которая в согнутых руках держит: в левой — кувшин со сливным носиком, коническим туловом и широким дном; в правой — конический, чуть изогнутый рог. На голове убор в виде венчика с двумя продольными валиками спереди к затылку. Из-под убора на шею спускается коса, соединяющаяся с гривной или ожерельем. Грубые черты лица, горбатый выдвинутый нос, выделенные скулы, тяжелый подбородок, длинная шея и широкие плечи напоминают лицо и осанку чванливого старика. Однако довольно большие конические груди и прическа определяют в ней женщину. Все черты трактованы грубо. Статуэтка происходит «из Дагестана», куплена А. К. Сержпутовским у некой М. М. Монастырской 11 мая 1939 года и ныне хранится в ГЭ. Высота изделия — 8,2 см (табл. XVI, 1).

Мужские статуэтки. Их много и представлены самыми разнообразными типами.

а) Статуэтка обнаженного мужчины с подчеркнуто выделенными половыми признаками, широким поясом и усеченно-коническим головным убором. Нос прямой и сильно выступающий, надбровные дуги подчеркнуты, борода узкая, длинная и выступающая вперед. Волосы длинные и распущены по спине. Правая рука приподнята до уровня плеч и в зажатых пальцах сохранились остатки какого-то предмета; левая рука согнута и находится на уровне пояса. В целом, черты лица и фигуры трактованы грубо. Высота изделия — 9,2 см (табл. XV, 7).

²³⁵ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. II, стр. 59, рис. 14.

²³⁶ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. «Известия Русского географического общества», т. 20, вып. 4, СПб., 1884, стр. 443.

²³⁷ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. I, Тбилиси, 1949, стр. 252.

Она найдена землеустроителем Пригоровским на вершине горы Берка, в 3 км к югу от сел. Арчо Ахвахского района и опубликована А. П. Кругловым²³⁸.

б) Статуэтка обнаженного мужчины со слабо выраженными половыми признаками, крутыми бедрами, подчеркнуто выраженной грудной клеткой и выступающей вперед трапециевидной как бы привязанной бородой. На голове короткие волосы, завязанные спереди узлом. Руки согнуты в локтях, правая поднята кверху чуть выше плеч и в зажатых в кулак пальцах сохранились остатки предмета из иного металла; левая выдвинута вперед и находится на уровне живота. Черты лица резкие, грубые. Высота изделия — 11,2 см (табл. XV, 8).

Она найдена А. П. Кругловым на культовом месте Берка около сел. Арчо²³⁹.

в) Статуэтка обнаженного мужчины с подчеркнуто выраженным приподнятым к животу фаллосом. Она близка обоем вышеописанным статуэткам, только в отличие от них не имеет ни головного убора, ни прически, ни пояса. Ноги опираются на основу. Фигура трактована грубо. Высота изделия — 7,7 см. Она найдена школьниками в окрестностях сел. Кахиб Советского района и передана в ИИЯЛ, в фондах которого она ныне хранится²⁴⁰.

г) Статуэтка обнаженного мужчины в гребенчатом шлеме. Руки согнуты в локтях, правая приподнята чуть выше плеч и в зажатых в кулак пальцах сохранились остатки какого-то предмета иного металла, левая — находится на уровне груди. Большой нос сильно выделяется и выдается вперед. Глаза обозначены глубокими впадинами с выпуклостями посередине. Рот намечен горизонтальной чертой. Подбородок переходит в выступающую вперед заостренную длинную бороду. Плечи широкие. Ноги полусогнуты в коленях и опираются на основу. Высота — 9,1 см (табл. XV, 1) Она найдена А. П. Кругловым на культовом месте у сел. Арчо²⁴¹. О статуэтке с таким же гребенчатым шлемом пишет А. Захаров. По его словам она находится в Русском музее²⁴².

д) Статуэтка обнаженного мужчины с четко выраженными половыми признаками. Руки согнуты в локтях, правая поднята выше плеч и в зажатых в кулак пальцах, сохранились остатки какого-то предмета, а левая рука — вытянута вперед и находится на уровне груди. На

²³⁸ А. П. Круглов. Культовые места..., стр. 33, рис. II, д.

²³⁹ А. П. Круглов. Ук. соч., рис. 12.

²⁴⁰ В. Г. Котович. Отчет о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1955 году. Архив ИА АН СССР, стр. 67—68, табл. XXIX.

²⁴¹ А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 33—34, рис. 13; Северокавказская экспедиция. КСИИМК, I, М., 1939, фиг. 6.

²⁴² А. Захаров. Ук. соч., стр. 84, рис. 65—66.

голове высокий конический убор. В целом фигура трактована несколько грубо. Несколько экземпляров таких статуэток происходит с «Андийского округа» и получили освещение в работе И. И. Пантюхова «О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе»²⁴³.

е) Статуэтка обнаженного мужчины. Он изображен стоящим с выступающей вперед бородой и торчащими ушами. Руки в локтях согнуты и прижаты к животу. Пальцы зажаты в кулак. Грудь и фаллос переданы полусферическими выступами. На голове убор, напоминающий фригийский колпак. На талии узкий веревочный пояс с круглой пряжкой впереди. Через правое плечо перекинута португепя с полусферическими выпуклостями. Предмет отлит невыразительно. В 1903 г. был приобретен А. М. Завадским в сел. Тисси и ныне хранится в ГИМ (табл. XV, 3)²⁴⁴.

ж) Статуэтка стоящего воина, одетого в «полушубок». Ноги обуты. С правого плеча на левое перекинут колчан. Правая рука лежит на бедре, левая — на колчане. Волосы на голове подрезаны. Лицо без бороды. В целом фигура отлита в обычной грубоватой манере. (Табл. XV, 2). Она найдена И. В. Мегрелидзе на культовом месте горы Кидила-Шан (Дидоэтия Дагестана)²⁴⁵.

Все статуэтки отлиты из бронзы по восковым моделям с применением формовочной массы. Исключение составляют статуэтки из сел. Тинди и Гагатля с высоким головным убором, которые целиком отлиты из бронзы. Для всех видов статуэток характерно:

— реалистичность передачи образа при стилизации отдельных черт. Грубость моделировки фигур и диспропорция между отдельными частями тела: головой и туловищем, туловищем и ногами и т. д.;

— за редким исключением ритуальная обнаженность как мужских, так и женских статуэток с характерными головными уборами и в некоторых случаях поясами;

— своеобразие позы с атрибутами или их остатками в руках;

— подчеркнутость половых признаков;

— бороды для мужских и распущенные или уложенные в коосу волосы для женских.

При датировке этих статуэток мнения исследователей более или менее сходятся. А. А. Иессен, говоря о дагестанских статуэтках вообще, относил их к I тысячелетию до н. э. — I тысячелетию н. э., ограничивая время их производства появлением мусульманства²⁴⁶. А. П. Круг-

²⁴³ И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тбилиси, 1896, стр. 58, табл. VII.

²⁴⁴ А. Закарагов. Ук. соч., стр. 102, рис. 122—123; «Древности», Тр. МАО, т. XXI, ч. I, протоколы, стр. 52.

²⁴⁵ И. В. Мегрелидзе. Ук. соч., стр. 290, рис. 12.

²⁴⁶ А. А. Иессен. Работы на Сулаке..., стр. 34, 37.

лов относил интересующие нас статуэтки к V в. до н. э.²⁴⁷ И. В. Мегрелидзе датировал тем же временем и средневековые плоско-вогнутые статуэтки²⁴⁸.

Среди наших изделий наиболее выразительна тиндинская статуэтка с поясными, височными и ручными украшениями. При определении даты этой статуэтки вслед за А. Захаровым А. П. Круглов опирался на ее височные украшения, которые сопоставлял с каякентско-харачоевскими привесками в полтора оборота²⁴⁹. Новые материалы, полученные после исследования А. Захарова и А. П. Круглова позволяют расширить хронологический диапазон бытования этих привесок с эпохи бронзы до начала средневековья. При непосредственном исследовании тиндинской статуэтки нам удалось установить, что она имеет височную привеску не в полтора оборота, а многовитковую привеску с обратной петлей типа выявленной на Мугерганском и Каратинском могильниках IX—IV вв. до н. э. Разделенная на звенья пряжка на поясе статуэтки аналогична четырехугольным пряжкам скифского времени согратлинско-хабадинского типа, а на руках — браслеты с разомкнутыми концами. Все эти украшения бытовали в Дагестане в IX—IV вв. до н. э.

Арчинская статуэтка по гребенчатому шлему и позе напоминает паравакарские статуэтки Армении X в. до н. э. Известно, что гребенчатые шлемы с середины II-го тысячелетия до н. э. бытовали на территории Передней Азии и южного Кавказа. С IX в. на смену им приходят конические шлемы. Этот процесс, видимо, происходил на всем Кавказе²⁵⁰. Если так, то наши статуэтки с гребенчатыми шлемами датируются самым началом I тысячелетия до н. э.

Судя по конической форме шлема, статуэтки из Анди, видимо, также стали производиться с IX в. до н. э. Тем более по характеру трактовки фигур, итифалличности, позе и схематичности некоторых деталей, а также по форме головного убора андийские статуэтки аналогичны статуэткам начала I тысячелетия до н. э., выявленным на территории Северного Кавказа, Грузии, Армении (Зангизура), Саракамыша на Карсте, у гор. Смоленска и в Болгарии²⁵¹.

Статуэтка женщины с рогом в правой руке и кувшином в левой и такая же с рогом, но без кувшина (возможно утерян) по позе и атрибутам напоминают статуэтки из Айрумского клада (Армения) VI—

²⁴⁷ А. П. Круглов. Культурные места..., стр. 38, 40; его же. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 70, 71.

²⁴⁸ И. В. Мегрелидзе. Ук. соч., стр. 281—291.

²⁴⁹ А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 37.

²⁵⁰ С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян. Находки новых бронзовых статуэток в Армении, стр. 160—161.

²⁵¹ А. Захаров. Ук. соч., стр. 5—72, рис. 4—10, 12—14.

V вв. до н. э. Только форма кувшинов у айрумских иная и фигурки трактованы схематичнее²⁵². Рога (кубки) находились в руках и у казбекских мужских итифаллических статуэток V в. до н. э. Возможно и наши статуэтки с кубками датируются в пределах VI—V вв. до н. э.

По технике производства (объемные цельнолитые и литые с использованием формовочной массы), характеру изображения и трактовке образов к эпохе раннего железа относятся итифаллическая статуэтка бородатого мужчины с распущенными волосами, согратлинская статуэтка женщины с руками в позе «объятия», статуэтка беременной женщины и, наконец, статуэтки одетых мужчин.

Исследователи, которые в какой-то степени интересовались кавказскими, в частности, дагестанскими статуэтками, в поисках аналогов или близких форм справедливо обращались к древности Малой Азии²⁵³. Однако некоторые исследователи, в их числе В. Мюллер и А. Тальгрэн считали, что в зоне распространения так называемых Малоазийско-Кавказских статуэток происходило смещение племен, а А. Захаров видел здесь одну «цепь материальной культуры и языка»²⁵⁴. Мы вполне допускаем, что статуэтки могут быть показателями как культурно-исторических связей, так и перемещения племен, но только наряду с другими показателями. Статуэтки порождены определенными идеологическими представлениями, а чтобы идеи распространялись, вовсе не обязательно этническое смещение. Их типологическая близость также не может указать на миграцию племен. Весьма безлико и определение А. Захарова «цепь материальной культуры и языка».

Статуэтки из Малой Азии, Кобани, Паравакара и др. мест Кавказа так же, как и наши статуэтки, имеют непропорционально большие головы, удлинённые выступающие бороды, угловато-овальные глаза, широкие плечи с согнутыми в локтях руками, правая из которых держит нанесенное для удара копье, а левая — щит, прикрывающий грудь, а также длинные распущенные по спине волосы и пояс на талии. Производство статуэток по восковым моделям с применением плотной

²⁵² А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 275; С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян. Ук. соч., стр. 161—163, рис. 3.

²⁵³ Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, I, стр. 238—257, табл. XXIII, 2; А. Г. Цитладзе. К некоторым вопросам казбекского клада. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», Тбилиси, 1963, стр. 39—59; А. А. Захаров. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Тр. СА РАНИОН, II, М., 1928, стр. 34—36; С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян. Ук. соч., стр. 157—161, рис. 1, 2, 3; 2, 1—2, стр. 167; С. В. Безсонов. Бронзовые статуэтки из Саракамыш. Изв. Института наук и искусств ССР Армении. Ереван, 1930, стр. 57—74; МАК, VIII, стр. 64, рис. 58—62, 124, 125, 127, 128; A. Tallgren. Caucasian monuments, p. 122—164; его же. Kaukasische anthropomorphe Figuren und der vorderasiatische Kulturkreis. Berlin, 1930.

²⁵⁴ А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 34, 38, 39, 40.

формовочной массы, было характерно очагу бронзолитейного производства Малой Азии и Кавказа II тысячелетия до н. э.²⁵⁵, а техника литья цельных объемных статуэток — для той же территории III тысячелетия до н. э. Однако в отличие от малоазийских статуэток, обнаженных лишь выше талии, наши статуэтки итифалличны. Паравакарские статуэтки также итифалличны, по характеру позы и атрибутам, а также по технике объемного цельного литья близки к нашим, но намного схематичнее²⁵⁶. Кобанские статуэтки, как и наши, объемные, итифаллические, реалистичные, ноги слегка полусогнуты и соединены перемычками, но волосы вовсе не обозначены, на теле имеют солярные знаки и служат лишь деталью каких-то ритуальных предметов. Так что наши статуэтки, входя в семью ближне-восточно-закавказских изделий пластики, составляют особую локальную группу.

В науке неоднократно ставился вопрос о назначении статуэток. Ш. Амиранашвили, например, сопоставляя статуэтки со сценой из триалетского серебряного ведра, считал, что антропоморфные бронзовые статуэтки изображали ритуально-магический сюжет типа шествия богов²⁵⁷. Другие исследователи считали, что они изображают различные самостоятельные божества²⁵⁸.

Ритуальная обнаженность, подчеркивание половых признаков, наличие в руках атрибутов, а также характерные головные уборы и пояса на талии красноречиво свидетельствуют, что мы имеем дело с конкретными антропоморфизированными божествами.

Интересны изображения обнаженных женщин с сосудами в руках. До настоящего времени по повериям дагестанских горцев, как и у многих других народов мира, полный сосуд служит символом удачи, счастья и изобилия. Когда человек пускается в путь, на его дорогу ставят сосуд, наполненный водой или организуют встречу с женщиной, несущей полный сосуд. «Это должно принести путнику удачу, благополучие и исполнение желания, самое главное — цель, с которой предпринято путешествие, должна быть достигнута». Изображение женщины с сосудом в руках и украшениями в ушах, на шее и поясе, представляющее собой рукоять ножа эпохи бронзы, найденного близ Итцего в Голь-

²⁵⁵ Е. О. Пущевская. Две древние восточные статуэтки. ГАИМК, V, стр. 462. Когда наша работа находилась в производстве, вышла в свет статья Е. Е. Кузьминой, где дается датировка, анализ, интересные выводы о характере дагестанских нагнаний со всадниками. Ее датировка и указание на технологические принципы изделий совпадают с нашими. Е. Е. Кузьмина. Нагнание со всадниками из Дагестана. СА, 2, 1973, стр. 178—190.

²⁵⁶ С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян. Ук. соч., стр. 157—161, рис. 1—3; 2, 1—4, 8.

²⁵⁷ Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1963, стр. 44.

²⁵⁸ С. В. Безсонов. Ук. соч., стр. 73—74.

штейне по позе и атрибутам напоминает наше изделие. Г. Ф. Розенфельд приводит ему параллели из Сирии и приписывает его божеству плодородия²⁵⁹.

Изображение сидящей женщины с ребенком в руках напоминает образ чечено-ингушской языческой богини любви и плодородия Тушולי²⁶⁰. Это божество особенно почитается женщинами. В молитве, обращенной к ней, говорится: «Дай нам благополучие. Сделай, чтобы нерождающие родили детей, а родившиеся остались живыми. Пошли нам обильный урожай, пошли дождь масляный и солнце лекарственное»²⁶¹.

Беременная женщина с зигзагами на вздутом животе и зерновидными насечками — символами вспаханного поля и посеянных зерен выражает готовность к рождению. В этом образе, видимо, обобщается рождение вообще — женщиной, скотом, небом и землей.

Статуэтка обнаженной женщины с распущенными волосами напоминает образ грузинского божества воды, дождя, благодетельницы источника, плодородия и строительства. Грузинское название этого божества — «Dintar, Dindar» переводится «богатый»²⁶². У аварцев также сохранилось название божества «Богатый—Бечед».

Статуэтки женщин с руками в позе «объятия» довольно выразительно символизируют любовь и страсть.

В целом все наши женские статуэтки отражают черты, приписываемые языческой религией божеству любви, плодородия типа Иштар—Изида—Афродита. Но разные положения, в которых они изображены, видимо, отражают его различные функции.

Мужские статуэтки в гребенчатом шлеме, с копьем в одной руке и щитом в другой из Зангизура, Кутаиси, Саракамыш, аналогичные по позам и атрибутам нашим изделиям, приписываются божеству грома и молнии типа Шамаш—Зевс—Тешупа—Тарка—Тейшеба²⁶³. Однако наши статуэтки помимо воинственных признаков и атрибутов имеют подчеркнуто выраженные половые признаки, позволяющие приписать им и функции мужского божества, покровительствующего размножению, изобилию и богатству. Такие сочетания функций божества молнии,

²⁵⁹ Hans-Friedrich Rosenfeld, Wort- und Sachstudien. Untersuchungen zur Terminologie des Aufzugs, zu webstuhl und schermethode der germanischen Bronze- und Eisenzeit und zur Frauentracht der Bronzezeit, sowie der Frage ihres Fortlebens.

²⁶⁰ Этно-культурная близость дагестанских и вайнахских племен в эпоху раннего железа документирована археологическими материалами.

²⁶¹ Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. «Терский сборник», вып. III, кн. 2, Владикавказ, 1893, стр. 75, 100—101.

²⁶² Н. Я. Марр. Иштар (от богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы). Избр. работы, т. III, М.—Л., 1934, стр. 348.

²⁶³ С. В. Безсонов. Ук. соч., стр. 71—72; Ш. Амирашабили. Ук. соч., стр. 42—47.

грома и войны у нас вполне допустимы, если учесть примеры языческих религий народов мира, в частности греков. В гор. Додоне по ранней форме религии, например, Зевса почитали богом плодородия, подателем пищи, владыкой эфира, открывавшим свою волю шелестом листьев священного дуба. На Крите его чтили в оргиях как умирающего и воскресающего бога растительности ²⁶⁴.

Интересно сопоставить сочетание поз мужских итифаллических статуэток с копьем и щитом в руках с позой женских статуэток с руками в позе «объятия». Они напоминают позы пары, танцующей дагестанскую лезгинку. В ритуальном танце общества Келеб (Советский район) мужчина делает весьма выразительные сексуальные движения. Если танцы в своих истоках были связаны с ритуально-магическим церемониалом хозяйственных праздников, то главными участниками их должны быть божественные пары типа Иштар и Тамуз, Адонис и Афродита и т. д. Если так, то установление статуэток божеств плодородия на культовых местах, где справлялись праздничные церемонии, вполне закономерно. Эти церемонии, видимо, напоминали праздники чеченцев, посвященные божествам типа Болям-дяла, Мятхели и т. д. Сущность их заключается в разжигании жертвенных костров, жертвоприношении, ритуальном шествии и молитве. В жертвеннике оставлялись статуэтки божеств — воображаемых участников ритуального шествия ²⁶⁵.

Статуэтки, как предметы материальной культуры, отражают процесс развития общества и его отношения с сопредельными культурами и народами. Как выше уже упоминалось, статуэтки мужчин с распущенными волосами, фигурка беременной женщины, массирующей свой живот и др. в трактовке многих черт находят параллели на территории Ближнего востока. Эти параллели, видимо, возникли благодаря контактам древних народов Ближнего востока и Дагестана через восточное Закавказье. Параллели мужских статуэток с коническими шлемами уводят на территорию к юго-востоку от Черного моря и в Анатолию.

На культовых местах Дагестана встречены и *зооморфные статуэтки*:

а) Бронзовые фигурки стоящих в спокойной позе козлов с длинными загнутыми назад рогами и острыми ушами и довольно грубо трактованными ногами и туловищем. Их всего три. Один выявлен Пригоровским при земляных работах на вершине горы Берак у сел. Арчо и опубликован А. П. Кругловым ²⁶⁶, другой, купленный в 1903 году Завадским, хранится в ГИМ (инв. № 57 766), третий, приобретенный

²⁶⁴ М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Се-
лецкий. Мифологический словарь. Л., 1961, стр. 98.

²⁶⁵ Б. Далгат. Ук. соч., стр. 97—115.

²⁶⁶ А. П. Круглов. Культовые места..., стр. 32, 34, рис. 11, 2.

в 1937 году СКАЭ у жителя хутора Беледи (Шадринский сельсовет Ботлихского района), хранится в Дагестанском краеведческом музее (табл. XIV, 3, 4)²⁶⁷.

б) Бронзовая статуэтка оленя с раскинутыми по обе стороны от головы ветвистыми рогами, грубо трактованными головой, туловищем и ногами. Причем ноги в конце изогнуты в крючок, шея и туловище обмотаны тонкой проволокой (табл. XIV, 2). Статуэтка происходит из Хунзахского района и ныне хранится в ГИМ.

в) Статуэтка барана. По грубости изображения фигурки и трактовке отдельных деталей она не отличается от статуэток козлов. Подчеркнуто выделены перевитые рога и массивный курдюк. Она происходит из Каратинского могильника (Ахвахский район) и ныне хранится в составе коллекции А. К. Сержпутовского в ГЭ, инв. № 208—2 (табл. XV, 5).

Для всех этих статуэток характерна спокойная стоячая поза. Мастер при их производстве употребил приемы обобщения с выделением определенных нужных ему для передачи образа деталей. Все они находят аналоги среди предметов металлопластики кобанской культуры²⁶⁸. Однако и наши, и кобанские статуэтки своими корнями уходят к зооморфным статуэткам Ближнего востока эпохи бронзы и раннего железа (Талыш—Персия, Алак—Уюк, Библос, Луристан и др.²⁶⁹).

г) Статуэтка коня со слабо выраженными копытами, опущенной головой, короткими ушами и четко выделенными очертаниями узды. Хвост передан торчащим выступом. Фигурка довольно схематичная (табл. XIV, 8). Изделие было найдено на берегу горного озера Орзен, расположенного на гребне одной из высот Богосского хребта и передано местными жителями И. В. Мегрелидзе, который опубликовал ее²⁷⁰.

Статуэтка коня и вышеописанные статуэтки, включая и антропоморфные, произведены по одной технике. Аналогичные по стилю изображения статуэтки коней находятся среди статуэток тагарской культуры Минусинской котловины V в. до н. э.²⁷¹ Однако голова нашего коня трактована иначе, чем голова тагарских коней. Надо полагать, или существовал единый источник, который питал и древний Дагестан, и Минусинскую котловину, или между племенами Дагестана и Минусинской

²⁶⁷ М. Исаков. Археологические памятники..., стр. 32, 34, рис. 11, 2.

²⁶⁸ МАК, VIII, стр. 66—67, табл. XXXV, 10, 11; XI, 4, 5; XXXVIII; LXIX, 1, 2; CV, 8, 9; CVIII, 26; CXII, 4.

²⁶⁹ C. F. Schaeffer. *Stratigraphie comparée et Chronologie...*, fig. 176, p. 287, 288; fig. 177, 10; 178, 4; p. 407, fig. 217; 50; 135; p. 170, fig. 221, p. 407.

²⁷⁰ И. В. Мегрелидзе. Ук. соч., стр. 117, табл. 25, 1, 20, 21.

²⁷¹ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 117, табл. 25, 1, 20, 21.

котловины существовали определенные контакты, возможно через посредство ираноязычных степных кочевников.

Среди предметов материальной культуры Дагестана эпохи раннего железа встречены изображения *фаллосов*. Одно из них найдено вместе с материалами Мугерганского могильника покойной М. И. Пикуль. Оно представляет собой цилиндрический стержень из известняка, на одном конце которого схематически изображено лицо человека в виде четырехугольных человеческих глаз (с обозначением век, радужных оболочек и зрачков), носа и рта; на другом конце просверлено отверстие (табл. XVIII, 18). Аналогичное изображение с более четко выраженными фаллическими признаками (лицо на одном конце и фаллос на другом) найдено на Урцекском могильнике и городище²⁷². Галечные фаллические изображения встречены и на Аркаском городище²⁷³, а в более раннее время — на Верхнегунибском поселении²⁷⁴.

Мы рассмотрели основной инвентарь памятников Мугерганского могильника и близких к нему погребальных комплексов. Он позволяет установить хронологические рамки памятников, выяснить характер быта и культуры, а также основу хозяйства ее носителей.

Наша задача по определению хронологических рамок памятников облегчается тем, что она многими нашими предшественниками решена и при этом весьма убедительно. В настоящее время к переходной от бронзы к железу эпохе отнесены Мугерганский могильник, нижние слои обследованных В. Г. Котовичем и М. И. Пикуль Пенжинского, Цмурского, Гаракского и Калинского городищ. К эпохе широкого распространения железа (VII—IV вв. до н. э.) относятся Аркаское (средние слои), Цыйшинское (нижние слои), Калинское (средние слои), Аральское городища, Бавтугайское (нижние слои), Гургур-раальское, Гинчинское, Пенджинское (средние слои), Макинское, Цмурское (средние слои), Гаракское (средние слои) поселения, а также Урцекский (древние комплексы), Карабудахкентский № 4, Цыйшинский (нижние слои), Хабдинский (древние комплексы), Каратинский, Шаракунский (древние комплексы) могильники.

Каратинский могильник по случайным материалам, поступившим в разное время в разные музеи страны, относили к эпохе средневе-

²⁷² В. Г. Котович. Отчет за 1962 год, табл. 101, а, 17; В. Г. Котович и др. Отчет за 1964 год, рис. 5, 17.

²⁷³ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 66—68, рис. 17, 1 а, б; 18, 7.

²⁷⁴ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 143.

ковья²⁷⁵. В 1956 году М. И. Пикуль выявила здесь культовое навершие скифского типа, обломок дуговидной фибулы и многовитковый браслет кобанского типа, относящиеся к VI—нач. V вв. до н. э.²⁷⁶

Хабардинский могильник датирован М. И. Пикуль VI в. до н. э. — III в. н. э.²⁷⁷ Наши исследования в целом подтвердили ее датировку. Начиная со времени возникновения в VI в. до н. э. вплоть до конца функционирования в III в. н. э. одни и те же племена с одной и той же материальной культурой хоронили здесь своих покойников. Некоторые могилы в силу интенсивного использования территории памятника перекрывали друг друга, а материальная культура развивалась, подвергаясь влиянию сопредельных культур, в частности скифских, савроматских и сарматских племен.

Нижние комплексы Урцекского могильника по железному акинаку с брусковидным перекрестьем и прямоугольным навершием, а также по ажурной умбоновидной бляшке датируются VI—V вв. до н. э.

Шаракунский могильник М. И. Пикуль датировала VI в. до н. э. — III в. н. э. Мы здесь будем говорить лишь о комплексах VI—IV вв. до н. э. Погребения №№ 65, 69, 75—77 отнесены ею к VI в. до н. э., а погребения №№ 2, 4, 5, 17, 18, 21, 24, 26, 27, 35—38, 50, 54, 56, 62, 63, 74 — к V—IV вв. до н. э.²⁷⁸

Погребение № 74 по ажурной умбоновидной бляхе и колокольчику с прорезным орнаментом²⁷⁹ датируется V в. до н. э. Такой же колокольчик обнаружен в 15 погребении вместе с керамическими антропоморфными статуэтками, аналогичными статуэткам из кувшинных погребений Мингечаурского могильника, которые в литературе датированы I—II вв. н. э.²⁸⁰ Однако датировать этот комплекс таким поздним временем не позволяют бронзовые трубочки-накосники, встречающиеся на северо-восточном Кавказе только до V в. до н. э.²⁸¹ В целом, погребение № 15 следует отнести к VI—V вв. до н. э.

Комплексы №№ 59, 65, 69, 27, 77, 41, 67, 76, 8, 39, 78 залегали на сравнительно одинаковом уровне.

²⁷⁵ ОАК за 1906, стр. 190; А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 34; М. Исаков. Археологические памятники..., стр. 87, № 1071, табл. II, 1—12.

²⁷⁶ М. И. Пикуль. Результаты археологических исследований 2 горного отряда ДАЭ в 1956, стр. 81—86, альбом, табл. XII, 1—3; Е. А. Алексеева. Поздне-Кобанская культура Центрального Кавказа, стр. 119, табл. XII; МАК, VIII, табл. IX, 7.

²⁷⁷ М. И. Пикуль. Хабардинский могильник, стр. 152—157.

²⁷⁸ М. И. Пикуль. Отчет за 1959, стр. 50—65; ее же. Отчет за 1961, стр. 61—215; ее же. Отчет за 1962, стр. 52—63.

²⁷⁹ МАК, VIII, табл. XXXVI, 16; Е. П. Алексеева. Ук. соч., стр. 223.

²⁸⁰ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Альбом кувшинных погребений. Баку, 1960, стр. 24, табл. XXX, 3—6.

²⁸¹ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 296, табл. XIV, 5—7; МАК, VIII, табл. XXVI, 9.

В погребении № 75 (гл.—2,5 м) найден высокий баночный сосуд с обмазанной наружной поверхностью, сероглиняный горшок, украшенный у венчика наклепным валиком с косыми насечками, а также два экземпляра остролистных наконечников копий с обломанными концами. Такие наконечники датируются скифским временем и считаются производными от подобных же бронзовых кавказских образцов²⁸². Более определенно указывает на эту дату обряд порчи пера наконечника. На Урус-Мартанском, Луговом, Нестеровском, Березанском и др. могильниках Северного Кавказа этот обряд наиболее четко проявляется в VI—IV вв. до н. э.²⁸³ В погребении № 75 найдены бронзовые бусы-скобочки, которые появились на Северном Кавказе в VI в. до н. э. и стали наиболее распространенными в V в. до н. э.²⁸⁴ Такие же бусы-скобочки встречены и в погребениях №№ 4, 21, 68, 73, 77. В погребении № 68 найдена и бронзовая спиралька, доживающая в Дагестане до V в. до н. э. (Мака, Аркас, Урцеки и т. д.)²⁸⁵, а в погребении № 4 — трубочки-накосники, также доживающие на Северном Кавказе до V в. до н. э.²⁸⁶ Трубочки-накосники найдены и в погребении № 62. В этом погребении встречены и обмазанные горшок и баночный сосуд, а также железный наконечник копья скифского времени. Такие же наконечники копий встречены и в погребении № 65 и 38. Обмазанные баночные сосуды или горшки представлены в комплексах № 24, 54, 65 и 75. Судя по находке вместе со скифским навершием, обмазанные сосуды пережиточно сохраняются до V—IV вв. до н. э. Такая керамика найдена и в архайчных предсарматских комплексах Карабудахкентского № 1 могильника²⁸⁷.

В погребениях № 2 и 16 найдены прямоугольные кремневые пластинки с боковыми гранями. Такие пластинки в ритуальных целях помещены в погребениях, датируемых до V в. до н. э., Нестеровского могильника²⁸⁸ и в погребениях предсарматского времени Карабудахкентского могильника № 1²⁸⁹. В погребении № 16 помимо этих пластинок найдена костяная проколка, доживающая до V в. до н. э. Такие проколки встречены и в погребениях № 5 и 77. Погребения №№ 7 и 17 имели по одному пряслицу с высокой тульей, аналогичные северокавказским, бытующим там до IV в. до н. э.²⁹⁰

²⁸² Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 225.

²⁸³ Там же, стр. 215, 482.

²⁸⁴ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., стр. 197, 214.

²⁸⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 132, табл. VII, 27, его же и др. Отчет за 1963, табл. 17 б, 3.

²⁸⁶ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 296, табл. XIV, 5—7.

²⁸⁷ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 204.

²⁸⁸ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 296, табл. XIV, 6, 9.

²⁸⁹ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 93, 94, 204.

²⁹⁰ Е. И. Крупнов. Ук. соч., табл. XI, 4.

По стеклянным округлым бусам погребение № 5 хронологически примыкает к погребениям №№ 18 и 24 скифского времени.

Погребение № 66 имело браслет с расплюснутыми концами. Эти браслеты встречаются среди инвентаря кавказских памятников до V в. до н. э. (Нестеровский могильник, Бомбордский клад и т. д.)²⁹¹.

Погребение № 27 (гл. — 2,22 м) по каменному оселку со скошенными боками и биконическому кувшину с цилиндрическим горлом²⁹² датируется V—IV вв. до н. э. Под этим погребением залегало погребение № 77 (гл. 2,42 м), а погребение № 69 — под погребением № 65. В погребениях №№ 69, 36 и 35 встречены одинаковые кувшины со сливными носиками. Погребения №№ 26, 39 и 50 залегали на той же глубине, что и архаичные комплексы. В погребениях № 49 и № 56 найдены головные булавки скифского времени, в частности, в погребениях № 4 и 56 найдены одинаковые булавки.

М. И. Пиккуль датировала Мугерганский могильник IX—VII и даже VI вв. до н. э.²⁹³

Самыми древними, видимо, следует считать погребения, расположенные ниже 3—4 м от общего репера. Таковы погребения № 1 (1959), 17 (1962), 1, 2, 7, 8 (1963).

В погребениях №№ 1 (1959), 2 (1959), 1, 2 и 4 (1963) встречаются баночные сосуды и их обломки, обмазанные жидкой глиной по наружной поверхности, и сердоликовые бусы с односторонним сверлением и кратеровидными впадинами у отверстий. Баночные сосуды были характерны для памятников каякентско-харачоевской культуры и доживают до конца V в. до н. э. Только характер их обмазки за это время изменяется. Если в каякентско-харачоевское время она бессистемная, то начиная с IX в. до н. э. она на сосуд наносится вертикальными полосами²⁹⁴. На территории Южного Дагестана с этого же времени обмазка наносится из более сжиженного раствора, следовательно становится более тонкой, но по-прежнему она бессистемная. Наши сосуды имеют обмазку или нанесенную вертикальными полосами, или тонкую бессистемную. Сердоликовые бусы с кратеровидными впадинами вокруг отверстий характерны для памятников Кавказа XI—VIII вв. до н. э.²⁹⁵

²⁹¹ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 296, рис. 46, 4; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 32, рис. 34, 2; А. А. Лукич. Археология Бзыбской Абхазии.— Тр. отд. первобытной культуры ГЭ, Л., 1941, табл. XX, 6.

²⁹² Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. II, рис. 22, 2.

²⁹³ М. И. Пиккуль. Мугерганский могильник. МАД, III, стр. 46, 47.

²⁹⁴ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 42, 52—53, 86; его же. Новые материалы..., стр. 84, рис. 25, 4.

²⁹⁵ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе.— КСИИМК, XVIII, М., 1947, стр. 27.

Погребения, в которых сочетаются эта керамика и бусы, датируются IX—VIII вв. до н. э. Этой дате не противоречат и другие находки комплексов. В погребении № 1 (1963) наряду с обмозанной керамикой и сердоликовыми бусами встречается бронзовая проштампованная налобная лента. Такие ленты были характерны для памятников Кавказа эпохи поздней бронзы и этапа первоначального знакомства с железом (Тли, погребение Мингечаура, Доланлар, Човдар, Куши, Тарки, Зандак и т. д.)²⁹⁶. Бронзовая игла типа, выявленного в погребении № 1 (1959), характерна для Дагестана с эпохи бронзы (Карабудахкент, В. Гуниб, Гинчи и т. д.).

В погребениях №№ 1 (1961) и 3 (1961) встречаются рифленые пастовые бусы, характерные для памятников Закавказья ванской эпохи. В погребении № 1 (1961) наряду с бусами найдена бронзовая рукоять железного меча с уплощенно-грибовидным навершием и перекрестьем в виде узких пластин с чуть опущенными сторонами, близкая к так называемым «кабардино-пятигорским» мечам. Последние бытуют на Северном Кавказе, начиная с XI вплоть до VI вв. до н. э.²⁹⁷ А. И. Тереножкин приписывает эти мечи киммерийцам²⁹⁸, материальная культура которых получила распространение на территории Северного и Центрального Кавказа лишь в VIII в. до н. э.²⁹⁹ М. И. Пикуль датировала мугерганскую рукоятку начальными веками первого тысячелетия до н. э.³⁰⁰ Независимо от того, приписать ли эту рукоять влиянию киммерийцев или влиянию племен, оставивших памятники кабардино-пятигорской группы, рукоятку следует отнести к IX—VIII вв. до н. э. По глубине залегания и инвентарю погребение № 9 (1961) относится к тому же времени, что и погребения № 1, 2 (1959), 1, 3 (1961).

В погребениях № 4, 9 (1961), 10 (1962) найдены сердоликовые бусы с кратеровидными впадинами у отверстий XI—VIII вв. до н. э.

В погребении № 1 (1963) встречаются трехгранная подвеска пирамидальной формы с прорезным орнаментом по сторонам и в основании, а также головная булавка со свернутым в кольцо навершием. Аналогичная подвеска из сел. Доланлар (Азербайджан) Н. В. Минкевич-Мустафаева датировала VII в. до н. э.³⁰¹ Головные булавки описанного

²⁹⁶ Б. В. Техов. Позднебронзовая культура..., стр. 85—86.

²⁹⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 201—203.

²⁹⁸ А. И. Тереножкин. Киммерийцы на Кавказе, стр. 7.

²⁹⁹ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 135, 110—136.

³⁰⁰ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 30—31.

³⁰¹ Н. В. Минкевич-Мустафаева. Об археологических находках из с. Доланлар. МКА, I, Баку, 1949, стр. 57—58, табл. III, 6; ее же. О датировке и хронологических этапах..., стр. 119 (сноска 61).

типа характерны для памятников Кавказа переходного от бронзового к железному веку времени. В Дагестане они встречаются и в эпоху раннего железа. Образцы, найденные на Шаракунском могильнике, сделаны из железа.

В погребении № 7 (1961) найдены многовитковая височная привеска кобанского типа, железный нож с прямой спинкой, керамический сосуд со срезанным венчиком, горшок и миска с обмазанной наружной поверхностью. Об архаичности обмазанных сосудов мы уже говорили выше. Многовитковые кольца типичны для кобанской культуры³⁰². В Дагестане они были обнаружены на памятниках зандакской культуры (Зандак, Акяр и т. д.).

Железные ножи, как выше уже говорилось, по мнению Е. И. Крупнова, на Северном Кавказе появились в VII в. до н. э.³⁰³ В это же время, по мнению Б. Б. Пиотровского, Б. В. Техова, Р. М. Абрамишвили, они появились в Закавказье³⁰⁴. Г. Мнацаканян же комплекс с ножом в с. Головино датирует VIII в. до н. э.³⁰⁵ Судя по находкам на Зандакском и Шахсенгерском могильниках, в Дагестане железные ножи появились в конце VIII и в самом начале VII вв. до н. э.³⁰⁶, иначе, на территории мугерганской культуры в силу ее тесных контактов с культурами Закавказья, в частности Шида-Картли (центральная Грузия). Они, видимо, появились почти в то же время, когда и в Грузии.

В погребении № 12 (1962) найдены бронзовый литой браслет с заходящими концами, такой же формы железный браслет, сердоликовые плоскоцилиндрические и полусферические бусы с односторонним сверлением, бронзовые наконечники и шейная гривна из свернутой пополам витой четырехгранной проволоки с расплюснутыми концами.

Железные браслеты по логике вещей должны появиться в период первоначального знакомства с железом, когда этот материал рассматривался как драгоценный. Однако они могли употребляться и позже в ритуальных целях. Именно с такой целью, видимо, было помещено такое изделие в комплексе VI—V вв. до н. э. Шаракунского могильника. Поэтому мы не рискуем связать с этим браслетом свои аргументы

³⁰² Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 219—241.

³⁰³ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 204; Е. П. Алексеева. Поздне-кобанская культура центрального Кавказа. УЗ ЛГУ (серия исторических наук), вып. 13, Л., 1949, стр. 201, табл. XI, 9, 14, 62; II, 2а, б; III, 4; VI, 6.

³⁰⁴ Б. Б. Пиотровский. Камир-блур. I. Ереван, 1950, стр. 37; его же. История и культура Урарту, стр. 183, рис. 47; Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна, стр. 129, табл. IV, 2, 3; Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа в Восточной Грузии. Тезисы докладов. Ереван, 1956.

³⁰⁵ Г. Мнацаканян. О раскопках у сел. Головино (Армения), стр. 65, рис. 14, 1—3; его же. Раскопки в Головино, стр. 21, табл. III, 1, 2.

³⁰⁶ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 66, рис. 17, 12; стр. 42, рис. 10, 8—10; 17, 12.

по датировке. Предпочтительнее опираться на, хотя и далеко не надежные в датировке, сердоликовые бусы и шейную гривну. Такие формы сердоликовых бус бытовали на Кавказе в X—VII вв. до н. э.³⁰⁷ Витую гривну М. И. Пикуль отождествляла с закавказскими типами³⁰⁸. Наиболее близок к мугерганской гривне тип гривны, выявленный в комплексе VIII в. до н. э. Зандакского могильника³⁰⁹. Такие гривны встречаются и в Закавказье в комплексах VIII—VII вв. до н. э.³¹⁰

М. И. Пикуль на основании обломка сосуда с ручкой, близкого к образцам, выявленным на могильнике скифского времени у сел. Урванское, относит верхнюю дату Мугерганского могильника к VII—VI вв. до н. э. Прежде всего, трудно согласиться с таким отождествлением. Обломок с ручкой без всякого сомнения относится к местной керамике и резной орнамент был типичен еще для керамики хаджало-кедабекской культуры, а также для керамики памятников Каякентского облика. В целом характер этого сосуда остается невыясненным. Однако погребения №№ 7 (1961), 12 (1962) и 1 (1963) могут быть доведены до начала VII в. до н. э. Наш аргумент о невозможности доведения даты за пределы 2-й половины VII в. до н. э. подтверждается и отсутствием скифских элементов в материальной культуре. Тем более, что памятник расположен вблизи маршрута скифского похода.

В целом, IX—середина VII вв. до н. э. представляется наиболее вероятной датой Мугерганского могильника.

В последнее время в археологической литературе появилось множество статей, посвященных определению археологической культуры. «Археологическая культура» относится к фундаментальным понятиям археологии, на которых базируются историко-культурные и этнические выводы³¹¹. Поэтому необходимость выделения культур очевидна. Если даже за археологической культурой эпохи раннего железа нельзя ви-

³⁰⁷ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII, М., 1947, стр. 26; его же. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, М.—Л., 1950, стр. 165; его же. Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя, стр. 84—86.

³⁰⁸ М. И. Пикуль. Дагбашский могильник, стр. 313.

³⁰⁹ М. И. Пикуль. Дагбашский могильник, стр. 313—317.

³¹⁰ А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, табл. VII, 7.

³¹¹ И. С. Каменецкий. Археологическая культура—ее определение и интерпретация. СА, 2, 1970, стр. 18—36. Там же библиография.

деть конкретных племен или народностей³¹², с чем мы вполне согласны, особенно, когда речь идет о Дагестане раннежелезного века, то она, как совокупность однородных вещественных памятников, отражает развитие производительных сил и производственных отношений, характер надстроечных явлений общества и позволяет проследить пути развития этноса, оставившего эти памятники. Поэтому, не подвергая анализу работы, посвященные этому вопросу, мы должны отметить, что археологическая культура в нашем понимании — это совокупность археологических памятников, относящихся к одному времени, расположенных на одной территории и характеризующихся общими признаками. В нашей археологической науке наиболее распространенной является точка зрения о необходимости изучения памятников в рамках той культуры, к которой они относятся. Для историко-культурных и этнических выводов наиболее существенно изучение характера погребальных сооружений, погребального обряда, керамики и украшений и т. п. По сходству этих признаков в одну группу могут быть объединены памятники, анализируемые в настоящем разделе. Они характеризуются следующими признаками:

— при сооружении бытовых памятников придерживались традиций, сложившихся в предшествующие эпохи. В оборонительных комплексах помимо глубоко местных традиций улавливаются традиции, воспринятые от сопредельных племен, получивших на дагестанской почве свое дальнейшее развитие;

— основным и ведущим типом погребальных сооружений является грунтовая могила со скорченными или расчлененными костями;

— около погребальных сооружений устраивались жертвенные места, а погребальный комплекс обносился каменной кладкой. Иногда над могилами устраивались завалы;

— количество сосудов в могилах резко возрастает по сравнению с предшествующим временем;

— типичными формами керамических изделий становятся вздутые горшки с узкими днищами и сильно отогнутыми утолщенными венчиками, сосуды со срезанными венчиками, шаровидные сосуды с ложными ручками и разнообразные кувшины. Как пережитки от предшествующих культур сохраняются толстостенные обмазанные биконические горшки, высокие и низкие банки и плошки;

— из металлического инвентаря встречаются железные мечи

³¹² А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI. М., 1956, стр. 5—18; А. П. Смирнов. Понятие «археологической культуры». Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований. 1963, М., 1964, стр. 6—9.

с бронзовыми рукоятками, разнообразные железные акинаки, лавролистные и остролистные железные и бронзовые наконечники копий, железные ножи с прямыми и горбатыми спинками, головные булавки с весловидными навершиями, а также гвоздевидные булавки с просверленными стержнями, подтреугольные и четырехугольные ажурные пряжки, умбововидные бляхи, бронзовые и железные гладкие браслеты с заходящими друг за друга и разомкнутыми концами, височные привески в полтора оборота и привески с усиковидными концами, разнообразные подвески, антропоморфные и зооморфные статуэтки.

Эта группа памятников объединяется в особую культуру вокруг наиболее типичного и архаичного Мугерганского могильника. Условно мы бы назвали эту культуру — мугерганской.

Накопившийся археологический материал и состояние его изученности требует разрешить вопрос о происхождении мугерганской культуры. Для этого наиболее целесообразным будет решить вопрос о происхождении наиболее типичного и ведущего памятника культуры Мугерганского могильника.

По характеру материальной культуры и погребальных сооружений Мугерганский могильник очень близок к памятникам хаджало-кедабекской культуры. Сходных признаков у них значительно больше, чем отличительных. Как выше указывалось, общими для памятников хаджало-кедабекской культуры и Мугерганского могильника являются воздушные горшки с сильно отогнутыми пухлыми венчиками, кувшины со сливными носиками или с цилиндрическими горловинами, железные и бронзовые остролистные и лавролистные наконечники копий, нож с прямой спинкой, головные булавки, налобные ленты, подвески с прорезным орнаментом, массивные браслеты с разомкнутыми и заходящими друг за друга концами, большое количество сосудов, укладываемых рядом с покойником. Однако среди погребальных памятников хаджало-кедабекской культуры за исключением Журнабадского могильника (басейн Мингечаура), расположенного вблизи восточно-грузинской культуры, грунтовых погребений нет³¹³. К тому же формы керамических изделий и металлического инвентаря там разнообразнее. Более того, на Мугерганском могильнике встречены обмазанные сосуды, характерные для памятников Дагестана предшествующей эпохи.

Мугерганский могильник близок памятникам хаджало-кедабекской культуры или памятникам Мингечаурского и Самтаврского типов (восточногрузинской культуры), но в силу имеющихся различий не может быть включен в состав памятников этих культур. Не может быть включен он и в состав каякентско-харацоевской культуры. На Мугерганском могильнике встречаются, хотя и в небольшом количестве,

³¹³ Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке..., стр. 116—130.

лепные заглаженные и обмазанные (вертикальными полосами) низкие и высокие баночные сосуды, горшки и плошки, а также гладкие браслеты с сомкнутыми и разомкнутыми концами, височные привески в полтора оборота и т. д. Их больше в наиболее древних комплексах и меньше в поздних. Эти изделия характерны для памятников Зандакской культуры.

Сравнительный анализ погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря Мугерганского могильника позволяет видеть сочетание черт местной дагестанской культуры и привнесенной культуры, близкой хаджало-кедабекской культуре или памятникам восточно-грузинской культуры, точнее этот могильник представляет собой образец смешения местной зандакской культуры и привнесенной закавказской культуры.

Памятники Южного Дагестана эпохи широкого распространения железа по своему характеру примыкают к Мугерганскому могильнику. Однако развитие материальной и духовной культуры, обусловленное освоением железа, привело к появлению отдельных новых форм материальной культуры и исчезновению других. В частности, на памятниках эпохи широкого распространения железа не встречаются корчаги со срезанными венчиками, разнообразнее становятся формы кувшинов.

Памятники, синхронные Мугерганскому могильнику, севернее р. Куры на территории современного Азербайджана не найдены. В начале первого тысячелетия до н. э. вплоть до Апшеронского полуострова, видимо, была распространена зандакская культура. Судя по наиболее архаичным комплексам Мугерганского могильника на южной части территории этой культуры в IX в. до н. э. появилась материальная культура, близкая к сопредельным культурам Закавказья. В IX—VII вв. до н. э. она, видимо, охватывала территорию Южного Дагестана и Северного Азербайджана. К IV в. до н. э. она распространилась на территорию почти всего Дагестана.

Закавказские признаки в Мугерганской культуре настолько сильны и значительны, что объяснение их появления в Южном Дагестане одним лишь культурным влиянием не окажется достаточным. На основании анализа клинообразных надписей в науке неоднократно поднимался вопрос о перемещении на север, в район Южного Дагестана, различных переселенческих волн закавказского населения. В частности, Н. Марр и И. И. Мещанинов говорили об удинах-этеунах, отступивших сюда из Присеванского района Армении под напором халдских царей³¹⁴. Е. И. Крупнов, вслед за ним В. И. Марковин пытались

³¹⁴ Н. Марр. К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласки», стр. 302; И. И. Мещанинов. Географические названия верховьев Аракса. ИРАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 61—62.

в разной степени поставить вопрос о связи с этиунами каякентско-харачоевской культуры³¹⁵.

Наши исследования показали, что мугерганская культура появляется в Южном Дагестане в IX в. до н. э., т. е. с начала урартских походов на север. А каякентско-харачоевская культура в последнее время существенно архаизируется, отодвигаясь до средней бронзы³¹⁶. В качестве постановки вопроса можно предположить, что мугерганская культура произошла в результате смешения культуры пришлого населения, возможно удинов-этиунов, с культурой местного населения. На это же намекает и находка налобника от упряжки боевой колесницы на Мугерганском могильнике. Судя по доминированию закавказских признаков, в культуре роль пришлых элементов, видимо, была значительной. Наша гипотеза обрела бы уверенность, если бы удалось обнаружить протомугерганскую культуру на территории Закавказья. Возможно ее следует искать вблизи территории хаджало-кедабекской и восточно-грузинской культур или вблизи Присеванского района Армении.

Мугерганская культура делится на два этапа:

- 1) переходный от эпохи бронзы к эпохе раннего железа;
- 2) широкого распространения железа.

Ко времени проникновения на территорию Южного Дагестана мугерганцы, видимо, уже изготавливали биметаллические мечи. Мугерганская культура первого этапа предстает перед нами в органической связи с культурами Закавказья. В ней пережиточно сохраняются отдельные элементы зандакской культуры, генетически связанной с культурой Дагестана эпохи поздней бронзы, а также каякентско-харачоевской культурой. Улавливается некоторая связь памятников мугерганского типа и с культурами Северного Кавказа, в частности, мугерганский меч изготовлен мастерами, находившимися под влиянием историко-культурного центра, производившего мечи «кабардино-пятигорского» типа.

Судя по нахождению ножа, употреблявшегося в качестве орудия труда, в комплексе № 10 конца VIII—начала VII вв. до н. э. Мугерганского могильника, в южном Дагестане начинается эпоха широкого распространения железа. Материальная культура памятников мугерганского круга и в эпоху широкого распространения железа остается прежней, но обогащается новыми формами керамических изделий

³¹⁵ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник..., стр. 15—18; В. И. Марков и н. Дагестан и горная Чечня..., стр. 99.

³¹⁶ В. Г. Котович. Об историческом месте каякентско-харачоевской культуры, стр. 21.

(шаровидными горшками, разнообразными кувшинами), орудий труда, оружия и украшений (четыреугольными пряжками, умбовидными бляхами, разнообразными головными булавками и т. п.). Зато не встречаются мечи, близкие к «кабардино-пятигорским» образцам, витые и гладкие шейные гривны, привески с обратной петлей и т. д.

В середине VII в. до н. э. скифы совершили поход в Переднюю Азию. В исторической литературе ему придают огромное значение в силу того, что скифы вступали в контакт со многими племенами, являвшимися предками современных народов, разрушали устоявшиеся консервативные порядки, культурно связали разрозненные племена древнего мира³¹⁷. Этому походу посвящено огромное количество исследований, последние из которых принадлежат М. И. Артамонову, А. П. Смирнову, Е. И. Крупнову, С. С. Черникову, Э. А. Грантовскому и др.³¹⁸ При установлении маршрута скифских походов мнения ученых расходятся. Английский ученый Е. Минз, например, считает, что скифы прошли через Дарьяльское ущелье³¹⁹. Я. А. Манандян, не отрицая возможность продвижения их через Дербентский проход, допускает, что они вторглись вслед за киммерийцами по Меото-Колхидской дороге³²⁰. Н. Ф. Анфимов полагает, что одним из путей проникновения могла быть долина р. Белой и Белоречинский перевал³²¹. А. Б. Аршик считал, что в Переднюю Азию киммерийцы шли по берегу Черного моря, через Абхазию и Колхиду, а скифы проходили через Дербент³²². Этому же мнения придерживаются В. В. Латышев, И. В. Дьяконов, М. И. Артамонов и многие другие³²³. Е. И. Крупнов полагает, что они

³¹⁷ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 158.

³¹⁸ М. И. Артамонов. Переселение киммерийцев и скифов в Азию и их возвращение в Северное Причерноморье около 585 г. до н. э. Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1971 году. Тбилиси, 1971, стр. 32—34; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 122—124; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 54—75; В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ. Сб. Тр. ЧИНИИ ИЯЛ, т. IX, Грозный, 1964, стр. 21—48; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 11—25; С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., стр. 68—109, 1965; Э. А. Грантовский. Ираноязычные племена в Передней Азии в IX—VIII вв. до н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964. См. в этих же работах список исследований, посвященных этому вопросу.

³¹⁹ E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, гл. IX.

³²⁰ Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1949, стр. 47.

³²¹ Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1925, стр. 9.

³²² А. Аршик. Боспорское царство. I, Одесса, 1948, стр. 6.

³²³ В. В. Латышев. Известия древних писателей о скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 2, стр. 251, прим. 3; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 245; М. И. Артамонов. Переселение киммерийцев..., стр. 32—34.

«...воспользовались древними проходами и прошли четырьмя маршрутами по Меото-Колхидской дороге, через Мамисонский перевал, через Дарьяльский и Дербентский проходы, причем, основным для скифов был Дербентский проход»³²⁴. В. Б. Виноградов подтвердил высказывания Е. И. Крупнова, ввел в научный оборот грузинский источник «Картлис цховреба» и сведения Авесты. К данным Геродота о прохождении скифов, «имея по правую руку Кавказские горы», он добавил положение из его «Истории» о вторжении этих кочевников в Мидию «свернувши внутрь материка»³²⁵. Нам кажется, что В. Б. Виноградову удалось окончательно рассеять сомнения в главенстве Дербентского пути.

Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал подтверждает положения письменных источников. На территории Северного Кавказа памятники скифского облика отмечены в значительном количестве. К тому же предметы материальной культуры скифского облика среди местных изделий встречаются в большом количестве. Имеются и изделия, подвергнутые влиянию искусства ираноязычных степняков³²⁶. В Азербайджане выявлены такие же памятники в окрестностях Кировабада, Мингечаура, на Апшеронском полуострове и др.³²⁷ На территории Дагестана также выявлены недостающие звенья цепи материальной культуры скифского облика, оставленные при прохождении скифов через Дербентский проход: удила, псалии, бляшки, выполненные в характерном зверином стиле скифского облика, а также ворворки, фаллары (Аркасское городище, Хабадинский и Урцекский могильники), бронзовые наконечники стрел (у г. Кизляра, ж-д станции Алмало, Бавтугая, Тарнаира, в окрестностях г. Махачкалы, Тарков, Избербаша, Каякента, Карабудахкента, Дербента и др.).

Скифы, как и другие кочевники, двигались компактной массой довольно медленно, с места снимались всем племенем с женами, детьми, скотом. Но отдельные отряды и группы могли совершать и стремительные набеги³²⁸. Очевидно, сочетание медленного компактного движения по основному пути и стремительных набегов способствовало

³²⁴ Е. И. Крупнов. О походах скифов..., стр. 194.

³²⁵ В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ, стр. 21—48; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 11—25.

³²⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 137—299; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 34—59.

³²⁷ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, I, Баку, 1949, стр. 9—49; Г. И. Ионе. Мингечаурская разновидность скифских наконечников стрел. МКА, I, стр. 81—97; Д. Ж. А. Халилов. Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана. ПСА, М., 1971, стр. 183—187.

³²⁸ С. С. Черников. Загадка золотого кургана, стр. 77.

распространению в горах Дагестана предметов скифской материальной культуры. Помимо находок на Каратинском могильнике и Аркаском городище о находках скифских наконечников стрел в окрестностях сел. Хунзах сообщил нам Д. М. Атаев. Особый интерес представляют изображения оленей в типично скифской манере на скалах вблизи сел. Верхнее Лобкомыхи Левашинского района³²⁹. Столкновения местных жителей со степными кочевниками засвидетельствованы многочисленными находками на Северном Кавказе³³⁰. Проанализированные дагестанские памятники вторят северокавказским. Однако следует подчеркнуть, что в это время в Дагестанской культуре и искусстве не прослеживается особо заметного влияния скифов. В этой связи заслуживают внимания выводы М. И. Пикуль о том, что влияние скифской культуры относится не ко времени прохождения скифов через дагестанскую территорию, а к V—IV вв. до н. э.³³¹ Последующие наши исследования полностью подтвердили эти выводы. Отсюда вытекает вопрос — было ли это влияние непосредственно скифов времени их походов или это влияние какой-то другой культуры, очень близкой к скифской?

Значительное количество изделий, подвергнутых влиянию скифидной культуры в широком смысле этого слова, относится к концу VI—началу V вв. до н. э. Этим временем датируется акинак с брусковидным навершием и таким же перекрестьем из Урцекского могильника, железные наконечники стрел Хабдинского могильника, разнообразные бляхи и пряжки. Поясной крюк из Хасавюрта, как и пластинчатая зооморфная бляха из Хабдинского могильника, относятся к рубежу VI и V вв. до н. э. и являются изделиями местных мастеров, испытавших влияние искусства степных племен. Это влияние ощущается и на архаичных изделиях Бежтинского могильника, в частности на мече, напоминающих акинаки³³². Около г. Дербента найдена каменная баба, сделанная, по мнению Р. М. Мунчаева и В. И. Марковина, местными мастерами, испытавшими влияние скифидной культуры³³³. Конский инвентарь с территории Аркаского городища (петельчатые удила с двухдырчатыми псалиями, фаллары, бляхи в виде головы барана или лошади) характерны для скифидной культуры V—IV вв.

³²⁹ В. М. Котович. Новые наскальные изображения горного Дагестана. АО 1968, М., 1969, стр. 93—95.

³³⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 142; Работы В. И. Козенковой, посвященные изучению Сержень-Юртовского поселения; В. Б. Виноградов. Тайны минувших времен. М., 1966, стр. 11—17.

³³¹ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 110.

³³² Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан..., стр. 166—167, рис. 26, 1.

³³³ Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин. Каменные изваяния с территории Чечено-Ингушетии, стр. 164, рис. 1, 5.

до н. э.³³⁴ К тому же времени относится костяной роговидный псаллий, характерный для степного мира, и полые шаровидные навершии скифского типа.

Такое ярко выраженное влияние скифоидной культуры на материальную культуру племен Дагестана могло иметь место лишь при продолжительных тесных контактах ее носителей с дагестанскими абorigенами, а не при прокатившейся волне похода степняков. По исследованиям ученых, на рубеже VI—V вв. до н. э. на Северном Кавказе если и была незначительная часть скифов, то она не способна была играть существенную роль в культуре и жизни местных племен. Зато кочевали здесь многочисленные племена савроматов. Впервые Е. И. Крупновым было доказано их раннее проникновение в северокавказские степи. Им он приписал курганные захоронения у сел. Бажиган и Ачикулак³³⁵. В. Б. Виноградов подтвердил выводы Е. И. Крупнова и связал с савроматами еще ряд памятников Кумско-Терского междуречья, а также курганные могильники, расположенные на территории плоскостной Чечни (Гойтинские курганы)³³⁶. Дагестанские материалы, свидетельствующие о контактах со степными кочевниками конца VI—начала V вв. до н. э., видимо, надо связать именно с савроматами. Если это так, то, судя по нашим материалам, они вступали в контакт не только с жителями плоскостного, но и горного Дагестана. В силу этих контактов скифоидная культура и оказала влияние на местную культуру.

Итак, изучение бытовых и погребальных памятников Дагестана эпохи раннего железа позволяет выделить археологические объекты, группирующиеся по своим культурным признакам в две группы.

Первая группа, названная нами **зандакской культурой**, датируется концом второго—началом первого тысячелетий до н. э.—III в. н. э. На раннем этапе своего существования она на юге, вероятно, доходила до Апшеронского полуострова и р. Куры, на севере — до рубежей синхронной ей кобанской культуры. Начиная с IX в. до н. э. до IV в. до н. э. ее южные рубежи отесняются до районов северного Дагестана. В этой культуре имеется ряд признаков, генетически связывающих ее с даге-

³³⁴ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок за 1888—1902 гг., СПб., 1908, стр. 151.

³³⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 75, 369, 386, 389; его же. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 168.

³³⁶ В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа..., стр. 31—59; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 31—59.

станскими предшествующими культурами, в том числе и с каякентско-харачоевской культурой.

Вторая группа, названная нами **мугерганской культурой**, датируется IX—IV вв. до н. э. Она по своему характеру близка к хаджало-кедабекской и восточно-грузинской культурам. На юге зандакской культуры эта культура появляется в IX в. до н. э. и к IV в. до н. э. распространяется на территорию почти всего Дагестана, оттесняя на север Зандакскую культуру. Мугерганская культура предстает перед нами как симбиоз некой закавказской и местной зандакской культур. В VII—IV вв. до н. э. закавказские традиции в этой культуре все больше и больше усиливаются и при этом теряются традиции зандакского облика.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА IV

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ ХОЗЯЙСТВА, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

(Предварительные выводы)

Для изучения истории любого общества большое значение имеет изучение истории его экономики, которая дает возможность выяснить характер связанных с нею производственных отношений, внешних связей и надстроечных явлений. История развития хозяйства племен зандакской и мугерганской культур имела глубокие традиции, исходящие из недр медно-бронзового века. Как хозяйство, так и связанные с ним явления у племен обеих культур находились почти на одинаковом уровне развития и во избежание повторения освещаются в одном разделе. При изучении хозяйства мы учитываем и контакты с сопредельными племенами, и сложные физико-географические условия Дагестана, без которых невозможно объективно осветить историю и экономику страны.

Основой хозяйства у местных племен, как и прежде, остается земледелие и скотоводство.

Земледелие у дагестанских племен прежде всего стимулировалось оседлым образом жизни. Все изученные бытовые памятники эпохи раннего железа дают нам яркие образцы высокоразвитой архитектуры, основанной на глубоких местных традициях оседлых племен. Как на бытовых, так и на погребальных памятниках встречены разнообразные земледельческие орудия.

Обработка земли производилась сохой (плугом), применение которой в Дагестане еще в третьем тысячелетии до н. э. весьма убедительно доказал В. Г. Котович¹.

¹ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана..., стр. 7—10.

Деревянный плуг, зародившийся на Ближнем Востоке в конце четвертого—начале третьего тысячелетий до н. э., применялся племенами юго-восточной Европы, в частности в первом тысячелетии до н. э. скифами². На территории Дагестана, как и во многих других районах Евразии, остатки сохи до сих пор не выявлены. Да и производство ее из дерева почти полностью исключает возможность сохранения. Однако наличие таких важных показателей, как применение животных в качестве тягловой силы, полагает наличие пашенного земледелия. Все исследователи, которые в какой-то степени затрагивали проблему развития хозяйства Дагестана эпохи раннего железа, единодушно утверждали применение здесь пашенного земледелия³.

В. Г. Котович доказал, что структура дагестанской сохи третьего тысячелетия до н. э. не отличалась от современной⁴. С большим правом это мы можем говорить и о сохе эпохи раннего железа.

Интересной деталью сохи представляется насошник-лемех, применение которого должно было повысить эффективность работы. Он, разумеется, появился позже самой сохи и о его применении в третьем тысячелетии до н. э. не может быть и речи. В Ванском царстве, например, лемех появился только в начале первого тысячелетия до н. э. (Топрахкала)⁵. На дагестанских памятниках он пока не встречен. Интересные выводы о времени его появления дают лингвистические материалы. Аварское название кузнеца «къебед» происходит от названия лемеха «къоб» (другое название лемеха «мах» — железо)⁶. Второе название связывает появление лемеха с применением железа, а первое, поскольку связано с родом занятия ремесленника, должно возникнуть со специализацией труда кузнеца. Очевидно, первое название возникло в районах, где специализация труда кузнеца произошла. А специализация кузнечного ремесла произошла, судя по материалам Аркасского городища, в VI вв. до н. э.⁷

Появление лемехов должно было привести к скачку в земледелии, в частности в освоении новых посевных площадей, а это в свою очередь — к получению дополнительной земледельческой продукции.

² Ю. А. Краснов. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. МИА. 174. М., 1971, стр. 38; Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, I, М., 1957, стр. 190 и сл.; его же. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, I, 1961, стр. 73—90.

³ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии..., стр. 284—289; М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 99; История Дагестана, стр. 91, 96.

⁴ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана..., стр. 10.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 141, рис. 9.

⁶ С. Асиятилов. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX вв.). Махачкала. 1967, стр. 84.

⁷ О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре..., стр. 13, 14.

На бытовых и погребальных памятниках встречаются кремневые составные (Аркаское городище, Макинское поселение) и новые (Аркаское городище, Хабединский могильник) металлические серпы⁸. В начале они так же, как и на Топрахкале и Кармир-блуре (Армения) в начале первого тысячелетия до н. э.⁹ сосуществовали. С широким распространением железа металлические серпы стали господствующими, ибо их появление обусловлено значительным количеством урожая, собираемого со старых и вновь освоенных пахотных земель.

В эпоху раннего железа, как и в третьем тысячелетии до н. э.¹⁰, для обработки собранного урожая продолжали употребляться молотильные доски. Употреблялись они и в албано-сарматское время (поселения в окрестностях сел. Кутиша и Нижнее Чугли Левашинского района)¹¹.

Для помола зерна продолжали применять зернотерки. Они выявлены на всех бытовых памятниках изучаемого времени¹². Почти на всех бытовых и погребальных памятниках встречено множество больших хозяйственных сосудов, предназначенных для хранения зерна, муки и других продуктов. Их обилие показывает, что собираемый урожай был довольно значительным.

В Дагестане мягкая и твердая пшеница, голозерный и пленчатый ячмень, лен возделывались с эпохи меди и бронзы¹³. Причем голозерный ячмень и карталинская пшеница эндемичны для края¹⁴. В эпоху раннего железа эти культуры несомненно возделывались здесь. В погребении № 24 Шаракунского могильника, например, встречены зерна пшеницы¹⁵. Мы уверенно можем перенести на Дагестан выводы Е. И. Крупнова о том, что за исключением кукурузы все современные хлебные злаки были главными земледельческими культурами Северного Кавказа¹⁶. Тем более, что горные долины и плоскость Дагестана

⁸ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 66, 99; ее же. Хабединский могильник, стр. 158, табл. VIII, 8; История Дагестана, стр. 96.

⁹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 141.

¹⁰ А. А. Русов. Отчет о летних работах в Южном Дагестане. V АС, I, Тр. предварительных комитетов. М., 1882, стр. 543—544.

¹¹ В. Г. Котович. К вопросу о земледелии..., стр. 288.

¹² М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 100, рис. 18; 22, 6—9; 16; 23, 1, 13.

¹³ В. Г. Котович. К вопросу о раннем земледелии..., стр. 285; его же. О хозяйстве населения горного Дагестана..., стр. 11; В. М. Котович. Верхнегуньбское поселение, стр. 214; М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 99.

¹⁴ М. М. Якубинер. К истории культуры пшеницы в СССР.— Сб. «Материалы по истории земледелия в СССР», II, М.—Л., 1956, стр. 18.

¹⁵ М. И. Пикуль. О раскопках в Южном Дагестане в 1961 г., стр. 78—83.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 314.

намного благоприятнее для первобытных земледельцев, чем северокавказские степи.

В эпоху раннего железа значительное развитие получает и садоводство, наличие которого документировано материалами эпохи бронзы¹⁷.

П. М. Жуковский указывает, что богатая кавказская флора дала человеку помимо хлебных злаков кавказскую яблоню, грушу, домашнюю сливу (естественный гибрид алычи и терна), кизил, мушмулу, кавказскую хурму, виноград, гранат, орешник и др.¹⁸. Многие из них в Дагестане встречаются в диком виде. Видимо в Дагестане в эпоху раннего железа выращивались все современные садовые культуры. Разумеется они распределялись в зависимости от их приспособленности к климатическим условиям тех или иных районов. Яблоня и груша, например, могла расти и в довольно высокогорной зоне, а хурма — лишь по долинам рек, где более жаркий климат (в Гимринской котловине, например). Виноградарство могло развиваться на плоскости и в долинах рек. На территории Шаракунского могильника (в сосуде с жертвенного места и в погребении № 17) найдены виноградные косточки. Виноградными называла М. И. Пикуль изогнутые железные ножи, выявленные на Аркаском городище и Шаракунском могильнике¹⁹.

Для понимания характера материальной культуры и уровня развития земледелия Дагестана большое значение имеет выяснение специфики посевных площадей. Если на плоскости их было в изобилии, то в горах и предгорьях развитие пашенного земледелия должно было привести к нехватке пригодных под посевы земель на речных террасах, горных плато и их подножьях. Человек становился перед необходимостью искусственного создания новых посевных площадей-террас. В. Г. Котович, В. М. Котович, М. Агларов относят их возведение к медно-бронзовому веку²⁰. Такое же раннее террасное земледелие в Закавказье засвидетельствовано археологическими материалами с территории Грузии

¹⁷ История Дагестана, стр. 96.

¹⁸ П. М. Жуковский. Об отечественных и пришлых зарубежных культурных растениях в СССР.—Сб. «Материалы по истории земледелия в СССР», М.—Л., 1956, стр. 7.

¹⁹ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 61, 66, 67, рис. 17, 13, 14; е е же. О раскопках в южном Дагестане в 1961. стр. 76, 77, 170—177.

²⁰ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана..., стр. 11; е го же. К вопросу о древнем земледелии..., стр. 288; В. М. Котович. Верхнегунбское поселение, стр. 215—216; М. Агларов. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.).— УЗ ИИАЛ, т XIII, Махачкала, 1964, стр. 184.

и Армении²¹. Мы целиком разделяем точку зрения о раннем зарождении террасного земледелия в Дагестане, но считаем, что освоение железа привело к новому скачку в создании террас. Так, например, вокруг памятников эпохи раннего железа (Мака, Аркас, Карата, Хабата, Урцки, Мугерган, Н. Сигитма и др.) на склонах гор в изобилии древние заброшенные террасы, годные под посевы.

В первом тысячелетии до н. э. в Закавказье бытует развитая система орошаемого земледелия²². В Кавказской Албании оно засвидетельствовано даже письменными источниками²³.

Хотя в Дагестане мы не имеем материалов, свидетельствующих о применении орошения в эпоху раннего железа, постоянные контакты с Закавказьем, сухость многих возделываемых площадей, наличие источников воды, а также высокий уровень земледелия, предполагает его употребление. Для более позднего времени почти повсеместное поливное земледелие отмечено Б. Ф. Добрыниным. Он писал: «Лезгинны имеют старинные навыки по поливному земледелию, они искусные мастера, поскольку позволяют их технические средства по проведению каналов, желобов и других приспособлений для орошения»²⁴. Надо оговориться с самого начала — нужда и возможности орошения были не везде одинаковы и применялось оно соответственно. Особенно оно необходимо в плоскостных и предгорных районах, а также в речных долинах горного района, где для этого имеются необходимые условия и возможность.

Трудно сказать на каком уровне практиковалось орошение. В. М. Слободин устанавливает три этапа развития системы орошения:

1) так называемое лиманное орошение в горах и предгорьях и на капрных землях, когда обходились без всяких ирригационных сооружений. В этих условиях водой обеспечивались небольшие обрабатываемые вручную площади огородов;

2) орошение, основанное на использовании воды небольших речек, выходящих из предгорий на равнину;

3) крупная ирригационная система, пригодная для использования вод больших рек и для орошения больших площадей полевых земель.

²¹ М. К. Гегешидзе. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе.—Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 3; А. И. Джавахишвили. Л. И. Глойти, Урбиси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твелиа—Кохи), Тбилиси, 1962, стр. 61 и сл.

²² Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 72; его же. Урарту — древнейшее государство Закавказья. Л., 1930, стр. 38—49; его же. Ванское царство, стр. 137—140.

²³ Страбон. География, XI, 4, 3.

²⁴ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР, стр. 88.

Первые два метода были под силу отдельным обособленным родам и племенам, а третий — лишь рабовладельческим деспотиям²⁵. Первые два метода были под силу и земледельцам Дагестана эпохи раннего железа. Возможно, употребление третьего метода также имело место в Дагестане, но это могло быть позже и в основном на плоскостном Дагестане. В горной части условия не благоприятствуют этому. На северном Дагестане археологами отмечена довольно сложная ирригационная система²⁶. На архаичность системы орошения в Дагестане указывают такие односложные названия элементов ирригационных сооружений, как арыка «рахъ» (ав.), «хвал» (лезг.), «хул» (кюринский диал. лезг. яз.), «арх» (лак. яз.) и т. д. Других сведений, позволяющих датировать оросительную систему в Дагестане, нет.

На существенную роль земледелия в жизни дагестанских племен указывают бронзовые обнаженные статуэтки с подчеркнuto выраженными женскими половыми признаками и сосудами в руках на уровне груди. Связь этих статуэток с идеологией земледельца несомненна. Еще более выразительна статуэтка беременной женщины с изображением на вздутом животе идеограммы воды, пахоты и посева. Рог в руках наших статуэток, видимо, объясняется культом вина. Во всяком случае такое толкование получают статуэтки с рогами-кубками в руках в греко-скифской среде.

Скотоводство в Дагестане эпохи раннего железа в целом основывалось на разведении крупного и мелкого рогатого скота. Сначала М. И. Пиккуль считала, что в горах существовало яйлажное скотоводство²⁷, а потом перенесла на изучаемое время выводы В. Г. Котовича об оседлом характере скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота в эпоху меди и бронзы²⁸, допустив однако существование отдельного передвижения стад в определенные сезоны в районы, где проживали родственные племена²⁹.

Наличие отгонного скотоводства в условиях эпохи раннего железа исключается. Прежде всего сложившаяся система политической власти не была настолько сильна, что могла бы обеспечить продвижение скота через владения хотя и родственных, но иных и довольно отдаленных племен или по территории не контролируемой данной властью. Более

²⁵ В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времени его возникновения на территории СССР до I тысячелетия н. э.). — Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», М., 1952, стр. 63.

²⁶ Н. А. Нарышкин. Сообщение. — Записки Общества любителей кавказской археологии, т. I, Тифлис, 1875, стр. 185 и сл.

²⁷ М. И. Пиккуль. Хабадинский могильник, стр. 158.

²⁸ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии..., стр. 290—293; сго же. О хозяйстве населения горного Дагестана..., стр. 12.

²⁹ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 102.

того, со стороны степных кочевников существовала постоянная угроза. Тем более среди местных дагестанских и степных кочевых племен, как и среди любых других этнических групп того времени, нравы поощряли грабежи за пределами собственной общины как средство упражнения юношей в ловкости, силе и мужестве³⁰. Соотношение остеологического материала из памятников эпохи раннего железа также противоречит выводам об отгонном характере животноводства. К. Н. Золотов определяет следующие виды животных³¹:

№№ раскопок	Археологические памятники	Количество костей				
		крупный рогат. скот	мелкий рогат. скот	лошади, ослы	собаки	свиньи
I	Н. Сигитминск. пос.	306	76	42	2	82
II	Хабадинский мог.	5	16	48	21	6
III	Мугерган (1961)	18	12	—	41	—
IV	Мака (М-к, посел.)	164	144	12	2	63

На Макинском, Мугерганском и Нижнесигитминском комплексах костей крупного рогатого скота намного больше, чем костей мелкого рогатого скота. Хотя и близкую, но несколько иную картину дают материалы Хабадинского могильника. Соотношение костей крупного и мелкого рогатого скота там $5:16=1:3,2$. Такое различие, видимо, обусловлено контрастами физико-географических условий Дагестана. Однако эти различия незначительны и не изменяют характера хозяйства. Судя по пропорциям 1:4, взятым В. Г. Котовичем в качестве показателя, при котором значимость крупного и мелкого скота в хозяйстве считается одинаковой, пропорция 1:3,2 скота жителей, оставивших Хабадинский могильник, указывает на преобладание коэффициента крупного скота над мелким. Это свидетельствует об оседлом характере скотоводства.

Как говорилось выше, в Дагестане практиковалось пашенное террасное земледелие. При этом крупный рогатый скот должен был выполнять функции тягловой силы. Поэтому само развитие земледелия обусловило развитие крупного рогатого скота и свиноводства. При возрос-

³⁰ Н. Львовский. Калмыки Большедербентовского улуса.—УЗ Казанского университета, 1893, стр. 29.

³¹ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности.—МАД, II, стр. 289; М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 102—103.

шей производительности труда в руках отдельных личностей сосредотачивались богатства. В контрастных физико-географических и климатических условиях гор и предгорий, в сложных политических ситуациях занятие скотоводством с преобладанием крупного рогатого скота, видимо, было наиболее выгодным и наименее трудоемким процессом.

Земледелие в свою очередь давало дополнительные корма скоту. Однако они играли лишь подсобную роль. Основной кормовой базой оставались зимние и летние кормовые пастбища. Летние пастбища находились на альпийских лугах, а зимние — в окрестностях населенных пунктов, обычно на солнечных склонах гор. Перегон скота производился, видимо, в пределах территории, которая принадлежала обществу. Такая форма скотоводства характеризуется как альпийская.

Соотношение костей крупного и мелкого скота на различных памятниках Дагестана эпохи первоначального появления и широкого распространения железа, в частности 4,03:1 на Нижнесигитминском поселении, 1,5:1 на Мугерганском могильнике, 1,14:1 на Макинском комплексе и 1:3,2 на Хабардинском могильнике, указывает на неодинаковый характер хозяйства в различных зонах края. В зоне среднего течения р. Сулак удельный вес крупного скота наибольший, в предгорьях южного Дагестана он меньше, а в горах, в районе Гуниба, соотношение крупного и мелкого скота несколько стабилизируется. Очевидно тенденция роста удельного веса мелкого скота по мере продвижения в горы возрастает. В этих районах условия для земледелия менее благоприятные, но зато благоприятны для скотоводства.

Исходя из этого, мы должны сделать вывод о том, что в хозяйстве племен Дагестана развивалось и земледелие и скотоводство, причем доминирующее положение занимала та или иная отрасль в зависимости от физико-географических условий местности. Так, например, в высокогорном альпийском районе скотоводство, видимо, было основой хозяйства. Но и в этом районе оно не могло быть ни кочевым, ни полукочевым. На плоскости и предгорье, в долинах рек и котловинах основой хозяйства оставалось земледелие. В этих районах условия для земледелия были благоприятными³². В целом география хозяйства эпохи раннего железа в какой-то степени была близка к географии хозяйства Дагестана XVIII—XIX вв.

Судя по остеологическому материалу широкое применение находили в хозяйстве такие транспортные животные, как кони и ослы.

На Хабардинском и Урцекском могильниках встречены целые костяки коней, их черепа и отдельные кости. По размерам черепа и удила можно установить, что кони эпохи раннего железа были крупнее совре-

³² Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской ССР, стр. 78.

менных³³. На всех памятниках этого времени встречаются статуэтки коней или наверхия с конскими изображениями, свидетельствующие о культе этих животных.

Появление ослов в хозяйстве было обусловлено потребностью развивающегося хозяйства.

Охота играла подсобную роль. Охотились на кабанов, оленей, диких коз, зайцев, барсуков, уток и т. д.

Новый подъем получают ремесла, в частности добыча и обработка железа, керамическое производство и т. д.

Наиболее важный для изучения истории материальной культуры Дагестана вопрос о добыче и обработке железа до сих пор остается слабо изученным. Некоторые исследователи лишь косвенно затронули этот вопрос³⁴. Внимательнее изучили его М. И. Пикуль и В. Г. Котович. Как вновь накопившийся материал, так и актуальность проблемы, в целом диктуют необходимость дополнительно аргументировать поставленные вопросы в других аспектах. Прежде всего необходимым представляется поставить и разрешить вопросы, связанные с добычей и обработкой железа коренными жителями Дагестана: добывали ли они сами железную руду, подвергали ли плавке или получали полуфабрикаты со стороны, обрабатывали ли железо или получали готовую продукцию со стороны?

Добыча и первичная обработка железа в Дагестане подтверждена археологическими данными в виде: 1) остатков плавильных сыродутных печей и шлаков; 2) копий (шахт, штолен); 3) изделий, характерных производственному району. Железные изделия на раннем этапе производства подражали развитым типам бронзовых изделий.

На северо-западной окраине Аркасского городища М. И. Пикуль на площади 30×20 м раскопала остатки «сыродутной печи» в виде скопления кусков обожженной глины от горнов и сопел, угля, углистой почвы, железного шлака, полученного при сыродутной плавке руды. М. И. Пикуль считает, что здесь находилась мастерская по выплавке железа³⁵. К. А. Бредэ, как уже выше говорилось, обнаружил в помещении № 4 Нижнесигитминского поселения отходы, полученные при сыродутной плавке железа³⁶. Железистые шлаки обнаружены и на Макин-

³³ К. Н. Золотов. К истории животноводства в Дагестане.— Тр. Дагестанского сельскохозяйственного института, т. XIV, Махачкала, 1964, стр. 82.

³⁴ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке, стр. 26; Г. Ф. Чурсин. Культ железа у кавказских народов. ИКИАИ, т. V, Тифлис, 1927, стр. 105; его же. Авары. Этнографический очерк. РФ ИИЯЛ, д. 65, стр. 32, 34, 36, 53, 73—76; А. А. Иессен. Древние очаги металлургии и металлообработки на Восточном Кавказе.— Тезисы докладов на научной сессии, посвященной археологии Дагестана, стр. 29—30.

³⁵ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 348.

³⁶ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке, стр. 26.

ском поселении³⁷, расположенном неподалеку от выходов Присамурских сидеритовых залежей. Возвышение, расположенное недалеко от Хабадинского могильника и выхода сидеритовых залежей в долине р. Кара-Койсу, носит название «Макърал гохI» — холм шлака. Очевидно это было место первичной обработки железной руды. Следы добычи и первичной обработки железной руды имеются и около сел. Муги Акушинского района и Капкайкент Каякентского района³⁸. С. Ш. Гаджиева указывает на добычу железа вблизи сел. Карабудахкент, кутана Гийик-Салтан (район Талгинских источников), сел. Верхнее Казанище, Атлы-Боюн, Капчугай³⁹.

В пользу местного развития металлургии свидетельствует повторение форм изделий из бронзы предшествующего бронзового века изделиями из железа. Таковы браслеты, головные булавки со свернутым в спираль навершием, наконечник копья из Мугерганского могильника, умбововидные пряжки и наконечники стрел из Шахсенгерского могильника, головные булавки и псалии из Аркаского городища и мн. др.⁴⁰

Объективные условия для развития металлургии имелись не везде. Были районы отдаленные от выходов железнорудных залежей или относительно изолированные в силу географического положения. Но потребности развивающегося хозяйства требовали более усовершенствованных орудий труда. Более того, условия нового железного века — века железного меча и плуга ставили человека перед выбором — или покориться более сильному соседу и тем самым оказаться на положении зависимого, или самому обладать железом и тем самым стать более сильным. Отсюда получение железнорудного сырья и его дальнейшая обработка на месте было вопросом крайней необходимости. Это и было стимулирующим фактором для обмена железом.

Обычно археологическими признаками металлообработки признаются такие факторы, как:

- наличие кузнечных мастерских;
- находки полуфабрикатов в виде слитков или полуобработанных железных кусков;
- изготовление местными мастерами копий привезенных изделий. Причем они должны были обладать специфичной микроструктурой, отличной от типов прародины⁴¹.

³⁷ М. И. Пик у л ь. Эпоха раннего железа..., стр. 89.

³⁸ М. И с а к о в. Археологические памятники Дагестана, стр. 63, 25, № 807, 302.

³⁹ С. Ш. Г а д ж и е в а. Кумыки. М., 1961, стр. 94.

⁴⁰ М. И. П и к у л ь. Эпоха раннего железа..., стр. 24, рис. 4, 3; рис. 16, 3, 4. стр. 63; рис. 15, 35, 36; рис. 14, 23, 24; О. М. Д а в у д о в. К вопросу о материальной культуре..., стр. 7.

⁴¹ Е. Н. Ч е р н ы х. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других.—СА, I, 1967, стр. 295—301.

Мастерская по выплавке железа из Аркасского городища, судя по бракованным изделиям и полуфабрикатам⁴², использовалась и как кузница. Изделия, выявленные здесь, особенно ножи, удила, головные булавы и др. откованы. Ножи с горбатой спинкой и прямым или изогнутым лезвиями с Аркасского городища⁴³, Урцекского⁴⁴, Шаракунского⁴⁵, Яман-су⁴⁶ могильников повторяют типы так называемых скифских «горбатых» ножей, широко распространенных в эпоху широкого распространения железа по всей территории Евразии⁴⁷. Узкий длинный нож с Аркасского городища⁴⁸ в точности копирует форму ножей Самтаврского могильника (погр. 218—вторая половина X—IX вв. до н. э.)⁴⁹.

Микроструктурный анализ 12 хорошо сохранившихся железных предметов из Аркасского городища и Хабадинского могильника, произведенный Г. А. Вознесенской в лаборатории ИА АН СССР, показывает, что кузнецы имели в своем распоряжении железо, полученное сыродутным способом, и сырцовую сталь, полученную в сыродутном горне непосредственно во время металлургического процесса. Причем мастера могли по своему желанию получать железо или сталь, выковать (кузнец в совершенстве владел техникойковки железа в горячем состоянии) изделие необходимой упругости и твердости, хорошо регулировать температурный режимковки. Структурно это выражается прежде всего в чистоте металла, почти не загрязненного шлаковыми включениями (что достигается многократной проковкой заготовки) и в его однородном мелкозернистом строении (что свидетельствует о правильном соблюдении температурного режимаковки). В скифское время такая операция, как закалка, была известна в Восточной и Западной Европе, но употреблялась очень редко⁵⁰. При изучении структуры

⁴² М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 52.

⁴³ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 66, рис. 17, 9—11, 13, 14.

⁴⁴ В. Г. Котович, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. Мамаев. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г.—Архив ИА АН СССР, д. 2731, альбом — 2731-б, рис. 7, 26, 29, 30, 17-б.

⁴⁵ М. И. Пикуль. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г., табл. XXXII, 1; ее же. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г., табл. XXIV, 1, 3.

⁴⁶ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильники «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана.—АЭС ЧИНИ ИЯЛ, т. II, Грозный, 1968, рис. 6, 21.

⁴⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 204, 286.

⁴⁸ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 60, рис. 17, 12.

⁴⁹ Р. М. Абрамшвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.).—Вестник ГМГ, т. XXII-в, 1961, табл. IV, рис. 2, 3, 4.

⁵⁰ P. Pleiner. Stare evropské kavarsvi. Praha, 1962, p. 233.

изделий из памятников скифского круга VII—IV вв. до н. э. случаев за-
калки железных изделий обнаружено мало⁵¹.

В целом микроструктурный анализ железных изделий Дагестана
эпохи раннего железа указывает на высокий уровень обработки желе-
за и мастерства кузнецов.

Куски отходов, полученных при плавке железной руды сыродут-
ным способом, найденные в помещении Нижнесигитминского поселения
конца второго и начала первого тысячелетий до н. э., указывают на
довольно раннее знакомство дагестанских племен с производством
железа. К аналогичным выводам пришел и В. И. Марковин на основа-
нии исследования Зандакского могильника⁵². Очевидно в этот период
железо рассматривалось как драгоценный металл. Во всяком случае на
это указывает аварское название бус «маххал», обозначающее в то же
время и железо. На местное производство и освоение железа указы-
вают пережитки культа этого металла, имевшего место в Дагестане⁵³.

Второй этап освоения железа характеризуется появлением изде-
лий, преимущественно оружия, сделанных частично из железа и из
бронзы. Железные изделия этого времени подражают бронзовым изде-
лиям предшествующего времени. Такие предметы широко представле-
ны на памятниках Кавказа времени первоначального освоения железа.
Плохая сохранность не позволяет подвергнуть железные изделия этого
времени микроструктурному анализу. Однако, надо полагать, предме-
ты выковывались из тестообразной массы, полученной сыродутным
способом.

Характерным признаком третьего этапа является господство желе-
за не только в области производства оружия, но и в области производ-
ства орудий труда. Важным условием перехода к этапу широкого
распространения железа В. Гордон Чайлд считает открытие эффектив-
ного метода плавки железа⁵⁴. Судя по микроструктурному анализу,
дагестанские мастера в это время умели регулировать получение желе-
за и стали. Более того, в необходимых случаях термически обраба-
тывали свои изделия, чего еще не умели ни скифы, ни носители галь-
штатской культуры. По-видимому, в это время (судя по находкам на
Аркаском городище и расположению мастерской на окраине городи-
ща в VI в. до н. э.) труд кузнеца специализировался. В это время
появляются новые формы изделий.

⁵¹ Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин. Техника обработки
железа в лесостепной и степной скифии. СА, 4, 1963, стр. 36—56.

⁵² В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии
и Чечни. КСИИ, 98, 1964, стр. 87.

⁵³ Г. Ф. Чурсин. Культ железа у кавказских народов. Известия КИАИ,
т. V, Тифлис, 1927, стр. 105; М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 63, 64.

⁵⁴ V. Gordon Childe. The Story of Tools, p. 15.

Надо отметить особый толчок, который дали походы скифов (через Дербентский проход на Ближний Восток) производству железа. Очевидно после этого похода и произошла специализация труда кузнеца. На наш взгляд здесь несколько причин:

— скифы стерли установившиеся законсервированные границы, что привело к тому, что технические новшества племен стали всеобщим достоянием;

— само движение скифов и сопровождавшие его нападения привели к активизации местных дагестанских племен. Развитие металлургии железа и его обработка давали им возможность противостоять экспансии кочевников, а в удобном случае и самим принимать участие в скифском походе.

Нами выше отмечено существование в Дагестане эпохи бронзы местных очагов металлургии и металлообработки. Глубокие традиции в бронзолитейном производстве сами по себе определяли высокий уровень производства бронзы в эпоху раннего железа. Однако появление железа ограничивало сферу применения этого металла и из него стали производить преимущественно украшения⁵⁵. Для развития бронзовой металлургии и металлообработки в Дагестане существовали благоприятные условия — это прежде всего достаточно богатая топливная база, наличие залежей меди, полиметаллических и оловянных руд в высокогорных районах⁵⁶.

В интересующее нас время бронзовые изделия отливались по восковым моделям иногда с применением формовочной массы. Мастер мог добиваться тонкости и изящества. Некоторые бронзовые изделия (шилья, головные булавки, большинство браслетов, привесок и т. д.) подвергнуты ковке. Украшения орнаментированы налепными, резными или пунсонными узорами. Судя по тонкости звеньев цепи или припаянных тонких проволочек, уровень волочения был довольно высоким.

Существенное место в хозяйстве дагестанских племен интересующего нас времени играло керамическое производство. Оно получило освещение в монографии М. И. Пикуль «Эпоха раннего железа в Дагестане», которая выявила технологические особенности производства лепной обмазанной и серолощенной керамики, отметила смену резного геометрического орнамента гребенчатой штриховкой, исчезновение отдельных старых и появление новых форм сосудов⁵⁷. Нам прежде всего хотелось бы указать на наличие двух больших групп керамических изделий: 1) изготовленных на гончарном круге и без него лощеных и 2) лепных обмазанных и заглаженных толстостенных сосудов.

⁵⁵ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 91.

⁵⁶ Природные богатства Северо-Кавказского края, стр. 271, 276, 281, 283—286.

⁵⁷ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 104—105.

Толстостенная лепная керамика в Дагестане берет свое начало с глубокой древности. Также архаична и грубая бессистемная обмазка. Однако в памятниках переходного от бронзы к железу периода (Зандак) появляется обмазка, нанесенная на поверхность сосудов вертикальными полосами. Очевидно эта система обмазки зародилась на севере зандакской культуры и постепенно распространилась на юг, проникнув даже на территорию Мугерганской культуры. На территории мугерганской культуры в скифское время на смену грубой обмазке приходит способ обмазки пятнами довольно жидкой глиной. Судя по находкам из Карабудахкентского и Шаракунского могильников сосуды с обмазанной поверхностью пережиточно доживают до албано-сарматского времени и уже в средневековье они не встречаются.

Часть необмазанной керамики заглажена. Такая керамика продолжает традиции керамического производства племен, оставивших памятники типа Каякентского могильника.

Тонкостенная керамика в основном хорошо обожжена, а толстостенная — слабо и неравномерно. Цвет серый, коричневый и красный. Встречаются образцы, цвет которых от красного переходит в серый, обретая в промежутке коричневый. Все это свидетельствует об обжиге керамики восстановительным и окислительным методами.

Отдельные сосуды имеют своеобразные клейма-знаки мастеров. Это является показателем начала специализации труда керамического производства.

Появление железа и начало специализации отдельных отраслей хозяйства привело к невиданному до этого времени подъему производительных сил и повлекло за собой изменение структуры общества. Появляются богатые и бедные. Инвентарь отдельных погребений Шаракунского, Урцекского, Таркинского, Карабудахкентского и других могильников резко отличается своим богатством от инвентаря рядовых погребений. Порою около некоторых захоронений встречаются погребения отдельных черепов (Шаракунский, Карабудахкентский № 1 и др. могильники), которых К. Ф. Смирнов считал захоронениями врагов или зависимых лиц⁵⁸. Как по богатству инвентаря, так и по жертвоприношению зависимых лиц эти погребения мы вправе приписать аристократии. Уже с эпохи первоначального знакомства с железом количество оружия в мужских погребениях резко возрастает (Мугерган, Зандак, Урцеки, Хабада, Шаракун и т. д.). На Хабадинском, Урцекском, Зандакском и др. могильниках встречаются захоронения коня вместе с человеком. Очевидно эти могилы принадлежали членам военной дружины.

⁵⁸ К. Ф. Смирнов. Групповые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 201.

В целом могильники отражают картину выделения военной аристократии и военной пародной дружины.

Развитие внутренних производительных сил, с одной стороны, военные походы, набеги и столкновения, обогащавшие прежде всего военную верхушку — выделившуюся аристократию, с другой, неизбежно должны были привести к стремлению военачальников сначала завоевать себе особое экономическое и правовое положение в обществе, а потом и узаконить его. В то же время, лицо, сосредоточившее в своих руках верховную власть, окружало себя аристократией, которая поддерживала бы его. Такие тенденции выделившейся аристократии должны были встретить сопротивление все еще могущественных старых родов. Очевидно эта борьба отражена в возрождении коллективных усыпальниц на рубеже VI—V вв. до н. э. на Урцекском могильнике.

Отражение таких социальных процессов в погребальном обряде не ново. Появление парного погребения, например, объясняется стремлением малой семьи противопоставить себя большой и выделиться в самостоятельную хозяйственную единицу⁵⁹. История неоднократно давала нам пример, когда какое-либо явление порождает противоречащее первому другое явление и тем самым уравнивает исторический процесс в целом. Развитие патриархата, например, породило гинеократию. Всякое новое нарождающееся также встречает сопротивление старого отживающего. В данном случае в возрождении коллективной усыпальницы на Урцекском могильнике можно видеть борьбу старых родов, стремящихся отстаивать свои старые привилегии, устоявшийся консервативный быт, с новой аристократией, стремящейся узаконить свое экономическое и политическое преимущество, особое положение в обществе и создать систему государственности, узаконивающую их господство.

Если такая активная борьба между двумя общественными силами началась еще на рубеже VI—V вв. до н. э., то с победой новой аристократии (а она должна была победить) форма государственности вскоре, очевидно, обрела законченную форму. Когда это произошло пока трудно сказать.

Трудно определить характер новой формации. Однако, если учесть встречающиеся захоронения отдельных голов подневольных лиц (рабов или военнопленных) у погребений знати, появление грандиозных оборонительных комплексов вокруг Урцекского, Аркасского и Шахсенгерско-

⁵⁹ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными костяками. — ПИДО, Л., 1934. № 7—8, стр. 108, 122—124; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. — МИА, 43, 1955, стр. 204—205; В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. — СА, 4, 1959, стр. 18; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 85; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 238.

го городищ, а также террас, для возведения которых должен был быть использован подневольный труд, общественное значение которого невозможно не дооценить, то мы с полным правом можем думать о том, что новая нарождающаяся формация в какой-то степени носила рабоче-владельческий характер.

Наши рассуждения строятся вокруг наиболее хорошо изученных памятников типа Зандак, Урцеки, Шаракун. Мы далеки от мысли перенести эти выводы на другие памятники. Видимо, пестрота хозяйственных особенностей страны целиком отражалась и на социальной панораме.

На основании скудного археологического материала мы не рискуем всесторонне осветить все вопросы, касающиеся сложного общественного организма, в частности раскрыть природу рода, племени, семьи, формирующейся народности, а также их взаимоотношений. Ко всем этим вопросам мы надеемся вернуться в будущем.

Развитие производительных сил, которое позволило получить прибавочный продукт, классовая дифференциация и специализация отдельных отраслей хозяйства, в частности ремесел при наличии транспорта, должны были повлечь за собой торговые, культурные связи с сопредельными племенами. Несомненно этот вопрос имеет важное значение для изучения истории развития материальной и духовной культуры, степени участия племен в торговом обороте и связях представителей различных мировых цивилизаций. Поэтому эти вопросы не могли быть игнорированы исследователями и получили достаточно подробное освещение в работах М. И. Пиккуль⁶⁰ и в последнем обобщающем издании «История Дагестана»⁶¹.

Из выводов М. И. Пиккуль для нас важны указания на связи дагестанских племен эпохи раннего железа с носителями кобанской культуры, жителями Закавказья и скифами⁶². Наши исследования подтвердили эти высказывания. Более того, представляется возможность корректировать их. Мугерганская культура, например, является синтезом некой закавказской культуры, близкой к культуре хаджало-кедабекского и восточно-грузинского типов и местной, восточнокавказской, зандакской. Отсюда связи с закавказским миром вырисовываются не только культурными, но и этническими.

Ранее отмечалось отсутствие связи между племенами кобанской культуры и племенами синхронной культуры Дагестана (как полагали, каякентско-харацовой). Как выше уже говорилось, каякентско-хара-

⁶⁰ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 106—110; ее же. Хабдинский могильник, стр. 161—166.

⁶¹ История Дагестана, т. I, стр. 99.

⁶² М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа..., стр. 110.

чоевская культура справедливо удревнена, а мугерганская и зандакская — отнесены к тому же времени, что и кобанская. Между ними и отмечены довольно тесные связи. На памятниках выделенных нами культур встречаются кобанские многовитковые браслеты (Карата, Согратль), дуговидные фибулы (Хабада — 2 экз., Карата, Согратль, Анцух), головная булавка с навершием в виде геральдически расположенных конских головок (Аркас), наносник дигорского типа в виде птицы со звериной головкой (Аркас), многовитковые височные кольца (Мугерган, Урцеки, Аляр, Карабудахкент, Шаракурн и т. д.), топор (Турчи) и т. д. Прототипами бежтинских подтреугольных пряжек следует считать подковообразные пряжки дигорского типа.

На территории кобанской культуры выявлена лепная керамика с вертикальной обмазкой наружной поверхности (Сержень-Юрт). На подковообразной пряжке кобанского облика появляется геральдическое изображение бежтинского типа конских фигурок.

Разумеется эти предметы не исчерпывают всех предметов дагестанских культур на территории кобанской культуры. Очевидно, с корректировкой дат синхронных культур Дагестана и Северного Кавказа эпохи раннего железа еще появятся предметы, отражающие контакты населения и связи культур.

Изменения в общественной жизни не могли не сказаться на духовном облике населения. Отражая процесс имущественного и социального расслоения общества, возникают представления о высших и низших, добрых и злых божествах. Создаются и развиваются некоторые космогонические представления. В это время имелись представления о трех мирах, расположенных друг на друге. Такое представление, например, отражает орнамент на ножнах меча из Макинского могильника, на котором последовательно изолированно друг от друга изображены символы солнца, движущегося по небесному своду (обегающие спиральки), воды — преисподни (волнистая линия—идеограмма воды) и земли (растения с цветами)⁶³. Много у нас и других украшений, изображения на которых отражают представления о мироздании. Таковы умбоновидные бляшки из Шаракурнского, Урцекского, Хабадинского и др. могильников Дагестана, подвески из Шаракурнского могильника. На полусферических поверхностях этих изделий изображены обегающие спиральки.

⁶³ В. Г. Котович. Новые памятники..., стр. 143, табл. VII, 24. О толковании обегающих спиралей, волнистой линии и символов растений см. Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита, стр. 19, 22.

символизирующие движение солнца по небу⁶⁴. Космогонические представления древних жителей сохранились и в дагестанских устных народных сказаниях. Так, например, имеются сюжеты, где говорится о трех мирах, расположенных друг на друге. Причем все они доступны Герою, правда с помощью баранов, коней или птицы «каиква»⁶⁵.

Племена Дагестана эпохи раннего железа поклонялись солнцу, луне и небу. По Страбону племена Кавказской Албании, которые, без сомнения, являются предками и современных народов Дагестана, поклонялись Солнцу, Луне и Зевсу⁶⁶.

Смерть человека воспринималась как уход в «иной мир», где люди продолжают жить так же, как и на земле. По некоторым повериям умерший даже приходит помогать в хозяйстве жене и детям, оставленным им в одиночестве. Неопровержимым доказательством такого мировоззрения в материальной культуре является погребальный обряд: в могилу кладут вещи, в которых человек нуждался на земле при жизни, рядом с аристократией — символы их силы, могущества и власти, рядом с воином — оружие и конь, с земледельцем и ремесленником — орудия их труда. В могилу клали вещи, вызывающие милость природы и божеств — культовые предметы.

Семейно-родовые культы в силу продолжительного сохранения патриархально-родовых укладов прочно сохранились на Кавказе. В большинстве случаев эти культы приняли вид почитания домашнего очага. На наших памятниках встречены очаги с вечно горевшим огнем (Нижняя Сигитма). По этнографическим данным домашний очаг, связанные с ним зола, огонь и т. д. в древнем Дагестане считали священными. В аварском доме крошки пищи подметали в огонь — это символизировало принесение жертвенной пищи покойному родичу. Наличие самих родовых кладбищ, склепов свидетельствует в пользу существования культа предков⁶⁷. Как размеры, так и характер Шаракунского могильника указывают на его принадлежность членам одного рода. На Урцекском могильнике выявлена коллективная усыпальница.

Есть еще один показатель культа предков на памятниках Дагестана.

Исследователь первобытной религии А. Ф. Анисимов указывал, что в религиях народов, в частности эвенков, «духи» умерших предков требовали к себе подчеркнутого отношения и непрестанной заботы членов семьи, к которой он относился. Мертвых предков надо было «кормить»,

⁶⁴ А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. — ИГАНМК, 100, М.—Л., 1933, стр. 130—260, рис. 1, 2.

⁶⁵ Аварские сказки, стр. 179, 216, 218—220; Сказки народов Дагестана, стр. 64.

⁶⁶ Страбон. География, XI, VI, 7.

⁶⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 358.

с ними должны были «советоваться». В противном случае они мстили⁶⁸. Отсюда и возник страх перед покойником. Чтобы оградить себя от гнева неудовлетворенного покойника живые предпринимали меры: над могилами устраивали каменные завалы, мертвых связывали и т. д. На Мугерганском, Зандакском, Шаракунском и др. могильниках встречены над могилами каменные завалы, а в самих могилах — сильно скорченные кости. Сильную скорченность В. И. Марковин объясняет наличием обряда связывания мертвых перед укладыванием в могилу⁶⁹. Чтобы облегчить заботу о мертвых, их хоронили под полом жилищ. Этот обряд широко практиковался на Ближнем Востоке⁷⁰. В Дагестане он отмечен на Джемикентском поселении⁷¹, в более позднее время — на Нижнесигитминском поселении. Такой обряд должен был освободить членов семьи от специальных жертвоприношений мертвому предку, который мог делить в семье повседневную трапезу.

На Кавказе, в частности и в Дагестане, культ предков появился в очень отдаленное время и в виде отдельных пережитков сохранился до настоящего времени⁷².

Сталкиваясь с природными явлениями, человек оказывался бессильным объяснить себе их сущность и причины. Они внушали ему страх. Отсюда возникали поверия в одухотворенность природы, божества, потусторонний мир и т. д. Вся сложная система религиозных верований была связана, прежде всего, с производственной деятельностью человека и особенно с земледелием, скотоводством и ремеслом.

Особое место в религии уделялось культу растительного мира. Поверие в силу чудесного дерева характерно для всего кавказского этноса. Его графическое изображение встречается на древностях Азербайджана, Грузии, Армении и республик Северного Кавказа⁷³.

У абхазов почиталось божество дерева — «Atla-invaqə»⁷⁴. У Дагестанских народов встречаются священные деревья. На древностях Дагестана широко применяются изображения этого священного дерева или «древа жизни». Также широко встречаются пережитки и поверия, связанные с культом растительного мира. У вайнахских и дагестанских народов на стол жениха кладут ветку с навешанными на ней яйцами,

⁶⁸ А. Ф. Анисимов. Этапы развития первобытной религии. М.—Л., 1967, стр. 122—123.

⁶⁹ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня..., стр. 106.

⁷⁰ С. Н. Бибииков. Поселение Лука—Врублевская.— МИА, 38. 1953, стр. 194—198.

⁷¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 44—46.

⁷² Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 358.

⁷³ В. В. Бартавалидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 54, 64, 65.

⁷⁴ А. Джанашиа. Религиозные верования абхазов.— Христианский восток, т. IV, вып. I, Петроград, 1915, стр. 97, 98.

яблоками и др. лакомствами. Ее втыкают в большой круглый хлеб. По повериям этой ветке-дереву приписывают силу, обеспечивающую супружеской паре на всю жизнь счастье и изобилие. У аварцев, якобы для предотвращения града, к жерди привязывают палочки, на которые насаживают кувшины. К жерди привязывают ленточки. Эта жердь (имитация дерева) устанавливается на высоком месте, откуда обозреваются урожайные поля. Дереву приписывают силу, способную вызвать дождь: в засуху, летом в закрытом для неба и постороннего взгляда месте⁷⁵ человека раздевают догола, обвязывают пучками травы так, чтобы все тело закрывалось, а затем водят по улицам селения в сопровождении толпы, поющей мусульманское изречение «таилаха-илла-лах». Жители обливают его водой, а сопровождающих окрапывают. Кончается процессия тем, что исполнителя роли «дерева» сталкивают в воду, и он снимает с себя растительный костюм уже под водой⁷⁶.

И. И. Мещанинов на основании огромного количества материала весьма убедительно доказал отождествление дерева и воды в первобытном мышлении народов Кавказа⁷⁷. Если так, то в факте сбрасывания в воду исполнителя роли дерева следует видеть символику возвращения воде ее двойника с тем, чтобы вызвать милость божества воды.

Дереву приписывают и способность вызвать плодородие и исцеление больных. В устных сказаниях женщина и кобыла при съедении плода такого чудесного дерева — обычно яблока — рожают⁷⁸.

Значительное место в верованиях народов Дагестана играет железо. Наиболее ярко это выражается в этнографическом материале. По мнению Г. Ф. Чурсина, «в то время, как скотовод видит в небесных явлениях сцены и картины скотоводческой жизни (гром гремит — «небесный жеребец ржет», — говорят киргизы), земледелец — земледельческой, народ — кователь железа видит железо, кование и т. п. вещи»⁷⁹. Железу в повериях народов Дагестана приписывают магическую силу. Кинжал или шашка употребляются в качестве талисманов, ограждающих людей от нападения злых духов и от вредных влияний, чар, колдовства и пр. У аварцев, например, около женщины во время родов кладут обнаженную шашку для ограждения роженицы от всякого рода вредных влия-

⁷⁵ До конца процессии исполнитель роли «дерева» не должен быть опознан.

⁷⁶ См. описание аналогичных обрядов Р. М. Магомедов. Легенды и факты. Махачкала, 1963, стр. III—112.

⁷⁷ И. И. Мещанинов. Закавказские поясные бляхи. Махачкала, 1927, стр. 8; его же. Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа. — Записки коллегии востоковедов, 1925, т. I, стр. 241—256. См. также Б. Б. Пиотровский. Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939, стр. 24—36.

⁷⁸ Аварские сказки, стр. 262.

⁷⁹ Г. Ф. Чурсин. Культ железа у кавказских народов. — Известия Кавказского историко-археологического института, т. I, Тифлис, 1927, стр. 68.

ний. В люльку под голову ребенка кладут нож, чтобы черти не посмели приблизиться. При прохождении через поле, где много шайтанов и джинов, надо размахивать обнаженным кинжалом — тогда не тронут. Чтобы обречь жениха на половое бессилие в первую брачную ночь, недоброжелатель вынимает кинжал и вкладывает его в ножны обратной стороной (аварцы, лакцы, таты, чеченцы, абхазы). У всех народов Дагестана, как и многих других народов мира, по повериям подкова приносит счастье. У аварцев, мать, у которой умирают дети, надевает браслет, откованный из девяти кусков железа, отчего дети, якобы, останутся живыми⁸⁰. Очевидно этим обрядом объясняется наличие железных браслетов в поздних комплексах. Все эти примеры красноречиво свидетельствуют о культе железа у народов Дагестана.

Важное место занимает среди языческих верований тотемные культы. Среди древностей наших памятников встречаются изображения медведей, баранов, змей, волков, коня и др.

Медведь в устных народных сказаниях становится супругом женщины, которая рождает от него детей необыкновенной силы и ловкости⁸¹. Медвежью лапу у многих народов Дагестана вывешивают в качестве оберега. Дидойцы вешали медвежью лапу в хлевах для лучшего размножения скота. Хваршинцы считали медвежью лапу талисманом, отводившим от коня «дурной глаз»⁸². Мясо медведя считается целебным: от него исцеляются больные, а если его съест беременная женщина, ребенок будет смелым и воинственным (аварцы).

О культе волка на Кавказе написано довольно много. В фольклоре народов Дагестана он становится супругом женщины, помогает человеку в беде. Название «волк» звучит как высшая хвала и одобрение отваги Молодца. На Хабадинском могильнике встречена бляшка в виде головы волчицы.

На одном из сосудов Мугерганского могильника изображен змей. В фольклоре народов Дагестана улавливается двойное отношение человека к змею: в одном случае враждебное, в другом — мирное. В первом, человек воюет с ним (змееборец), во-втором, змея — друг человека, покровитель и мудрый советчик. Порою он отождествляется с человеком, владеет замком, скотом, вступает в супружеские отношения с женщиной⁸³. Аварские поверия, с одной стороны, поощряют убийство змей, с другой, существует добрая змея «каж», к которой че-

⁸⁰ Там же, стр. 72—94; его же. Авары. Этнографический очерк.— РФ ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 65, стр. 32—75.

⁸¹ Аварские сказки, стр. 208—214.

⁸² Р. М. Магомедов. Легенды и факты. Махачкала, 1963, стр. 28.

⁸³ Аварские сказки, стр. 135, 180; Сказки народов Дагестана, стр. 56, 120—124, 125, 139, 154, 167—174, 193, 194, 208.

ловек относится хорошо. Каж — охранительница домашнего очага, благополучия семьи и богатства дома. «Она сидит на кувшине, обратившись головой к устью, умножает его содержимое, обезвреживая действия «дурного глаза» и т. д. Г. Ф. Чурсин отметил в глухих аварских селах даже жертвоприношение змею-кажу⁸⁴.

Култ коня утвердился в скифское время и занял важное место среди верований племен Дагестана. В героических сказаниях он — советник и помощник, а в необходимых случаях и спаситель своего хозяина⁸⁵. Белоснежный морской конь «выходит из моря и в одно мгновение обегает землю три раза»⁸⁶. Земной конь сражается с морским конем — своим братом и вместе с Молодцом покоряет его⁸⁷. Конь доставляет Героя в небо за птицей⁸⁸, летает по воздуху⁸⁹. Его отождествляют с ветром (конь-ветер)⁹⁰. Конь выступает в качестве связного между землей и преисподней: доставляет Молодца до отверстия в «иной мир»⁹¹.

Первобытная магия, как отмечал Е. И. Крупнов, занимала в жизни племен Северного Кавказа важное место⁹². Человек проводил драматизированный церемониал, изображал божества или их символы. Все это достаточно хорошо представлено среди наших материалов. В частности антропоморфные и зооморфные статуэтки, изображения на украшениях достаточно красноречиво указывают на характер магических церемоний. Выше нами уже говорилось, что статуэтки изображают участников шествия богов на праздниках хозяйственного характера. Нами также говорилось о том, что это шествие могло напомнить по своему характеру современные танцы. Добавим к этому, в сел. Келеб Советского района сохранились ритуальные танцы с четко выраженными сексуальными движениями. Те же движения содержит и «Акушинский» танец. В этнографической литературе довольно много обрядов ритуально-магического характера. Многие из них направлены на вызывание дождя, солнца, плодородия и т. д. Всеми своими ритуально-магическими действиями человек — ремесленник, земледelec, скотовод, воин стремились вызвать милость божества, природы, удачу, счастье, благополучие.

⁸⁴ Г. Ф. Чурсин. Авары, стр. 79—81.

⁸⁵ Аварские сказки, стр. 216, 217, 227, 229, 266, 281—287, 312, 315—332; Сказки народов Дагестана, стр. 88—89, 100, 133, 189, 196, 215, 218.

⁸⁶ Аварские сказки, 217—224; Сказки народов Дагестана, стр. 125, 106, 130, 198.

⁸⁷ Сказки народов Дагестана, стр. 133.

⁸⁸ Там же, стр. 100.

⁸⁹ Аварские сказки, стр. 227—229; Сказки народов Дагестана, стр. 88, 89, 191, 215—218, 133 и сл., 196.

⁹⁰ Сказки народов Дагестана, стр. 183—191.

⁹¹ Аварские сказки, стр. 252; А. Миллер. Ук. соч., стр. 142—145.

⁹² Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 365—368.

Важное место в идеологии народов Дагестана эпохи раннего железа играет искусство, в частности декоративное и прикладное. Наиболее выразительными являются и антропоморфные и зооморфные статуэтки, а также различные украшения. В целом они связаны с религиозными представлениями населения и через них с хозяйственными процессами. Все эти украшения отлиты по восковым моделям, объемные статуэтки — с применением формовочной массы и без нее.

Антропоморфные статуэтки, как говорилось выше, отличаются реалистичностью при отклонении от пропорции изображения отдельных частей, грубостью при трактовке фигур, подчеркнуто выраженными половыми признаками, ритуальной обнаженностью, а также характерными позами и атрибутами. Они характеризуют стиль производства местных дагестанских антропоморфных статуэток. Однако в характере трактовки фигур улавливается связь с очагами производства антропоморфных изображений районов Северного Кавказа, Армении и Ближнего Востока.

Зооморфные статуэтки отличаются сочетанием реалистичности изображения с условностями передачи отдельных органов. Животные изображены в спокойной позе. По характеру интерпретации они близки к кобанским и ближневосточно-закавказским.

Бляшка из Хабадинского могильника в виде головы волчицы с раскрытой пастью представляет собой произведение высокого художественного уровня исполнения. Изображение отличается реалистичностью. Судя по стилистическим признакам, оно выполнено местным мастером на вкус заказчика, подвергнутого влиянию идеологии степных племен, может быть даже выходца из среды степняков.

Довольно четко выделяются местные дагестанские и степные скифоидные признаки искусства в пояском крюке, найденном в окрестностях г. Хасавюрта.

В эпоху раннего железа, по справедливому заключению Е. И. Крупнова, на Северном Кавказе появились основы норм неписанных законов — адатов⁹³. Сложная система обычного права дагестанских горцев, дошедшая до наших дней, несомненно является порождением различных условий общественно-экономической и социальной жизни. Безусловно при сложной социальной структуре и резко возросшей производительности труда в условиях постоянных военных столкновений общество нуждалось в определенных нормах правил общественного бытия. И в этот период, видимо, помимо гостеприимства и куначества⁹⁴ появились нормы обычного права, регулирующие ведение хозяйства, отношения между родами, членами различных социальных категорий, племен-

⁹³ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 339, 372.

⁹⁴ Там же, стр. 372.

нами и т. д. Однако трудно ожидать эффективности таких норм в отношениях между даже и родственными, но отдаленными племенами.

Значительный интерес для изучения культуры Дагестана эпохи раннего железа имеет фольклор народов Дагестана. В нем, как в коллективном творчестве народа, отражаются мотивы, порожденные различными социально-экономическими и политическими условиями. Дагестанские сказки имеют сюжеты, отражающие культ камня, особое отношение к женщине, победу отцовского рода, и все они относятся к весьма отдаленному времени. Однако многие сюжеты возникли позже. В частности основные дагестанские волшебные и героические сказания, видимо, являются порождениями героической эпохи железного меча и плуга. Судя по находкам, изображения волка в могилах Дагестана скифского времени, сюжеты сказок, где дочь царя выходит замуж за волка, волк помогает человеку, видимо, зародились также в эпоху раннего железа⁹⁵. К этому же времени, видимо, относятся мотивы, отражающие культ железа: «замок змеи сделан из железа», «дворец волка обнесен железным забором», «путники идут в далекое путешествие с железным посохом в руках и в железных чарыках», «кузнец делает железную лестницу», «железный столб во дворце богатыря упирается в небо» и т. д.⁹⁶ Важное место в героических сказаниях отводится сюжетам, отражающим культ коня⁹⁷. Последние же сложились в Дагестане в эпоху раннего железа.

Изображение змеи на сосуде из Мугерганского могильника наводит на мысль о появлении в изучаемое время и сюжетов о покровительственных отношениях к змею. Сюжеты же о враждебном отношении к ним, возможно, зародились в другое время⁹⁸.

Бесспорно в эпоху раннего железа появился сюжет, где переодетая в мужской костюм девушка совершает подвиги⁹⁹.

В это же время формируются сказания, отражающие определенное отношение к нартам.

В целом идеология народов Дагестана эпохи раннего железа остается прежней, но усложненной новыми порождениями общественно-го бытия.

⁹⁵ Аварские сказки, стр. 217; Сказки народов Дагестана, стр. 125, 106, 130.

⁹⁶ Аварские сказки, стр. 74, 224, 226, 243, 313, 236; Сказки народов Дагестана, стр. 100, 194, 138, 218, 212, 168.

⁹⁷ Аварские сказки, стр. 190, 216, 227, 229, 266, 281—287, 312, 315, 322; Сказки народов Дагестана, стр. 88—89, 189, 100, 215—218, 133.

⁹⁸ Аварские сказки, стр. 135, 156, 180, 212, 221, 241, 275, 298; Сказки народов Дагестана, стр. 120—121, 186, 139, 167, 174, 208, 125, 154, 160, 193, 194, 206, 87, 179.

⁹⁹ Сказки народов Дагестана, стр. 120—124.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение материальной культуры Дагестана эпохи раннего железа позволило выделить две группы памятников, каждая из которых может быть охарактеризована как самостоятельная культура.

Первая культура, условно названная зандакской, датируется концом II—началом I тысячелетий до н. э. — III в. н. э. По этапам своего развития она делится на: 1) переходный от бронзовой эпохи к железной; 2) эпоху широкого распространения железа и 3) сарматскую эпоху. В начале I тысячелетия до н. э. она охватывает громадную территорию восточного Кавказа, гранича на юге с хаджалло-кедабекской, на юго-востоке — восточно-грузинской, на севере — кобанской культурами. Изученность всей этой территории неравномерна. Например, с территории Северного Азербайджана происходят лишь случайные находки и подъемный материал с вновь выявленных памятников. Изучение территории Дагестана и горной Чечни также оставляет желать лучшего. Но уже теперь мы с полной уверенностью можем выделить эту культуру, очертить ее ареал и указать на ее место среди синхронных культур Кавказа.

Вторая культура, условно названная нами мугерганской, датируется IX—IV вв. до н. э. По этапам своего развития она делится на: 1) время переходное от бронзовой эпохи к железной и 2) на время широкого распространения железа. Эта культура довольно отчетливо выделяется из среды памятников каякентско-харачоевской культуры, которая по мнению многих исследователей охватывала чуть ли не скифское и даже албано-сарматское время. Она возникла в результате смещения

некой закавказской культуры близкой к хаджало-кедабекской и восточно-грузинской с местной зандакской культурой. Причем роль закавказской культуры здесь доминирующая. Эта закавказская культура в начале первого тысячелетия до н. э. накладывается лишь на южной территории зандакской культуры. С оформлением мугерганской культуры зандакская все больше и больше оттесняется на северную и горную часть Дагестана. И уже к IV в. до н. э. границы между обеими дагестанскими культурами проходят в районе бассейна среднего течения р. Сулак.

Безусловно, появление на территории Дагестана и Северного Азербайджана племен закавказского круга оказало большое влияние на развитие материальной и духовной культуры местных племен. Однако, последние, как насельники исторической и географической периферии закавказских и ближневосточных цивилизаций, шли теми же культурно-историческими путями, что и свои южные родственные племена. Поэтому говорить о каких-то резких социально-экономических различиях не приходится (здесь мы не имеем в виду Урарту). Именно это положение сыграло решающую роль в обобщенной (хозяйственной, социальной, политической и духовной) характеристике племен обеих культур. Да и степень изученности этих вопросов у них не позволяет конкретизировать наши выводы. Поэтому хозяйство охарактеризовано как основанное на земледелии и скотоводстве. В некоторых отраслях ремесел, в частности металлообработке и керамическом производстве отмечено начало специализации. Соответственно отмечены и сдвиги в зарожде-нии политической формации общества.

Походы скифов в Малую Азию через Дербентский проход стали поворотными событиями в истории развития дагестанских племен. Они стерли установившиеся законсервированные границы, культурно связали разрозненные племена Кавказа, ускорили процесс распространения железа, что привело к активизации дагестанских племен.

Новый подъем отмечен и в развитии духовной культуры. В частности формируются основы высокоразвитого дагестанского искусства, норм обычного права и фольклора. Отмечаются связи с сопредельными народами.

Если читатель признает, что нам в какой-то степени удалось прояснить далекое прошлое народов Дагестана, этно-культурные связи с сопредельными племенами, укрепить чувства дружеского взаиморасположения у братских народов Кавказа и Юго-Восточной Европы, то автор считает свою задачу выполненной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Нижнесигитминское поселение¹

Нижнесигитминское поселение расположено в предгорной зоне Дагестана на довольно пологой террасе правого берега реки Сулак. С севера и запада оно ограничено обрывистыми песчаниковыми склонами, а с юга — юго-востока — древним оврагом, берущим начало у скал и смыкающимся своим устьем с рекой; на востоке и северо-востоке терраса опирается о гряды скал. Даже без дополнительных оборонительных сооружений жители Нижнесигитминского поселения могли чувствовать себя в относительной безопасности. Строительные остатки интересующего нас поселения находятся между восточной линией оборонительных сооружений Нижнесигитминского средневекового городища и грядой скал на территории, протяженностью немногим более $\frac{1}{3}$ км. В ходе трехлетних работ вскрыта площадь в 1266 кв. м. Толщина культурного слоя, состоящего из слегка гумусированного или золистого суглинки, колебалась от 0,10 до 0,45 м.² В результате раскопок были выявлены остатки пяти многокамерных комплексов различных размеров и форм. В каждой из них сохранилось по несколько комнат. Особенностью планировки сооружений является соединение прямоугольных в плане жилищ с овальными. Стены глинобитные, но с включением мелкого камня. Фундамент сложен из камней, пространство между которыми забутовано глиной или щебнем. Ширина фундамента колеблется в пределах от 0,57 до 1,40 м. Сами стены были тоньше оснований.

Комплекс 1. Состоит из трех комнат, которые опираются о длинную общую для двух смежных помещений западную стену (табл. III).

Помещение № 1 размером 7,25×7,00 м, имеет два овальных (на СЗ и ЮВ стороне) и два прямых угла, образована несколько выпуклой западной и искривленной наружу северной стенами. От расположенной

¹ Для описания поселения использованы отчетные данные К. А. Бредэ.

² Вероятно, причина тонкости культурного слоя заключается в том, что дождевые потоки и ветер постоянно снимали сверху слой, уносили по пологому склону.

южнее комнаты № 2 оно отгорожено сравнительно тонкой стенкой. С восточной стороны в комнату оставлен проход.

Помещение № 2 имеет размеры $2,25 \times 4,68$ м и прямоугольную в плане форму. С комнатой № 3 оно соединено проходом.

Помещение № 3 имеет несколько вытянутую с запада на восток форму ($7,05 \times 1,50$ м), все углы прямые, за исключением одного северо-восточного (овального). С северной комнатой (№ 2) оно соединено проходом. Юго-западный угол отгорожен полукруглой стеной, но оставлен узкий проход.

На место расположения очагов автор раскопок К. А. Бредэ не указывает, хотя говорит об их наличии почти в каждой комнате.

Комплекс II. К. А. Бредэ объединял комплексы I и II и считал, что он состоит из пяти комнат, средняя из которых подразделяется еще на более мелкие отсеки. При близком рассмотрении выясняется наличие здесь двух комплексов, соответствующих двум строительным периодам. Видимо, Бредэ не заметил их из-за отсутствия стерильного слоя и расположения стенок на одном уровне. Да и плотность грунта могла обмануть исследователя. Кроме того, мы имеем дело лишь с фундаментами. К тому же, видимо, нельзя говорить о каком-либо значительном хронологическом диапазоне, разделяющем эти комплексы. Возможно, они были одновременными, но комната № 3 воздвигнута после разрушения комплекса № 1.

Итак, рассматриваемый комплекс состоит из трех комнат, одна из которых построена с использованием старого фундамента 3-й комнаты первого комплекса (табл. III).

Помещение № 1, размеры $4,42 \times 4,40$ м, имеет овальный северо-восточный, два прямых и один равный 80° (северо-западный) углы. Проход оформлен с восточной стороны.

Помещение № 2, размеры $4,50 \times 4,50$ м, имеет юго-западный овальный угол и три прямых. Вход оформлен с юга.

Помещение № 3, пристроенное с северо-востока к первой комнате, имеет трапециевидную форму со сторонами в 3,57 (западная), 5,06 (восточная), 2,47 (северная) и 4,18 (южная). Северо-западный и северо-восточный углы прямые в плане, а юго-западный угол, образованный искривленными стенами, равен 120° . Эта комната перекрывает первый комплекс.

По отчетным данным К. А. Бредэ, как и в первом случае — нельзя выяснить места расположения очагов, хотя он говорит об их наличии почти в каждом помещении.

В основании западной стены второй комнаты был найден сосуд (диам. горла=2,8 см; диам. дна=1,2 см и устья=3,5 см), украшенный по нижней части горла косыми насечками (табл. VI, 23).

Комплекс III расположен юго-западнее второго. Он, вероятно, вначале был построен в прямоугольной, почти квадратной форме (восточная стена=8,25 м; западная стена=8,75 м; северная стена=8,69 м; южная стена=8,94 м) с одним закругленным в овал юго-юго-западным углом. Изнутри он перегораживался поперечными стенами и к нему пристраивались новые помещения. Судя по характеру стен, одновременно с сооружением комплекса северо-западный угол был отгорожен полукруглой стеной от остального помещения, но с юга оставлен узкий проход (ширина 0,30 м). Длина северной и западной сторон — по 1,63 м. От середины овальной стены «ограждения» на юго-запад направляется отрезок стены, не связанный впущенными камнями ни с одной из стен. Она делит комплекс на два самостоятельных помещения, соединенных смежными проходами. Вероятно, это деление произошло позже. Напротив указанного отрезка стены было воздвигнуто «ограждение», образованное округлой стеной, которая опирается о середину восточной стены комплекса, не связываясь с ней камнями, что указывает на ее сооружение позже основного комплекса. Проход оставлен с северо-западной стороны.

Дополнительные ограждения делают внутреннюю конфигурацию комплекса довольно сложной. Детали интерьера второго помещения (оформление очагов и сооружения типа «кладовых») повторяют детали интерьера первого помещения. Это еще раз указывает на позднее разделение комплекса на две части и оформление второго помещения по типу первого, когда в этом назрела необходимость, т. е., скажем, когда женатому сыну понадобилось помещение, аналогичное отцовскому.

В обеих комнатах (*помещений № 1 и № 2*) обнаружено по два очага: в середине шестигранные и по углам округлые или квадратные. Квадратный очаг, расположенный в северо-восточном (или точнее, северном) углу помещения № 2, и округлый очаг, обнаруженный около тупого угла, образованного отрезком, отходящим от «кладовой» № 1 стены, представляют собой настилы из камня со следами огня и зольным слоем. Шестигранные очаги, диаметром 0,50—0,70 м, образованы сложенными на ребра плитами и голышами и находятся в середине помещений. Оба помещения с очагами носят характер жилых сооружений. А «ограждения» без очагов, очевидно, предназначались для хозяйственных нужд.

Проход в основной комплекс шириной 0,60—0,76 м, оформленный крупными, поставленными по ширине основания стены камнями, оставлен с южной стороны.

Помещение № 3 образовано полукруглой стеной, опирающейся с юга о стены основного комплекса. С юга же полукруг стены обрывается проходом шириной 0,90 м. Он оформлен крупными плоскими камнями, поставленными по всей ширине основания стены. Внутри описывае-

мого помещения очага не оказалось. По-видимому, частично используемое для хозяйственных нужд, оно выполняло функции проходной. Из описываемой комнаты в комнаты №№ 1 и 2 ведет проход. Ширина комнаты по северной стене — 2,9 м. От прохода основного комплекса до прохода описываемого помещения — 4,20 м. Очевидно, описанное помещение также носит хозяйственный характер.

О фундаментальную стену комплекса с запада опирается отрезок стены, около которой с юга отмечен очаг. К северо-западу от очага расширено сооружение погребального характера, но без захоронений. К северу и к югу от стены, вероятно, были помещения.

Комплекс IV, расположенный юго-западнее третьего, сохранился значительно хуже всех других. Здесь прослеживаются три помещения. На северной части комплекса прослеживаются две комнаты, отгороженные друг от друга довольно толстой стеной (табл. IV).

Помещение № 1 трапециевидной в плане формы имеет стороны равные 5 м (западная), 7,30 м (восточная), 5,2 м (северная) и 5,62 м (южная) и углы, равные 96° (юго-западный), 82,5° (юго-восточный), 96° (северо-западный) и 86° (северо-восточный). Очищены в северо-западном углу простой и у середины южной стены окаймленный очаги. Проходы в комнату, вероятно, были с западной стороны, где отмечается обрыв стены и с южной стороны, где найдены камни, уложенные плашмя, образуя нечто подобное порогу.

Помещение № 2, расположенное восточнее помещения № 1, имеет несколько вытянутую, суживающуюся к югу форму. Западная общая с помещением № 1 стена имеет длину в 7,93 м, а северная, перпендикулярная ей, — 3,30 м. Восточная стена искривлена, а в некоторых местах ступенчато подходит к проходу шириной 0,60 м, оформленному из крупных плоских камней, поставленных по ширине фундамента. Северо-западный угол комнаты прямой, а северо-восточный закругленный в овальную форму. Здесь имеется окаймленный камнями очаг.

От описанного прохода на юг уходит стена, к которой с востока примыкает помещение размером 6,4×3,9 м с овальными северо-восточными и юго-восточными углами. Внутри помещения очищена овальная ограждающая стена и около нее очаг.

О контурах других помещений судить не представляется возможным. Комплекс интересен с точки зрения одновременности строительных периодов. Отрезки стен, перекрывающие друг друга или же расположенные на разных глубинах, указывают на это. Автор раскопок К. А. Бредэ также отмечал одновременность сооружения отдельных стен у этого комплекса.

Комплекс V, расположенный юго-восточнее четвертого, как бы делится на два отделения, которые в свою очередь поперечными внутренними стенами подразделены на отдельные помещения (табл. IV).

Западное отделение имеет форму неправильного прямоугольника с округленными в овал юго-западным и юго-восточным углами. Северо-западный и северо-восточный углы близки к прямой. Расстояние между северной и южной стенами — 11,27 м (по зап. стене) — 10,19 (по восточной стене), а расстояние между западной и восточной стенами — 8 м (по северной стене) — 8,56 м (по южной стене).

Сравнительно тонкой глухой стеной отделение делится на северное и южное помещения (она берет начало от западной фундаментальной стены в 5,44 м от северной стены и опирается о восточную стену в 6,50 м от северной стены).

Помещение № 1 (северное) не имеет в себе прохода ни с одной стороны и значительно превосходит по размерам южное (длина стен равна: северная — 8,0 м, южная — 9,25 м, западная — 5,44 м, восточная — 6,50 м. Углы близки к прямым).

Под слоем гравия, в ямке с гумусированным суглинком диаметром 0,20—0,25 м был выявлен обломок горлышка лощеного с обеих сторон лепного сосуда с плоским налепом на уровне плеч (табл. VI, 22). Вдоль южной внутренней подпорной стены шел слой толщиной в 10—12 см почти из черного перегара со значительным включением древесного угля. В северо-западной части помещения оформлено сооружение из каменного завала в несколько рядов в виде четверти кургана, под которым выявлена небольшая округлая кладка (из 2-х—3-х рядов камня) в форме подковы, концы которой опирались об опорную стену. Площадь внутри кладки равна $1,60 \times 1,30$ м. Ниже, в суглинке выявлены разбросанные кости ребенка пяти-шести лет. К. А. Бредэ определяет северную ориентировку костяка. Автор раскопок связывает с погребением проколки и кремневый «наконечник» копья эпохи энеолита.

К востоку от подковообразной площадки суглинистый грунт был местами сильно обожжен. Изредка встречались и обожженные кости животных. В середине помещения выявлены три ямки диаметром в 13—15 см на разных расстояниях друг от друга.

Вероятно, вход в помещение был проделан в крыше. Такие случаи и поныне встречаются в хозяйственных подсобных сооружениях у народов Дагестана. Воронкообразные ямки и скопление золы вдоль южной стены указывают на культовый характер данного помещения.

Помещение № 2, расположенное южнее первого, отличается неправильной продолговатой формой. (Длина стен: восточной — 3,13 м; западной — 4,81 м, южной — 8,50 м, северной — 9,25 м. Северо-западный и северо-восточный углы близки к прямым, юго-западный и юго-восточный овальны). Помещение № 2 связано с восточным отделением проходом (шириной в 0,60 м), оформленным из крупных камней. У юго-восточного и юго-западного овалов стен (углов) имеются простые очаги.

Восточное отделение комплекса представляет собой довольно правильных форм сооружение, в плане напоминающее прямоугольник с закругленными углами. (Длина стен равна: западная—11,44 м, восточная—10,81—11,87 м, северная—9,31 м, южная—10,75 м). Оно разделено внутренними поперечными стенами (воздвигнутыми, судя по отсутствию связи с наружными фундаментальными стенами, позже стен комплекса) на четыре помещения. Два из них за № 3 и № 4 расположены на северной половине отделения и имеют одинаковые в плане формы: по три прямых угла в сочетании с одним четвертым овальным.

Помещение № 3 имеет стены, равные 3,39 м—северную, 5,06 м—западную и 5,19 м восточную. Расстояние между восточной и западной стеной (вдоль южной обрывающейся проходом стеной)—4 м. Проход, оформленный с южной стороны, имеет 0,75 м ширины. Найден порог с гнездом для стержней двери (табл. VI, 28). В юго-восточном углу выявлен простой открытый очаг.

Помещение № 4 имеет стены длиной по 5,5—южная и северная и 4 м—восточная. В северо-западном углу расчищен очаг овальной в плане формы, размером 1,5×1,0 м, окаймленный камнями. С южной стороны помещения оформлен проход шириной в 0,50 м.

Помещение № 5 почти квадратной формы, размером 5,20×5,30 м, выделяется благодаря остатку внутренней стены, идущей на север от южной основной стены комплекса. Оно имеет прямые углы и проходы во все окружающие его комнаты: во вторую (на западной стороне), третью (на северной стороне) и шестую (на восточной стороне). А в центре расчищен открытого типа очаг, округлой формы, диаметром 1,60 м с каменной вымосткой пода. Вокруг него много золы и угля. Земляной пол сильно обожжен. Здесь же обнаружены два куска железистого шлака.

Помещение № 6 (типа проходного) четырехугольной в плане формы, размером 6,10×4,25 м, расположено в юго-восточной части комплекса. Через него в помещения № 4 и № 5 ведут проходы. С востока в описываемое помещение, тем самым и в сам комплекс оставлен проход шириной 1,0 м. Он оформлен из плоских довольно крупных камней, поставленных на ребра по ширине основания стены. В юго-восточном углу помещения, у дверного проема был очаг размером 0,9×1,1 м, с обожженным каменным подом. Значительный интерес представляют две продолговатые площадки неправильной формы, чуть приподнятые над полом, размерами 0,8×1,2 и 0,8×1,1 м, расположенные у восточной стены помещения. Суглинистая их поверхность обожжена. Бока и южные концы прикрыты большими камнями¹.

¹ В помещении найдены две костяные проколки и костяной наконечник стрелы. Автор раскопок связывает эти находки с 4-тью разрушенного кургана эпохи энеолита.

С северо-западной стороны к комплексу примыкает помещение № 7, трапециевидной формы, с открытой к западу одной стороной. Северо-восточный угол равен 109° , а юго-восточный — 84° .

Отрезки стен не сохранились и лишь западная, общая с комплексом стена имеет 1,5-метровую длину.

Таким образом, комплекс № 5 представляет собой сооружение, состоящее из двух более или менее самостоятельных отделений, воздвигнутых, видимо, одновременно, если судить по характеру кладки и связи между стенами. Помещения изнутри, видимо, делились поперечными и продольными стенами по мере увеличения членов семьи. Следует отметить, что последний комплекс в отличие от второго не имеет овалных ограждений. Очаги указывают на жилой характер помещений № 2, 3 и 4, а открытый костер довольно внушительных размеров в середине 5-го помещения с находкой железистого шлака — на его производственный характер. Приподнятые площадки в шестом помещении со следами огня, видимо, также имели производственное назначение.

На поселении встречена керамика, кости, зернотерки, проколки, камни с наскальными изображениями (табл. V, VI) и остатки железного шлака, который, по мнению специалистов-геологов, является отходом при сыродутной плавке железа.

Акярский могильник

Акярский могильник находится на юго-восточном склоне возвышенности Акяр, омываемой речкой Башлы-чай, в 8 км к востоку от сел. Башлыкент Каякентского района. На поверхности шестидесятиметровой полосы склона виднелись перекрывающие плиты каменных ящиков.

Каменный ящик № 1. Сложен из плохо обработанных плит, поставленных на ребра, по два с каждой продольной стороны и одной с поперечной. По форме он приближается к трапеции. Размеры: $1,55 \times 1,15 - 0,95 \times 0,90$ м. Перекрытие не сохранилось. Ориентировка юго-запад-запад—северо-восток-восток. Захоронение парное.

На глубине 0,9 м от 0 предполагаемого перекрытия, в центре могилы выявлен тлен от костей человека, около них—угольки (табл. VII, 1).

Инвентарь представлен фрагментами керамики, бронзовой овальной пластинкой, бусами и кремневой поделкой. Сосуды очевидно стояли у ног, т. е. у восточной стены, а ожерелье — у головы, в северо-западном углу. (Табл. VII, 2—4, 6, 9).

В могиле найдены ребро коровы и ключица барана.

Каменный ящик № 2. Сложен из тонких плит глинистого песчаника. Форма погребальной камеры слегка приближается к трапеции. Размеры: $1,5 \times 0,8 - 0,9$ м. Ориентация по линии юго-запад-запад—северо-восток-восток. Погребение парное.

На глубине 0,85 м от перекрытия в центре могилы выявлен скорченный на правом боку костяк с руками, согнутыми в локтях так, что кисти лежали у лица. Ориентация: головой на северо-запад-запад. Судя по остаткам тлена, погребенный лежал на подстилке. В области шеи найдены спиральные привески (в семь оборотов) — Табл. VII, 7.

У восточной стенки могилы на гл. — 0,55—0,80 м от перекрытия выявлены остатки другого скелета, от которого сохранился лишь костный тлен и беспорядочно нагроможденные кости. М. И. Пикуль считает, что первоначально погребенный был захоронен в сидячем положении.

Из инвентаря около него выявлены морская просверленная раковина и неспаянное бронзовое колечко (табл. VII, 8).

Около костей найдены угольки.

Каменный ящик № 3 разрушен, но остатки комплекса позволяют считать, что он сложен так же, как и вышеописанные ящики: стенки оформлены из вертикально уложенных на ребра плит (по две — на продольных сторонах и по одной — на поперечных). Ориентировка по линии юго-запад-запад—северо-восток-восток. В плане имеет трапециевидную форму. Размеры: $1,6 \times 1,86$ — $0,90 \times 0,60$ — $0,65$ м.

Содержимое могилы вместе с землей было выброшено при строительных работах. При доисследовании были найдены лишь фрагменты керамики и тлен от костяка. В выброшенной земле были найдены просверленные морские раковины.

Каменный ящик № 4 разрушен. От западной и восточной стен сохранились отдельные вертикально установленные плиты. Несколько мелких плит сохранились и от южной стены. Судя по их отпечаткам и остаткам стен размеры ящика равнялись $1,4 \times 0,65 \times 0,6$ м. Ориентация: северо-запад-запад—юго-восток-восток.

Все содержимое ящика было вынута и выброшено при строительных работах¹.

¹ По отчетным данным М. И. Пикуль.

Мугерганский могильник

Мугерганский могильник расположен в 700 м к северо-востоку от селения Старый Мугерган Магарамкентского района, на слегка всхолмленной равнине, перерезанной глубоким и довольно узким оврагом и огражденной с юга и севера невысокими холмами. В зависимости от силы и обилия потоков дождевых вод овраг расширяется, меняет свои очертания, а в его вертикальных стенках обнажаются могилы. Многие погребения были исследованы из состава таких. С востока на запад могильник тянется на 200 м.

Раскопки могильника производились Южным археологическим отрядом ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР с 1959 по 1963 гг. Результаты работ 1959—1962 гг. освещены в посмертно изданной монографии М. И. Пикуль «Эпоха раннего железа» и ее статье «Мугерганский могильник». Что касается результатов раскопок 1963 года, то они пока остались вне поля зрения исследователей. Безвременная смерть автора раскопок помешала публикации и отчетному освещению результатов исследования. Нами использованы ее дневниковые записи и по ним сделаны попытки охарактеризовать комплексы. Другая полевая документация в фондах ИИЯЛ не хранится.

Погребение № 1 (глуб.—3,48 м от 0). В грунтовой могиле, окруженной кладкой из валунов, выявлен костяк взрослого человека, уложенного скорченно на правом боку с руками перед лицом. Ориентация головой на юго-запад. Форма могилы четырехугольная. На правой руке погребенного обнаружен браслет из круглого бронзового прута с заходящими концами. Около плечевых костей обнаружено шесть экземпляров (по-три на каждой стороне) многовитковых подвесок из круглой в сечении проволоки с обратной петлей, головная булавка со свернутым в спираль навершием, две бронзовые подвески пирамидальной формы с прорезным орнаментом по сторонам и в основании и отверстием для подвешивания сверху, маленькая бронзовая бляшка — пуговица полусферической формы. Справа от таза найдены два фрагмента донца красноглиняного сосуда (из теста с большой примесью шамота)

с заглаженной поверхностью, еще правее — фрагменты красноглиняного сосуда с заглаженной поверхностью, а к востоку — сероглиняная чаша с широким устьем и плавно суживающимся к узкому дну корпусом (поверхность грубо обмазана. Диаметр венчика — 10 см; диаметр дна — 8 см; высота — 6,5 см). На различных участках могилы подобраны обломки сероглиняного горшка с грубо обмазанной поверхностью (диаметр венчика — 20,5 см; диаметр тулова — 27 см; диаметр дна — 11,5 см; высота — 27 см), сероглиняного миниатюрного горшка с плохо заглаженной поверхностью (диаметр венчика — 10,5 см; диаметр дна — 8 см; высота — 8 см), фрагменты ручки черноглиняного лощенного сосуда круглой в сечении формы, обломок ручки красного в изломе цвета с заглаженной поверхностью, четыре фрагмента донца сероглиняного сосуда с заглаженной поверхностью из глины с примесью дресвы, фрагменты венчика сероглиняного заглаженного сосуда буро-серого цвета, фрагмент венчика черноглиняного сосуда с косыми насечками по краю и неглубокими линиями у горловины, фрагменты черноглиняного сосуда с заглаженной поверхностью, на отдельных из которых имеется веревочный орнамент (табл. IX, 2, 11, 12, 20, 21, 23).

У костей человека найдены угольки.

К северу от погребения на валуне найден череп лошади, а под ним — быка.

Погребение № 2. На гл.—3,57 м от 0 выявилась грунтовая могила, обложенная валунами. Судя по сохранившимся нижним конечностям скелета, умерший был захоронен на левом боку в вытянутом положении головой на северо-запад.

Погребальный инвентарь представлен фрагментами черноглиняной залощенной керамики, отдельные из которых были украшены резными линиями, полукруглыми налепами или насечками (одна ручка изображает собаку), бронзовой бляшкой-пуговицей полусферической формы и петлей на обороте, обломком бронзовой трубочки-накосника, бусами из сердолика и пасты (табл. IX, 11, 16, 17, 19, 24, 25).

Около костей найдены угольки.

Погребение № 3 (гл.—3,80 м от 0) разрушено. Под валунами найдены обломки черноглиняного сосуда с хорошо заглаженной наружной поверхностью и заштрихованной внутренней (в изломе трехцветный, украшение из волнистых и косых насечек), челюсть человека, железный стержень, пастовые и сердоликовые бусы и альчик (табл. IX, 26).

Погребение № 4 представляет собой грунтовую могилу, отмеченную на гл.—2,58—2,60 м от 0 камнями и окруженную полукольцом кладки на гл.—3,10—3,12 м от 0. Здесь был детский костяк, от которого сохранились фрагменты бедренной кости, зубы, фаланги пальцев и крыло таза.

Инвентарь представлен обломками донца черноглиняного сосуда с хорошо заглаженной наружной и заштрихованной внутренней поверхностями (в изломе двухцветной) и обломками сероглиняного сосуда, украшенного волнистыми линиями и косыми насечками. Встречен железный стержень, обломок от бронзовой иглы, звенья от бронзовой цепочки, сердоликовые, пастовые и костяные бусы и альчик (табл. IX, 4, 5, 8—10, 18).

От заупокойной пищи осталась челюсть животного.

У костей найдены угольки.

Погребение № 5 представляет собой овальной формы грунтовую могилу с мужским костяком, уложенным в сильно скорченном положении на правом боку головой на северо-восток. Под костяком сохранились остатки от подстилки.

Инвентарь представлен сосудиком, железным наконечником копья (длина—40 см; длина втулки—16 см), четырехгранным бронзовым шилом, заостренным с обеих сторон, звеньями бронзовой цепи (табл. IX, 27, 28).

В могиле найден череп животного.

Погребение № 6. В грунтовой могиле была захоронена женщина, от костяка которой сохранилась только верхняя часть. Судя по положению сохранившихся костей, скелет лежал на спине с легким поворотом на левый бок.

Инвентарь представлен керамикой: донцем небольшого сероглиняного сосуда с заглаженной поверхностью, украшенной резной линией; фрагментами черноглиняных сосудов с заглаженной поверхностью; сероглиняным двуручным горшком, украшенным ромбовидными насечками, тремя горизонтальными и одной волнистой резными линиями—диаметр венчика—15 см, диаметр тулова—22 см, диаметр дна—9 см, высота сосуда—20,5 см; сероглиняным одноручным кувшином с узкой переходящей во вздутое тулово горловиной (диаметр венчика—6,5 см, диаметр дна—7 см, диаметр тулова—12 см, высота сосуда—10,5 см); сероглиняной заглаженной миской, украшенной у венчика резной линией (диаметр венчика—14 см, диаметр тулова—16 см, диаметр дна—8 см, высота сосуда—9 см); венчиком черноглиняного сосуда с косыми насечками по венчику и тулову и мелкой штриховкой по всей поверхности и наконец, фрагментами донцев сероглиняного сосуда.

Около костей скелета, особенно в области груди найдены угольки.

Погребение № 7 (гл.—3,65 м от 0). В грунтовой могиле, размером 0,9×0,5 м, окруженной по кругу выкладкой из валунов и отмеченной вертикально поставленным валуном, найдено парное захоронение.

Череп взрослого человека лежал на правом виске, лицом на запад.

Другой череп, меньшего размера находился чуть южнее первого. Кости скелетов находились вокруг черепов в беспорядочном состоянии.

Инвентарь представлен фрагментами донца и венчика черноглиняного сосуда с заглаженной поверхностью, бронзовым и железным полукольцами.

Около костей найдены угольки.

Погребение № 8 (гл.—3,92—4,0 м от 0). В грунтовой могиле, размером 2,0×0,9 м, ориентированной с севера на юг и обнесенной полукругом из каменной кладки, сохранилась груда костей человека и среди них обломки венчика толстостенного сероглиняного сосуда, украшенного простыми перекрещивающимися насечками по бортику, налепами и насечками по плечу; обломок венчика толстостенного черноглиняного сосуда, украшенного по тулову вертикальными углублениями; обломок донца черноглиняного заглаженного сосуда; обломки толстостенного черноглиняного сосуда, украшенного лепными валиками и косыми насечками и, наконец, обломок круглой ручки черноглиняного сосуда. Здесь же найдены раковина — «каури», бронзовые спиральки и бусы.

Шаракунский могильник

В Шаракунской долине, принадлежащей совхозу им. Герейханова (Касумкентский район), имеются кургановидные возвышения. При исследовании одного из них, расположенного наиболее близко к совхозному поселку (150 м к юго-западу от школьного здания), было установлено, что возвышение является остатком энеолитической стоянки, которая позже была использована для устройства над нею могильника. Причем погребения устраивались в грунте. Наиболее ранние погребения сосредоточены на вершине возвышения, а более поздние — по перифериям. Имеются случаи, когда погребения перекрывают друг друга. Порою погребения располагались группами. Обычно вся юго-восточная часть могильника оставлена свободной от погребений. Там были выявлены остатки жертвенных костров.

Всего на могильнике обследовано 81 грунтовое погребение. Все они относятся к скифскому и албано-сарматскому времени.

Погребение № 1 (глубина — 0,42 м от 0) находилось в овальной грунтовой могиле. Длинной стороной оно ориентировано по линии северо-восток—юго-запад.

От костяка сохранились разрозненные фрагменты лучевой кости и лопатки.

Инвентарь представлен обломками керамического сосуда и альчи-ком. Около костей погребенного найдены угольки.

✓ *Погребение № 2 (глубина — 1,0 м от 0)*, отмеченное сверху небольшим камнем, находилось в грунтовой яме овальной формы, ориентированной по линии юго-запад—северо-восток. Размеры: 1,0×0,95×0,35 м.

От погребенного сохранились отдельные разрозненные кости, лежащие вне анатомического порядка.

Инвентарь представлен фрагментами керамического сосуда и кремниевым вкладышем от серпа. Около костей найден зуб лошади и угольки.

Описание погребений Шаракунского могильника дается по отчетным данным М. И. Пикуль, производившей раскопки на этом памятнике.

Погребение № 3 (гг.— 1,2 м от 0) представляет собой захоронение отдельного черепа в грунтовой яме, перекрытой довольно большой плитой.

Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 4 (гг.— 1,64 м от 0) представляет собой грунтовую могилу (форма не установлена) с женским (лет 25—30) захоронением. Костяк лежал на левом боку в сильно скорченном положении с согнутыми в локтевых сочленениях руками, кисти которых располагались возле лица. Ориентировка западная. В могиле кроме того найдены еще два массивных черепа, принадлежащих мужчинам. Они лежали за спиной и у пяточных костей женского скелета.

Инвентарь представлен глиняной миской, наполненной бараньими костями, а также кувшином, стеклянными, сердоликовыми и бронзовыми бусами, сосредоточенными в области шейных позвонков, бронзовой привеской с заходящими концами, фрагментом бронзовой цепочки, двумя бронзовыми трубочками-накопниками (найжены по обе стороны от черепа) и головной булавкой (табл. XIII, 2, 4, 5, 8, 10, 13, 16, 19, 25, 30, 31, 64).

Около костяка женщины найдены угольки.

На уровне древней поверхности расчищено зольное пятно округлой формы, диаметром 0,60 м.

Погребение № 5 (гг.— 1,96 м от 0). В грунтовой яме овальной формы, ориентированной с юго-запада на северо-восток, перекрытой сверху тремя плитами, найдены разрозненные кости человека и на дне могилы следы от подстилки.

М. И. Пикуль полагает, что погребение в древности было ограблено.

Инвентарь представлен керамическим сосудом с красной поверхностью, бусами и костяной проколкой (табл. XIII, 23, 39).

Возле костей человека найдена челюсть барана, угольки и кусочки мела.

Погребение № 6 (гг.— 1,79 м от 0) представляет собой грунтовую яму с костяком взрослой женщины. Костяк лежал вытянуто на спине и был ориентирован на северо-восток. Левая рука была согнута под прямым углом и лежала на животе, а правая согнута под острым углом.

Инвентарь представлен керамическим кувшином и пряслицем (табл. XII, 8; XIII, 6).

Погребение № 7 (гг.— 0,70 м от 0). В простой грунтовой могиле (разрушенной), судя по остаткам костей, был уложен покойник на спине головой на север со скорченными конечностями. Кисти рук находились возле лица.

Справа от погребенного найден обломок горшка с резко отогнутым венчиком и обмазанной наружной поверхностью.

Погребение № 8 (гл.— 1,46 м от 0) представляет собой остатки разрушенной детской могилы. В грунтовой яме был обнаружен тлен от черепа и остатки челюсти с молочными зубами.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 9 (гл.— 1,56—1,96 м от 0). Под плитами и тремя камнями очищены остатки человеческого скелета в виде разрозненных трубчатых, тазовых и реберных костей. Дно могилы под плитой было обожжено. Остатки костей, следы обжига и плиты вытянуты с юго-запада на северо-восток.

Инвентарь представлен железным стержнем от головной булавки, бронзовой бусиной и обломком керамики (табл. XIII, 65).

В могиле найден и обломок бараньей челюсти.

Погребение № 10 (гл.— 0,93 м от 0) представляет собой грунтовую могилу, отмеченную с восточной стороны вертикально поставленной плитой, со вторичным захоронением: рядом с черепом, положенным лицом к земле и затылком на северо-восток, найдены левая часть таза, нижняя большая берцовая кость и разрозненные части правой руки. Рядом лежала черепная крышка другого черепа.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 11 (гл.— 1,37 м от 0) представляет собой грунтовую могилу, в которой оказались фрагментированной череп, лучевая кость, шейный позвонок, фаланги пальцев и бедренные кости. Кости лежали на подстилке, от которой сохранился тлен зеленоватого цвета.

Инвентарь состоял из керамики, бус, бронзовой умбоновидной подвески, раковины-каури, бронзовых трубочек-наконечников, железной булавы и обломка железного ножа. (Табл. XII, 3; XIII, 30).

Около костей найдены угольки.

Погребение № 12 (гл.— 1,20 м от 0) представляет собой грунтовую могилу, перекрытую горизонтально положенной плитой и отмеченную с восточной стороны вертикально установленным камнем. К югу от него находилась каменная ограда. В могиле оказалось вторичное погребение: здесь были череп, обращенный лицом на юго-запад, позвончики вне анатомического порядка, крестец, плечевая кость, ребра, бедро и т. д.

Возле черепа найден большой сосуд, который распался впоследствии.

Возле костей найдено много угольков.

Над погребенным на гл.— 0,71 м от 0 очищено жертвенное место диаметром около одного метра. На нем найдены три кувшина со сливными носиками и обломок железного браслета (табл. XI, 6, 12).

Погребение № 13 (гл.— 1,10 м от 0) представляет собой продолговатую грунтовую могилу, отмеченную в северо-восточном и юго-западном концах плащмя положенными плитами.

Кости скелета лежали вне анатомического порядка. Место расположения костей вытянуто с юга на север.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 14 (гл.— 1,47 м от 0) представляет собой простую грунтовую могилу с парным захоронением, огражденную с северо-западной стороны четырьмя вертикально установленными валунами.

Первое захоронение принадлежит взрослому, второе — ребенку.

Ребенок лежал скорченно на левом боку головой на запад. Кости руки лежали так, что кисти находились у лица.

У скелета взрослого, оказавшегося женским, анатомический порядок костей нарушен, но они находились в таком порядке, который позволяет допустить, что они перенесены в данную могилу до полного истления телесной оболочки.

Инвентарь представлен пятью керамическими сосудами, обломком керамической очажной подставки, шестью керамическими антропоморфными статуэтками, костяными проколками, пряслищем, амулетом в виде клыка, бронзовыми браслетами, колечками, цепочкой, умбонovidной бляхой, двумя железными булавками с бронзовыми навершиями, бусами, раковиной «каури» и раковиной прикаспийского типа (табл. XI, 2, 3, 26; XII, 8, 13, 17—20; XIII, 6, 8, 10, 17, 20, 24, 32, 34, 65).

У костей встречено много угля. Под одной из плит ограды найден череп и ребро взрослого человека. На том же уровне, что и дно могилы, чуть северо-западнее от погребения найдено пятно от погребального костра.

Погребение № 15 (гл.— 2,47 м от 0). В грунтовой яме найдены кости скелета от вторичного погребения.

Инвентарь представлен фрагментами лощеной керамики и альчиком. Здесь же найдены кости животных, в том числе зубы барана.

С востока к погребению примыкало жертвенное место в виде обмазанной ямы с золой.

Погребение № 16 (гл.— 1,32 м от 0) представляет собой просторную грунтовую яму со скорченным на правом боку костяком, ориентированным на запад.

Около костей найдены угольки. Под костями сохранился тлен от подстилки растительного происхождения. При покойнике обнаружены железный нож (в области пояса), керамический кувшин (у левой голени), пряслице (слева от черепа) и круглый камешек, вероятно пращевый камень. Напротив груди обнаружено несколько семечек винограда (табл. XI, 4; XII, 2, 7).

На уровне древней дневной поверхности к северу от описанного погребения расчищено зольное пятно диаметром 0,40 м.

✓ *Погребение № 17 (гл.— 2,79 м от 0).* В грунтовой могиле, отмечен-

ной с юга вертикально установленным камнем, выявлен скелет ребенка плохой сохранности. Судя по остаткам костей и тлена, ребенок был захоронен головой на северо-восток.

Инвентарь представлен обломками керамики и бусиной (табл. XIII, 23).

Погребение № 18 (гл.— 0,50 м от 0) представляет собой захоронение отдельного черепа в грунтовой могиле, возле которого была поставлена миска (табл. XI, 27).

Погребение № 19 (гл.— 1,63 м от 0) представляет собой грунтовую яму с захоронением одного черепа, положенного на левый висок. Погребение с юга отмечено камнем.

Инвентарь представлен шаровидным горшком, кувшином с четырехлепестковым устьем и ручкой-сосочкой, миской небольших размеров и чашечкой (в миске) — табл. XI, 3, 5, 30.

Погребение № 20 (гл.— 2,30 м от 0) представляет собой грунтовую могилу, перекрытую сверху двумя плитами. Форма овальная, вытянутая с юго-запада на северо-восток. В могиле оказалось вторичное захоронение. От костяка погребенного сохранились череп и отдельные разрозненные кости.

Инвентарь представлен керамическим кувшином и бронзовыми бусами (табл. XI, 2; XIII, 25).

В могиле найдены и кости животных.

✓ *Погребение № 21 (гл.— 1,68 м от 0)* представляет собой грунтовую могилу с разрозненными костями и костным тленом.

Около костей найдены обломок керамики, пастовые и позолоченные бусы, каменный амулет в виде плоскоцилиндрической бусины, керамическое пряслице и подставка (табл. XIII, 16, 35).

Чуть севернее от этого погребения на гл.— 0,8 м от 0 найдено зольное пятно диаметром 0,32 м и толщиной 0,20 м.

Погребение № 22 найдено под погребением № 21. Оно так же, как и остальные погребения, находилось в грунтовой яме.

Костяк представлен лишь одним черепом, лежащим на левом виске.

Около черепа обнаружено множество бус из стекла, пасты и гагата, а к востоку — керамика и фрагмент глиняной подставки (табл. XIII, 16, 22, 29, 35).

Погребение № 23 (гл.— 1,79 м от 0). В грунтовой могиле в форме вытянутого прямоугольника размером $2,15 \times 0,60 - 0,85 \times 0,4$ м, перекрытой сверху поперечно уложенными плитами и ориентированной с северо-запада на юго-восток, найдены кости двух скелетов. Они сосредоточены в противоположных концах могилы. Оба вторичного погребения.

Кости, найденные на юго-восточном конце, принадлежали женщине, а на северо-западном — мужчине. У скелетов отдельные кости отсутствуют.

М. И. Пикуль утверждает, что мужской костяк был перенесен сюда еще до полного истления телесной оболочки. С этим костяком связаны сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы, фрагмент железного черешкового наконечника стрелы, бронзовая цепочка для подвешивания и пунсонным орнаментом на поверхности, бронзовое навершие в виде полого шарика, надетого на тонкий стержень, а также обломок железного ножа. С женским костяком связаны три поставленные в один ряд сосуда (табл. XI, 13, 15, 29; XII, 6, 11; XIII, 7, 20, 23, 40).

Вокруг костей найдены угольки. В могиле встречены также зерна пшеницы.

Погребение № 24 (гг.— 1,20 м от 0) представляет собой разрушенное погребение взрослого человека, остатки костей которого сосредоточены вокруг двух камней. Среди этих костей найдены обломки керамических сосудов и глиняной подставки.

Над этим погребением найдено зольное пятно от погребального костра диаметром 0,20 м и толщиной 0,1 м.

Погребение № 25 (гг.— 1,60 м от 0). В прямоугольной грунтовой яме, размером 1,7×0,63×0,3 м, ориентированной по линии север—юг, найдены плохо сохранившиеся кости ребенка.

Инвентарь представлен керамикой, железным черенком ножа, бронзовым колечком, бусами и клыком кабана (табл. XIII, 23).

У костей найдены угольки.

Погребение № 26 (гг.— 2,25 м от 0). В узкой грунтовой могиле прямоугольной формы, размером 2,05×0,55—0,60×0,30 м, на спине с легким поворотом на правый бок с согнутыми конечностями, головой на северо-восток лежал мужской костяк.

Около погребенного найдены керамический кувшин, бронзовая скобочка, оселок и железный нож (у левого плеча) — табл. XI, 3.

По всему дну могилы найдены угольки.

Погребение № 27 (гг.— 0,62 м от 0 м) представляет собой узкую грунтовую могилу, ориентированную с северо-востока на юго-запад, с костяком, лежащим на правом боку со слабо скорченными конечностями. Могилка была в древности ограблена: отдельные кости выброшены, а некоторые сдвинуты с места.

В ногах погребенного стояла миска и челюсть барана.

Чуть западнее погребения на гг.— 0,52 м от 0 найдены следы погребального костра в виде зольного пятна, диаметром 0,32 м.

Погребение № 28 (гг.— 0,65 м от 0). В грунтовой могиле на правом боку в сильно скорченном положении лежал костяк, ориентированный на запад. Судя по сохранившимся остаткам кисти согнутых рук лежали напротив лица.

Инвентарь состоял из железного ножа (возле левой голени), бус (у челюсти) и кувшина (за спиной) — табл. XI, 4; XII, 3; XIII, 6.

Над могилой на гл.— 0,56 м от 0 найден погребальный костер в виде зольного пятна диаметром 0,30 м и толщиной 0,05 м.

Погребение № 29 (гл.— 1,79 м от 0). В грунтовой могиле найден череп, лежащий на левом боку и обращенный лицом на запад, а также разрозненные ребра, обломки бедренных костей. Возле черепа найден обломок керамики.

Погребение № 30 (гл.— 1,2 м от 0). В грунтовой могиле, отмеченной с юга тремя валунами, найден частично потревоженный костяк взрослого мужчины. Он лежал скорченно на правом боку. Кисти согнутых рук находились напротив лица. Ориентация юго-западная. На полу могилы найдены остатки подстилки.

Около черепа найдены горшок с ямочным узором и кувшин со сливным носиком, а в области груди — бусы, у таза — железный наконечник копья (табл. XI, 10, 20; XIII, 3).

Погребения №№ 31 и 32. Первое частично перекрывает второе, залегавшее на глубине — 1,04 м от 0.

Погребение № 32 представляет собой грунтовую могилу со скорченным на правом боку костяком, ориентированным головой на юго-запад. Правая рука протянута наискосок так, что кисть касалась верхней части бедра, а левая согнута в локтевом сочленении.

В ногах погребенного найдена миска (табл. XI, 28) и височная привеска.

Около костей много угольков.

Погребение № 31 представлено грунтовой могилой с разрозненными остатками костяка подростка.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 33 (гл.— 0,93 м от 0) представляет собой остатки разрушенной грунтовой могилы, в которой сохранились разрозненные кости человека, фрагменты керамики и два шаровидных пращевых камня. М. И. Пиккуль считает, что здесь вторичное захоронение. Этому мнению противоречит сохранение в западной части раскопа одной лишь плиты от системы перекрытия и расположение костей за пределами этой плиты в направлении юго-запад—северо-восток.

Погребение № 34 (гл.— 1,79 м от 0) представляет собой вторичное захоронение ребенка в грунтовой могиле. Рядом с костями найден кувшин со сливным носиком и баночный сосуд с угольками внутри (табл. XI, 12).

✓ *Погребение № 35 (гл.— 1,37 м от 0)* принадлежало женщине. В простой грунтовой могиле найден скелет на правом боку в скорченном положении головой на северо-запад. Нижние конечности скелета не сохранились, руки сильно согнуты и прижаты к груди так, что кисти находились возле лица.

Инвентарь представлен керамическим кувшином, поставленным напротив лобной части черепа, и фрагментами других сосудов (табл. XI, 6, 11).

У костей на дне могилы найдены угольки.

Погребение № 36 (глубина — 1,9 м от 0) представляет собой грунтовую могилу с плохо сохранившимся костяком (к тому же с нарушенным анатомическим порядком). М. И. Пикуль полагает, что покойник был погребен на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад.

Около костей встречены фрагменты керамики и бусы (табл. XIII, 8, 23, 25, 36).

Погребение № 37 (глубина — 1,41 м от 0). В узкой грунтовой могиле в форме вытянутого прямоугольника с закругленными поперечными сторонами (размер: $2 \times 0,53$ — $0,58 \times 0,60$ м) на спине с небольшим поворотом на правый бок лежал костяк, обращенный головой на запад. Правая рука его сильно согнута и лежала поперек груди, левая уложена поперек живота.

Около шейных позвонков найдены бусины, у лопатки железная втулка наконечника копья, у изголовья — сосуд (табл. XI, 8; XII, 22; XIII, 17, 23).

У костей найдены угольки и кусочек мела.

Погребение № 38 (глубина — 1,38 м от 0). В четырехугольной грунтовой могиле, перекрытой каменными плитами и ориентированной по линии северо-северо-запад—юго-юго-восток, найдены остатки разрозненных костей человека.

Около костей найдены обломки керамики.

Погребение № 39 (глубина — 0,84 м от 0) представляет собой грунтовую могилу со вторичными захоронениями двух взрослых.

Инвентарь представлен обломками керамики, бронзовым колечком и бусами (табл. XIII, 15, 25).

Погребение № 40 (глубина — 0,6—0,7 м от 0) представляет собой грунтовую могилу, перекрытую сверху каменными плитами, со вторичным захоронением. Костяк состоит из обломков черепа, плечевой кости и нескольких ребер. Вместе с костями найдены кувшин, бусина (табл. XIII, 16) и обломок медной пластинки. Здесь же были угольки и кусочки мела.

Погребение № 41 (глубина — 1,26 м от 0) представляет собой грунтовую могилу со вторичным захоронением. Из костей найден череп, лежащий на левом виске лицом к востоку, и бедро.

Инвентарь состоит из бронзовой цепочки, спиралек-накосников, бус (из стекла, сердолика, мрамора и бронзы) и раковины-каури (табл. XIII, 3, 8, 10, 19, 32, 38, 62).

Погребение № 42 (гл.— 1,24 м от 0). В грунтовой могиле выявлен костяк в скорченном на левом боку положении головой на запад (конечности не сохранились).

Инвентарь представлен лишь обломком керамики.

По мнению М. И. Пикуль, погребение ограблено.

Погребение № 43 (гл.— 0,85 м от 0) представляет собой грунтовую могилу с мужским костяком, лежащим ничком в вытянутом положении, головой на запад.

За спиной погребенного найдены обломки керамики.

Погребение № 44 (гл.— 1,15 м от 0) представляет собой грунтовую могилу со вторичным захоронением. Из костей найдены крыло таза, лучевая и локтевая кости, несколько позвонков и фаланги пальцев ноги.

Инвентарь состоит из единственного обломка керамики.

Погребение № 45 (гл.— 1,19 м от 0) представляет собой грунтовую яму с черепом и бедренной костью. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 46 (гл.— 1,37 м от 0). В овальной яме размером 1,15×0,58 м, вытянутой с севера на юг и заключенной в каменную ограду, находилось вторичное захоронение подростка. От скелета сохранились череп, лежащий на правом виске, части верхней половины туловища, таз и фаланги пальцев ног, лежащие вне всякого анатомического порядка.

Инвентарь состоит из одних лишь обломков керамики.

Погребение № 47 (гл.— 0,87 м от 0) представляет собой грунтовую могилу со вторичным захоронением. Из скелета имеется череп, уложенный затылком на юг, плечевая кость, бедро, пяточные кости, позвонки и около них обломки керамики.

Чуть севернее костей погребенного найдена баранья челюсть, а в некоторых местах — кусочки обожженной глины.

Погребение № 48 (гл.— 1,30 м от 0). В прямоугольной грунтовой могиле с закругленными поперечными сторонами (размеры прослеживаемой части — 1,4×0,6×0,25 м), перекрытой сверху песчаниковыми плитами, найдены остатки костяка (могила ограблена), которые позволяют считать, что покойник был уложен скорченно на правом боку головой на юг.

В ногах найден кувшин с четырехлепестковым венчиком, головные булавки с просверленными стержнями, бронзовое колечко и бусина (табл. XI, II; XIII, 4, 66, 67, 39).

Погребение № 49 (гл.— 1,42 м от 0). В простой грунтовой могиле ничком, головой на запад лежал костяк взрослой женщины. Обе руки ее были подняты кистями вверх, а бедренные кости расставлены по сторонам. Голова лежала на правом боку.

Около шейных позвонков найдены пастовые бородавчатые бусы (табл. XIII, 32).

Погребение № 50 (гл.— 1,80 м от 0). В простой грунтовой могиле найден череп, положенный затылком на северо-запад и левая бедренная кость: захоронение вторичное.

Вещей не было.

Погребение № 51 (гл.— 1,28 м от 0). В грунтовой могиле найден череп, обращенный лицом на северо-восток, один позвоночник и обломок локтевой кости.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 52 (гл.— 1,86 м от 0) представляет собой остатки разрушенной грунтовой могилы. Разрозненные кости скелета вытянуты с севера на юг. Здесь найдены также обломки керамики, куски обожженной глины и угольки.

Погребение № 53 (гл.— 1,40 м от 0) представляет собой грунтовую яму с грудой человеческих костей. М. И. Пиккуль полагает, что это было вторичное захоронение.

Инвентарь представлен одним керамическим сосудом (табл. XI, 29).

✓ *Погребение № 54 (гл.— 1,55 м от 0).* В грунтовой могиле был положен покойник на спину с сильно скорченными конечностями. Правая рука его покоилась на бедре. *орисный на сз*

В могиле найдена боковая часть сосуда.

Среди костей человека встречена челюсть барана.

Погребение № 55 (гл.— 1,15 м от 0). Грунтовая могила в форме вытянутого прямоугольника с закругленными поперечными сторонами, размером $1,78 \times 0,55 - 0,40 \times 0,40$ м, ориентированная по линии юго-запад—северо-восток, была перекрыта четырьмя плитами с далеко выступающими краями. В могиле сохранились бедренные и большие берцовые кости, лежащие по обе стороны от тазовой кости.

Инвентарь представлен обломком орнаментированной миски и бронзовой булавкой с завернутым в кольцо навершием (табл. XIII, 64).

К северо-западу от погребения на уровне древней дневной поверхности расчищено зольное пятно овальной формы.

✓ *Погребение № 56 (гл.— 1,71 м от 0)* представляет собой остатки разрушенной могилы с разбросанными остатками костей скелета. Около костей найдены обломки керамики.

Погребение № 57 (гл.— 1,75 м от 0). В грунтовой могиле найдены кости взрослого человека и ребенка грудного возраста.

Кости обоих потревожены, но они в какой-то степени обособлены.

Около детского костяка найдены обломки керамики, бусина и раковина «каури» (табл. XIII, 15, 23). Около костяка взрослого встречен горшок с биконическим туловом и сливным носиком, колечко и кусок обожженной глины (табл. XI, 22; XIII, 5).

В самом нижнем конце могилы лежал кувшин со вздутым туловом, цилиндрической шейкой и воронкообразным устьем (табл. XI, 14).

Погребение № 57 залегало под погребением № 40 34

Погребение № 58 (гл.— 1,84 м от 0) представляет собой грунтовую могилу со скорченным на правом боку костяком подростка, ориентированным головой на запад.

Инвентарь состоит из двух кувшинов, один из которых имеет сливной носик, другой — четырехлепестковый венчик и ручку-сосочку, а также бус из стекла и бронзы (табл. XI, 5, 6; XIII, 10, 19, 23, 32).

При погребенном найдены три отдельных черепа людей и кусок обожженной глины.

Погребение № 59 (гл.— 1,18—1,27 м от 0) залегало под погребением № 43. В грунтовой могиле, отмеченной сверху камнем, найдены беспорядочно разбросанные кости человека и вместе с ними обломок миски, костяное ложило и альчик.

Погребение № 60 (гл.— 1,54 м от 0). В разрушенной грунтовой могиле найдены разрозненные кости скелета и среди них (табл. XIII, 16) бусы и железная игла. М. И. Пикуль полагает, что здесь скорченное на левом боку погребение, ориентированное головой на север.

Погребение № 61 (гл.— 1,61 м от 0). В прямоугольной грунтовой могиле, размером 1,80×0,62×0,35 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток, оказались кости старого мужчины и ребенка, залегавшие на разных глубинах.

На самом дне могилы, вдоль ее юго-восточной стенки лежал костяк ребенка, от которого сохранилась лишь верхняя часть. М. И. Пикуль указывает, что ребенок лежал на спине.

Кости старого человека находились несколько выше детских. Положение костяка было скорченное на правом боку, кисти согнутых рук находились возле лица.

Около ребенка найдены бусы (возле шейных позвонков), бронзовая трубочка (около руки), обмазанный глиняный горшок и кувшин (в ногах) — табл. XI, 2, 24; XIII, 22, 31. Возле костяка старика найдены два сосуда (установлены за спиной), втулка от железного наконечника копья, целый железный наконечник копья с загнутым пером (справа от голени) и бронзовое колечко (около коленной чаши) — табл. XI, 13, 29; XII, 23.

В ногах найдены кости жертвенного животного.

Погребение № 62 (гл.— 2,24 м от 0) представляет собой захоронение черепа, локтевых и лучевых костей рук в грунтовой яме. У затылка черепа стояли два сосуда, а около нижней челюсти найдены сердоликовые бусы (табл. XI, 10, 1; XIII, 3).

Погребение № 63 (гл.— 2,08 м от 0). В овальной грунтовой яме, размером 2×1,30×0,47 м, ориентированной по линии запад—восток,

найлены разрозненные кости человека. Череп лежал на восточном конце могилы на затылке.

Инвентарь представлен фрагментами сероглиняного сосуда, бронзовым височным колечком, раковиной—«каури» и рукояткой ножа (табл. XI, 17).

У черепа установлен камень правильной формы и на нем кость барана. На дне могилы найдены угольки.

Погребение № 64 и 65 (гл.— 2,08 м от 0). Кости ребенка и взрослого найдены поблизости друг от друга. Они лежали в грунтовых могилах. Скелет ребенка (погр. № 64) лежал на спине головой на запад. При нем найден амулет в виде клыка, бусы и три сосуда (табл. XI, 29; XII, 22, 29). Скелет взрослого в очень плохой сохранности. Судя по остаткам бедренных, берцовых костей, тазу и черепу погребенный (№ 65, гл.— 2,0 м от 0) был уложен на правом боку с согнутыми конечностями, головой на юг. В области груди у него найдены стеклянные бусы, слева от черепа — лепной кувшин, у бедренных костей — преднамеренно сломанный наконечник копья (табл. XI, 1; XII, 21, 22).

Погребение № 66 (гл.— 1,60 м от 0) представляет собой грунтовую могилу со вторичным захоронением: кости свалены в кучу. Около них найдены фрагменты нижней части сосуда, обожженная глина, бусы и остатки распавшегося браслета.

Погребение № 67 (гл.— 0,86—0,90 м от 0). В овальной грунтовой могиле, размером 1,20×0,9 м, перекрытой плитами и валунами, найдены плохо сохранившиеся кости разрозненного скелета человека и вместе с ним черенок железного ножа (табл. XII, 5).

Погребение № 68 (гл.— 1,8 м от 0) найдено в центре могильника. В грунтовой могиле, размером примерно 1,5×0,45 м, с закругленными поперечными сторонами найден костяк подростка, анатомический порядок которого нарушен грызунами. Сохранился череп, по обе стороны которого лежали обе лопатки, лучевая кость и фаланги пальцев.

Инвентарь представлен наконечником в виде гладкой неспянной бронзовой трубочки, спиральной бронзовой пронизкой, четырьмя стеклянными бусами с прослойкой фольги, фрагментом чернолощеной керамики из хорошо вымешанной глины, обломком сосуда с заглаженной поверхностью (табл. XI, 1; XII, 21, 22).

Погребение № 69 (гл.— 2,30 м от 0). В каменном ящике, воздвигнутом из плит и уплощенных валунов, ориентированном по линии северо-запад—юго-восток и размером 1,7×1,15 м, найдены остатки костей скелета, нарушенного грабителями. Кости находились за северной стеной и над нею.

Инвентарь представлен серолощеном кувшином, фрагментами чернолощеной керамики (на коричневой подкладке) — кувшина,

лепного сосуда с наружной обмазкой (жидкой глины) и альчиком (табл. XI, 18).

К юго-западу от могилы на уровне древней поверхности расчищено зольное пятно диаметром 0,23 м.

Погребение № 70 (гл.— 2,04 м от 0) представляет собой грунтовую могилу с костяком ничком, головой на юг.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 71 (гл.— 1,60 м от 0) представляет собой грунтовую могилу с парным частичным захоронением.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 72 (гл.— 3,10 м от 0) представляет собой грунтовую могилу со вторичным (женским) захоронением.

Инвентарь: железная булавка со свернутым в круг навершием, два кувшина (один из них поильник, другой со сливным носиком) и раковина — «каури» (табл. XI, 9, 16).

Погребение № 73 (гл.— 2,55 м от 0) представляет собой грунтовую могилу с частичным захоронением.

Инвентарь состоит из биконических и короткоцилиндрических пастовых бус, бронзовых полуколец и керамики. Керамика представлена чернолощенным кувшином с округлым туловом и высоким узким горлышком (горлышко и плечики сосуда украшены двумя опоясывающими налепными валиками, нижний имеет на себе косые насечки. Под ними идет опоясывающая волнистая резная линия. На дне сосуда имеется изображение четырех радиально расходящихся из одной точки деревьев) и обломками сосуда с выпуклыми боками и отогнутым наружу венчиком, на котором имеются насечки (табл. XI, 19; XIII, 11, 47, 56, 57).

Севернее погребения найдено жертвенное место. Здесь же найден миниатюрный баночный сосуд с выпуклыми боками, отогнутым венчиком и маленьким дном (табл. XI, 23).

Погребение № 74 (гл.— 2,57 м от 0). В грунтовой могиле захоронена женщина. Костяк лежал на спине в скорченном положении, головой на северо-запад. Правая рука согнута и лежит поперек груди, а левая также согнута и кистью направлена к подбородку.

Инвентарь представлен колокольчиком, украшенным прорезным орнаментом, лунницей с загнутыми в круги концами и геометрическим орнаментом на поверхности, бронзовой бляхой, двумя бронзовыми колечками с заходящими и разомкнутыми концами (найлены на фалангах пальцев) и бусами из сердолика, стекла с прослойкой из фольги, кости и пасты (глазчатые) — табл. XII, 12, 13; XIII, 32, 43, 44, 48, 49, 50, 51, 54, 61.

К западу от могилы на уровне древней поверхности сохранилось зольное пятно от погребального костра.

Погребение № 75 (г. — 2,50 м от 0). В грунтовой могиле вытянуто на спине с сомкнутыми пятками лежал костяк пожилого мужчины, ориентированный головой на северо-запад. Левая рука его слегка согнута и протянута вдоль туловища, а кисть покоится на костях таза. Правая рука, сильно согнутая в локтевом сочленении, лежала поперек груди.

Инвентарь: вдоль туловища положены два железных втульчатых наконечника копий с остролистными перьями, резко переходящими во втулку, длинный нож с черенком и изогнутой спинкой, перстень из бронзовой проволоки с неспаянными концами, бронзовые колечки-скобочки (11 штук), сероглиняный баночный сосуд с обмазанной наружной поверхностью и фрагмент сероглиняной керамики. В области груди погребенного встречены семечки винограда (табл. XI, 29; XII, 24, 25; XIII, 57).

Около костей найдены угольки. К особенностям погребального обряда следует отнести и обряд порчи наконечников копий (перья копий были преднамеренно согнуты или сломаны)•

Погребение № 76 (г. — 1,72 м от 0). В грунтовой могиле формы вытянутого прямоугольника, размером $1,18 \times 0,35 \times 0,35$ м, перекрытой плитами и ориентированной по линии север-юг, найдены отдельные разрозненные кости человека. Могила ограблена.

От инвентаря сохранились фрагменты серолощенного сосуда и стеклянная позолоченная бусина.

Погребение № 77 (г. — 2,42 м от 0). В грунтовой могиле, отмеченной сверху отдельными камнями, размером $2,0 \times 0,75 - 0,60 \times 0,66$ м, имеющей форму вытянутого четырехугольника, найдены костяки женщины и ребенка. Дно могилы, несколько покатое к изголовью, тщательно утрамбовано и посыпано мелом.

Скелеты плохой сохранности. Женщина была положена на левый бок с сильно согнутыми конечностями и головой на юго-восток. Костяк ребенка грудного возраста лежал у южной продольной стены могилы. У костей обоих погребенных были угольки.

С женским костяком можно связать кувшин с приземистым округлым туловом и темно-серой лощеной поверхностью (табл. XI, 6) и костяную проколку. Около ребенка найдены фрагменты чернолощеного кувшина с волнистым резным узором, венчик чернолощеной миски с загнутым во внутрь устьем, обломки красноглиняного горшка с залощенной поверхностью, бусы из сердолика, бронзы, пасты, стекла с позлотой (30 шт.), железная булавка со свернутым навершием и обрывки тонкой бронзовой цепочки (табл. XIII, 40, 44, 48, 49, 57, 59).

Погребение № 78 (г. — 2,10 м от 0) представляет собой грунтовую могилу с остатками человеческого скелета. Судя по частям голенной,

пяточной костей, фалангам пальцев, здесь был захоронен мужчина в вытянутом положении головой на юг.

Сопутствующий инвентарь представлен фрагментами керамики.

Погребение № 79 (гг.— 3,67 м от 0). В узкой грунтовой могиле размером $1,7 \times 0,62$ — $0,5$ м, в форме вытянутого четырехугольника, найден костяк молодого мужчины (лет 20—25), уложенный скорченно на правом боку, головой на запад. Кисти его рук были перед лицом. Скелет лежал на подстилке растительного происхождения.

Инвентарь представлен железным ножичком с небольшим черенком, чернолощеном кувшином, ручка которого сверху отмечена двумя семечковидными вдавливаниями, и обломками чернолощеной керамики (табл. XI, 18; XII, 5).

Погребение № 80 (гг.— 2,38 м от 0) представляет собой грунтовую могилу с частичным женским погребением. Около костей найдены шаровидная стеклянная бусина с прослойкой фольги и обломки чернолощеного кувшина (табл. XXV, 49).

Погребение № 81 (гг.— 2,0 м от 0). Грунтовая могила в форме вытянутого четырехугольника, размером $1,85 \times 0,70$ м, ориентирована по линии северо-запад—юго-восток. Следы человеческих костей и инвентарь отсутствуют.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Сводная таблица погребений Мугерганского могильника.

№№ погребений	Грунтовые ямы	Овальная форма	Размеры могилы	1 ярус		2 ярус		толщина слоя между погр. и завал.	глубина	Обкладка	Отметка валуном	Ориентировка	Положение костяка			вытянуто	Пол и возраст						
				2 ярус	толщина слоя между погр. и завал.	глубина	Обкладка						Отметка валуном	Ориентировка	Положение костяка			вытянуто	М	Ж	Д	П	
															на левом боку		на правом боку						на спине
1/1959	+	+	1,3×1,2	+	—	0,3	—3,5					З-В	+				+						
2/1959	+	+	1,7×1,1	—	—	0,25	—3,0					СЗ-ЮВ					+						
3/1959	+	+	1,7×1,1							+		СЗ-ЮВ	+										
1/1961	+	+										СЗ-ЮВ											
2/1961	+	+	1×0,35	+	—		—3,95			—		СЗ-ЮВ											
3/1961	+	+		+	—		—4,2					СЗ-ЮВ											
4/1961	+	+		+	—		—3,84			+		СЗ-ЮВ											
5/1961	+	+		+	—							СЗ-ЮВ											
6/1961	+	+		+	—							СЗ-ЮВ											
7/1961	+	+	2,1×1,1	+	—	0,10						СЗ-ЮВ					+						
8/1961	+	+		+	—							СЗ-ЮВ											
9/1961	+	+	1,3×0,6	+	—		—0,3—0,4			+		СЗ-ЮВ											
10/1962	+	+					+3,4			+		СЗ-ЮВ											
11/1962	+	+	2,0×0,9				2,4			+		СЗ-ЮВ											
12/1962	+	+					—2,56			+		СЗ-ЮВ											
13/1962	+	+					—3,3			+		СЗ-ЮВ											
14/1962	+	+		+	—		—1,28			+		СЗ-ЮВ											
15/1962	+	+		+	—		—2,15			+		СЗ-ЮВ											
16/1962	+	+	1,1×1,0	+	—	0,25				+		СЗ-ЮВ											
17/1962	+	+	2,05×0,75	+	—					+		СЗ-ЮВ											
1/1963	+	+								+		СЗ-ЮВ											
2/1963	+	+					—3,48			+		СЗ-ЮВ											
3/1963	+	+					—3,57			+		СЗ-ЮВ											
4/1963	+	+					—3,80			+		СЗ-ЮВ											
5/1963	+	+					3,10			+		СЗ-ЮВ											
6/1963	+	+					—2,58			+		СЗ-ЮВ											
7/1963	+	+								+		СЗ-ЮВ											
8/1963	+	+	0,90×0,50 2,0×0,90				—3,65 —3,92			+		СЗ-ЮВ С-Ю											

Приложение № 5

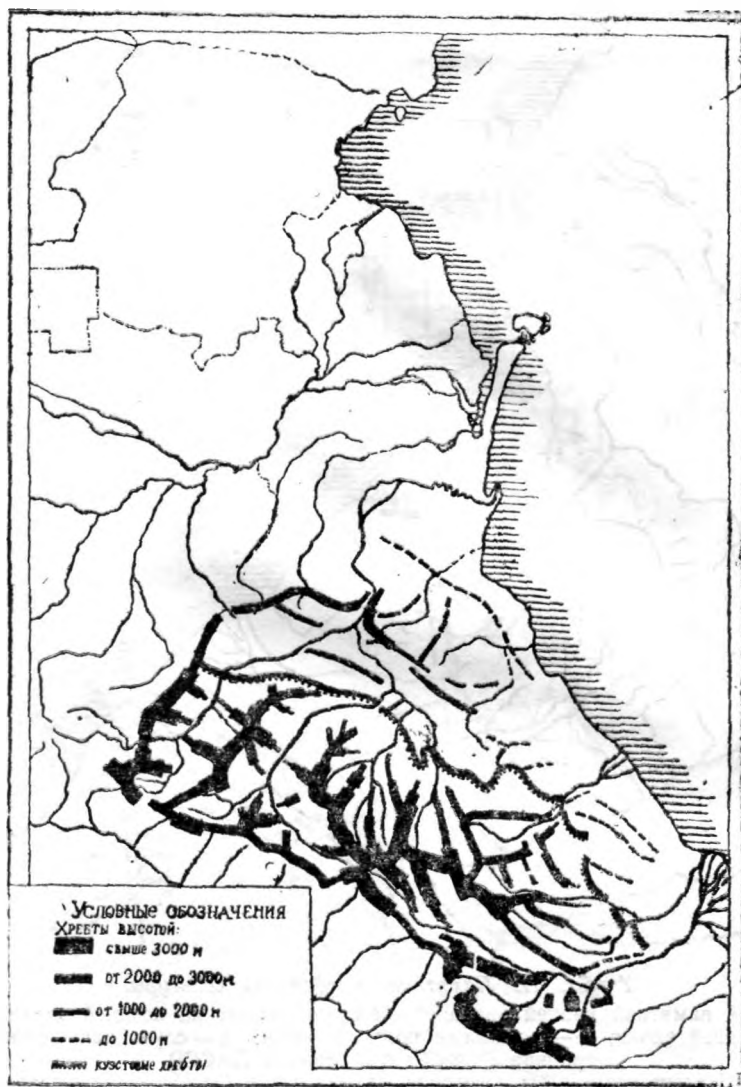
[illegible]

Сводная таблица погребений Акярского могильника.

№№ погребений	Каменный ящик	Трапециевидная форма	Размер ящика в плане (в м)	Высота ящика в м	Ориентировка костяка	Положение костяка	Пол и возраст погребенного	Кости животных	Угольки у костей
1.	+	+	2,0×1,55 (1,0) ¹	0,90	ЮЗЗ—СВВ	—	—	корова, баран	++
2.	+	+	1,5×0,8 (0,9)	0,85	ЮЗЗ—СВВ	Скорч. на прав. боку, руки перед лицом. Груда костей другого погребенного у короткой стены.		+	Под основным костяком подстилка.
3.	+	+	1,60×0,86 (0,90)	0,60	ЮЗЗ—СВВ	—			
4.	+	+	1,4 (1,10)×0,65	0,60	ЮЗЗ—СВВ				

¹ Размер погр. № 1 дан по наружным измерениям, а у остальных по внутренним.

ТАБЛИЦЫ

Т а б л. 1. Орографическая карта Дагестана.

Табл. II. Памятники зандакской культуры.

а — бытовой памятник ранней эпохи; б — бытовой памятник поздней эпохи; в — могильник ранней эпохи; г — могильник поздней эпохи; д — случайная находка; ж — граница РСФСР; з — граница ДАССР.

Городище Шахсенгерское (20); поселения Ялхоймохское (3), Замниюртовское и Цонтароевское горное (11), Эрсен-Кортовское (13), Нижнесигитминское (25); могильники Галайтинский (1), Мескетинский (2), Ялхой-Мохский 1 и 2 (4), Гуннийский (5), Гордалинский (6), Ножай-юртовский 1 (7), Ямансуйский (8), Балансуйский (9), 2 Присулакский (10), Зандакский (12), Хаттуинский (14), Ца-Веденский (15), Веденский (16), Бети-Мохские 1—3 (17), Курен-беноевский (18), Гендергеновский (19), Шахсенгерский (20), Акярский (21), Кулинский (22); находки из Кубинского района (23) и Апшерона (24) АзССР.

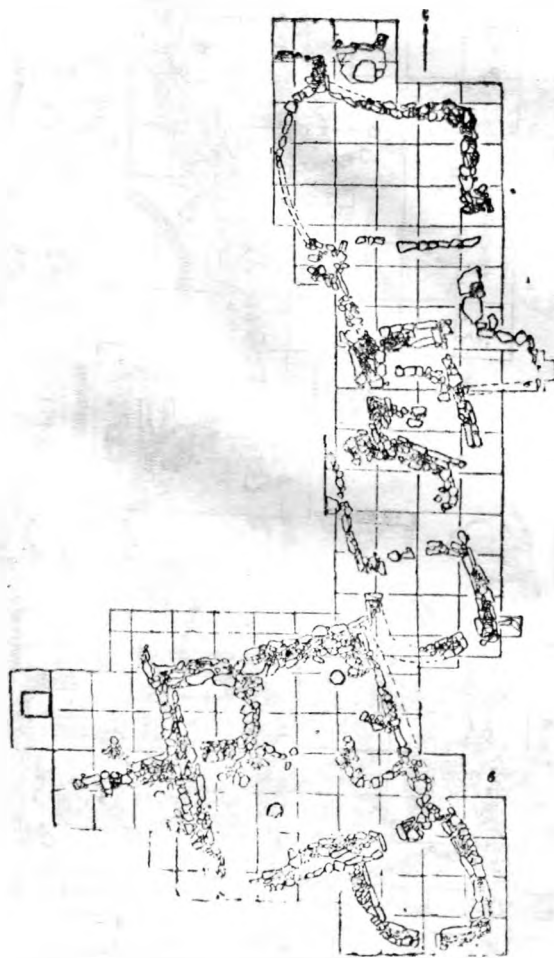

Табл. III. Жилые комплексы Нижнесигитминского поселения.
 а — комплекс 1, б — комплекс 2, в — комплекс 3.

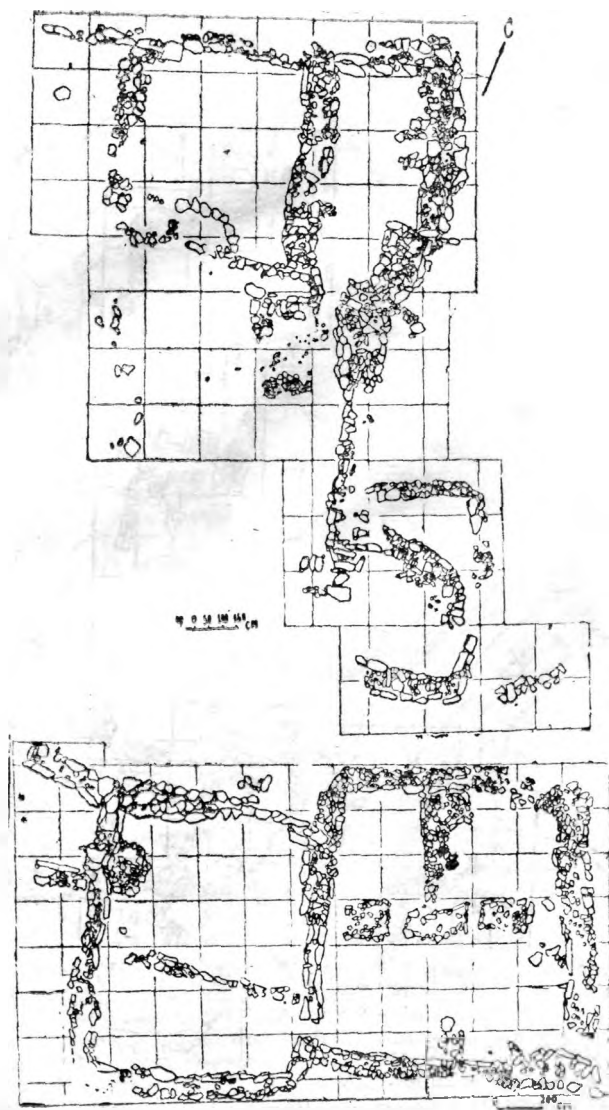

Табл. IV. Жилые комплексы Нижнесигитминского поселения.
 а — комплекс 4, б — отрезки стен из других слоев около
 четвертого комплекса, в — комплекс 5.

Табл. V. Керамика с Нижнесигитминского поселения.

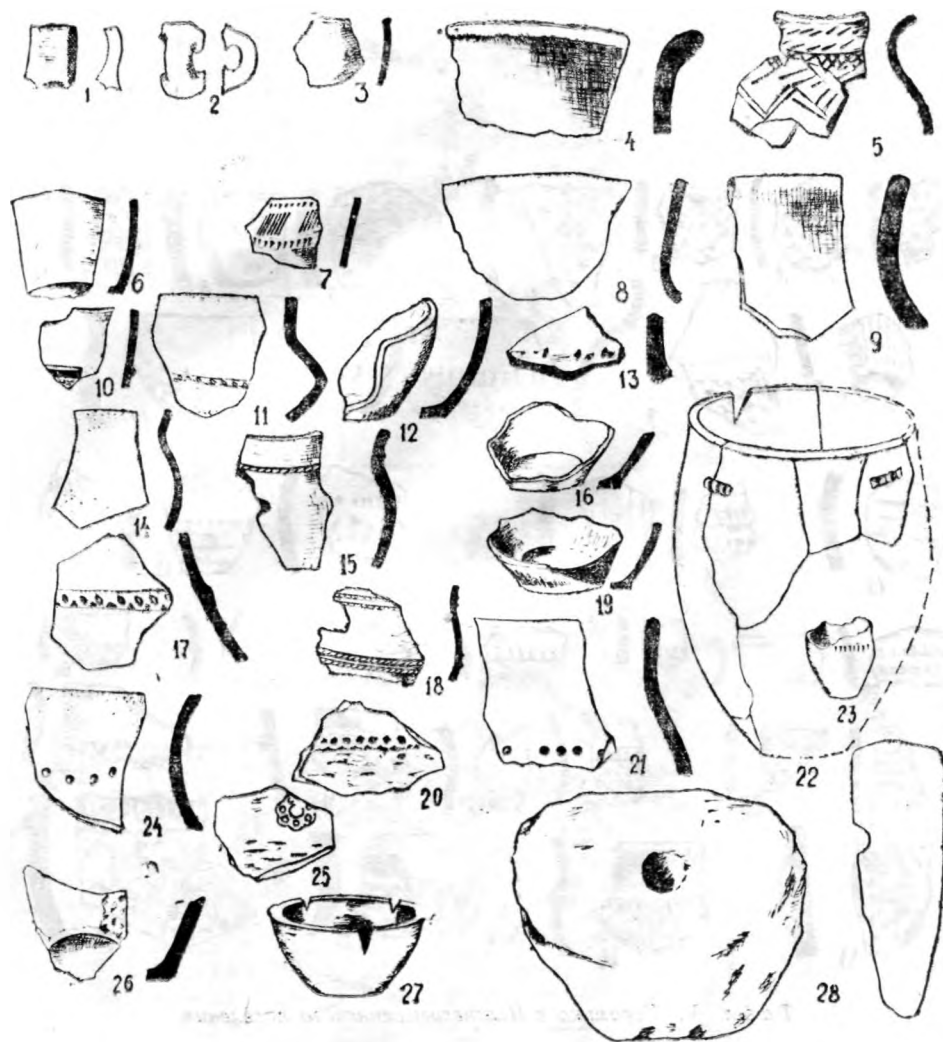

Табл. VI. Материалы раскопок Нижнесигитминского поселения.
1—27 — керамика, 28 — камень с гнездом для дверной «пята».

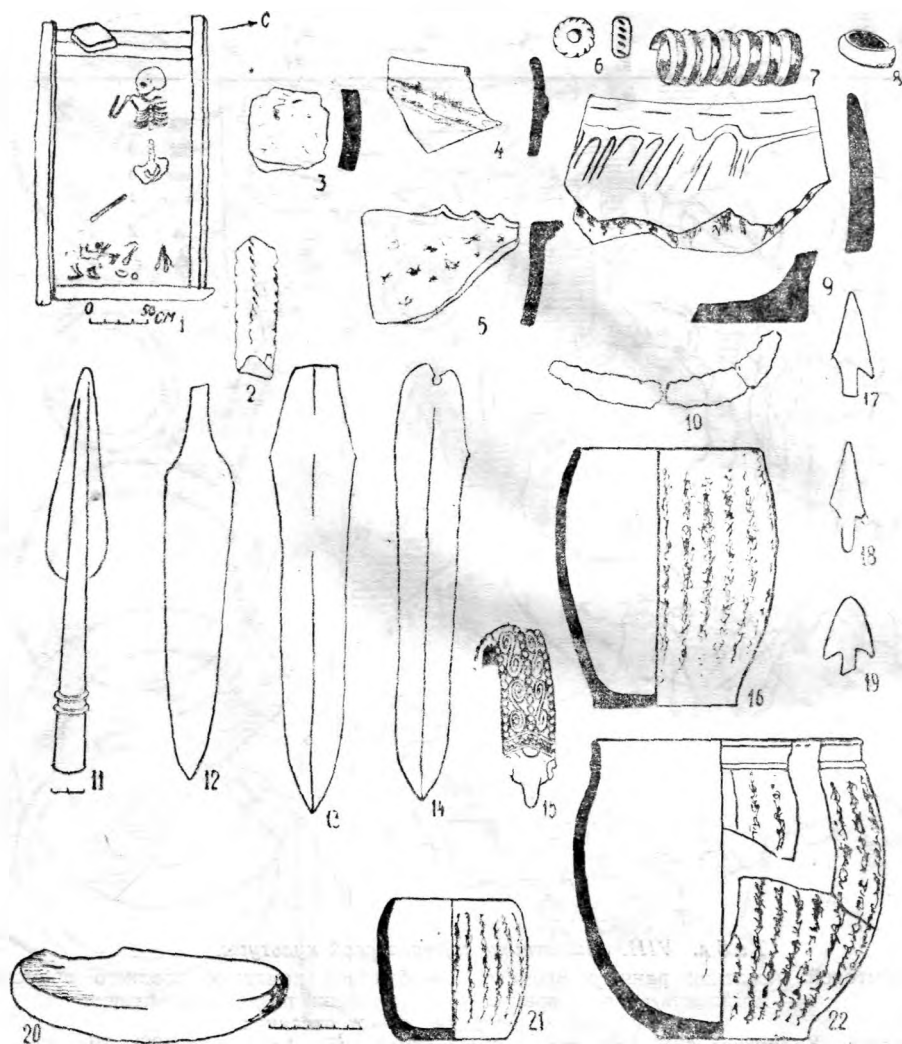

Табл. VII. Материалы Зандакского, Шахсенгерского и Акярского могильников.
 1—9 — из Акярского могильника; 10, 13, 14, 19, 22 — из Зандакского могильника; 11 —
 из Дагестанского краеведческого музея; 12 — из Кулинского могильника; 15 — из
 окрестностей г. Хасавюрта; 16—18, 21 — из Шахсенгерского могильника; 20 — из Ниж-
 несигитлинского поселения.

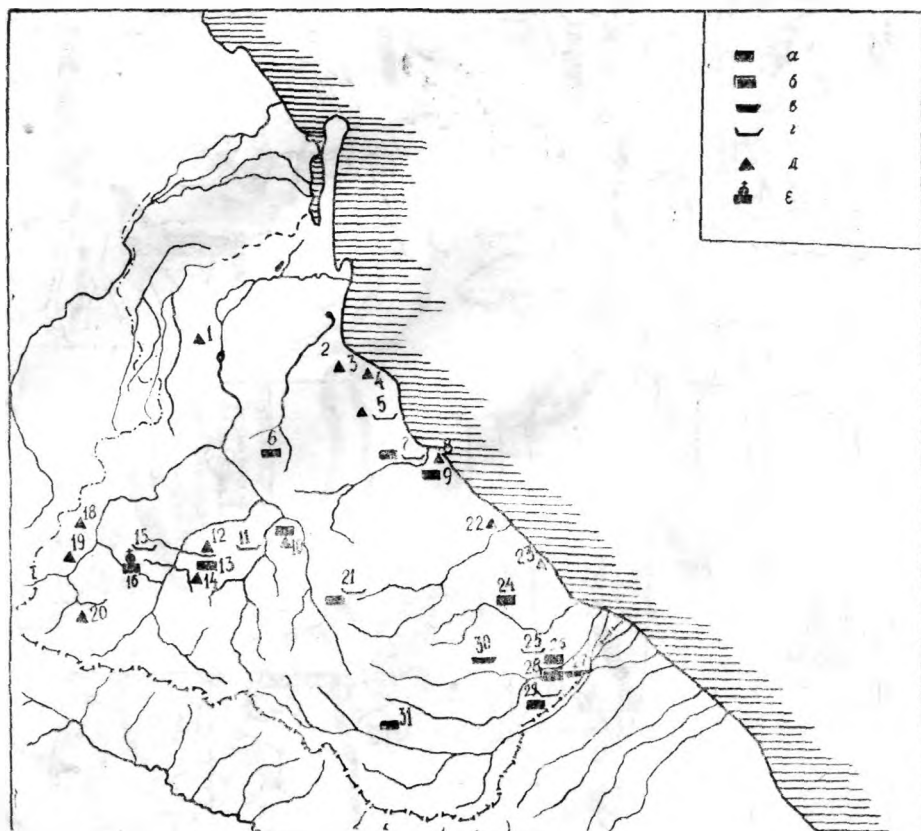

Табл. VIII. Памятники мугерганской культуры.

а — бытовой памятник раннего времени, б — бытовой памятник позднего времени,
в — могильник раннего времени, г — могильник позднего времени,
д — случайная находка, е — жертвенник.

Городища Калинское (3), Аркаское (6), Урпекское (7), Аральское (26), Шамшахарское (9); поселения Гургурраальское (10), Пенжинское (24), Цмурское (28), Макинское (29); могильники Карабудахкентский № 4 (5), Хабадинский (11), Каратинский (15), Шаракурский (25), Мугерганский (27), Макинский (29); наконечники стрел из Алмало (2), Тарнаира (3), Тарки (4), Карабудахкента (5), Избербаша (8), Каякента (22), Дербента (23), поясной крюк из Хасавюрта (1); статуэтки из Кахиба (12), Гидиб (13), Арчо (16), Гагатель (18), Гинди (19), Цунтинского района (20).

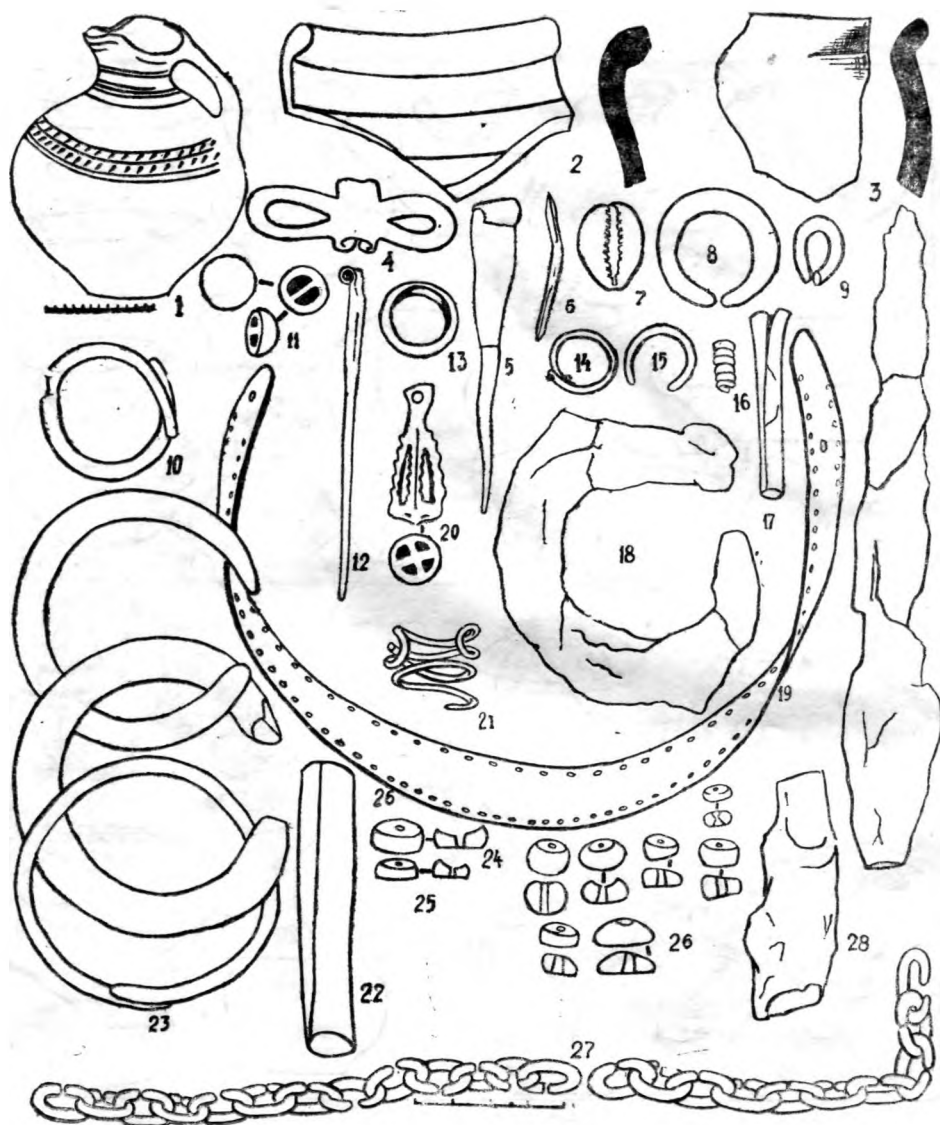

Табл. IX. Материалы раскопок 1963 года Мугерганского могильника.

1—3 — кувшин и обломки горшков; 4, 5, 12 — головные булавки; 6 — шило; 7 — раковина «каури»; 8, 9, 14, 15, 21 — височные привески; 10, 11, 13 — поясной набор; 16, 17, 22 — наконечники; 18, 23 — браслеты; 19 — налобная лента; 20 — подвеска; 24—26 — бусы; 27 — цепь; 28 — наконечник копья; 1—3 — керамика; 4—6, 8—17, 19—23, 27 — бронза; 18, 28 — железо; 24—26 — сердолик.

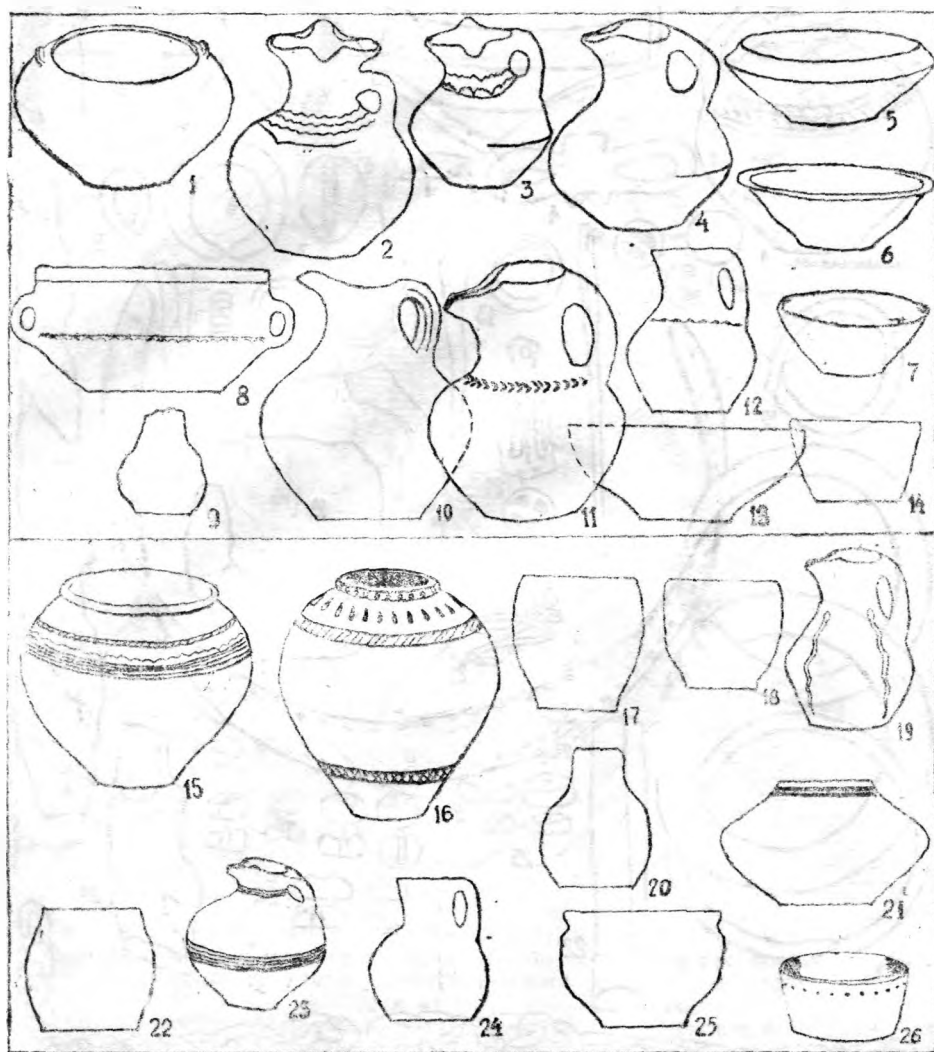
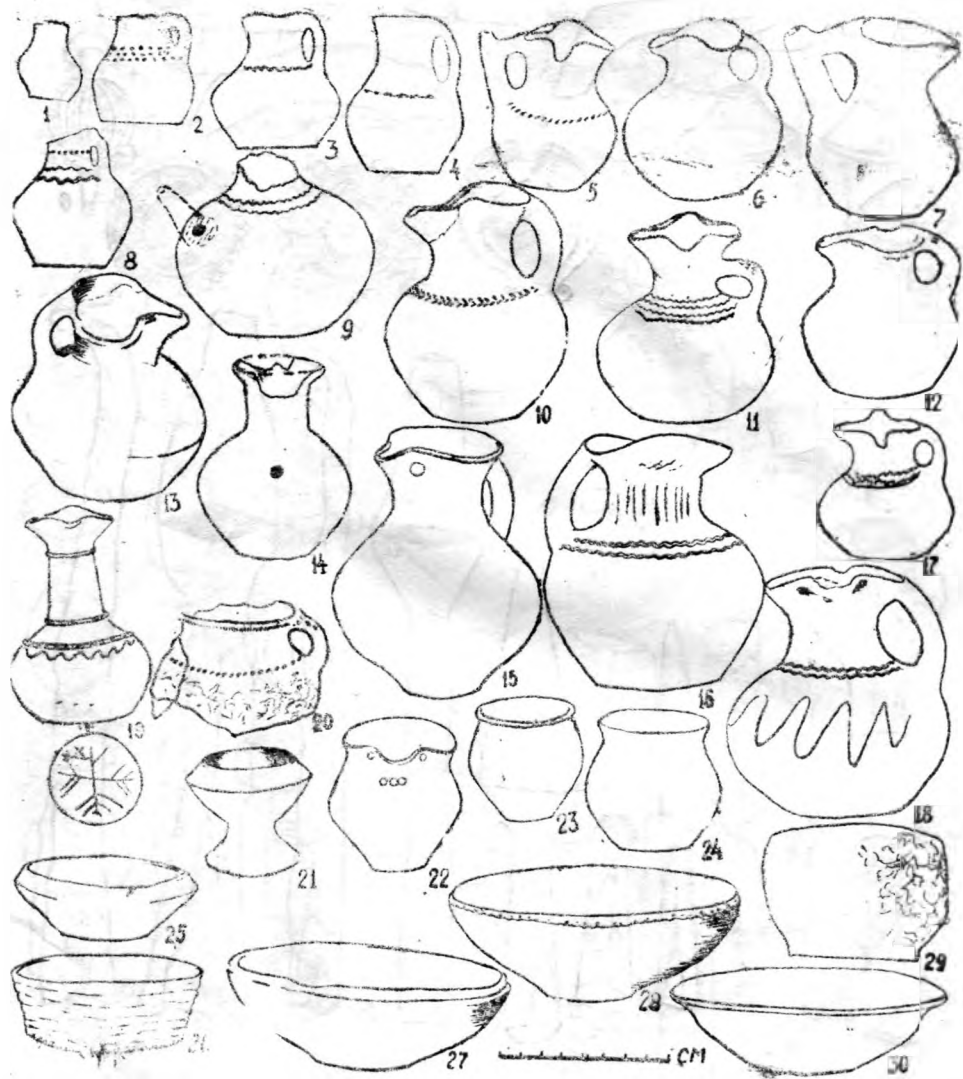

Табл. X. Формы сосудов мугерганской культуры.

1, 10 — из Хабадинского могильника; 2—7, 9, 11—13 — из Шаракунского могильника,
8 — из Урдекского могильника, 15—26 — из Мугерганского могильника.

Т а б л. XI. Керамика Шаракунского могильника.

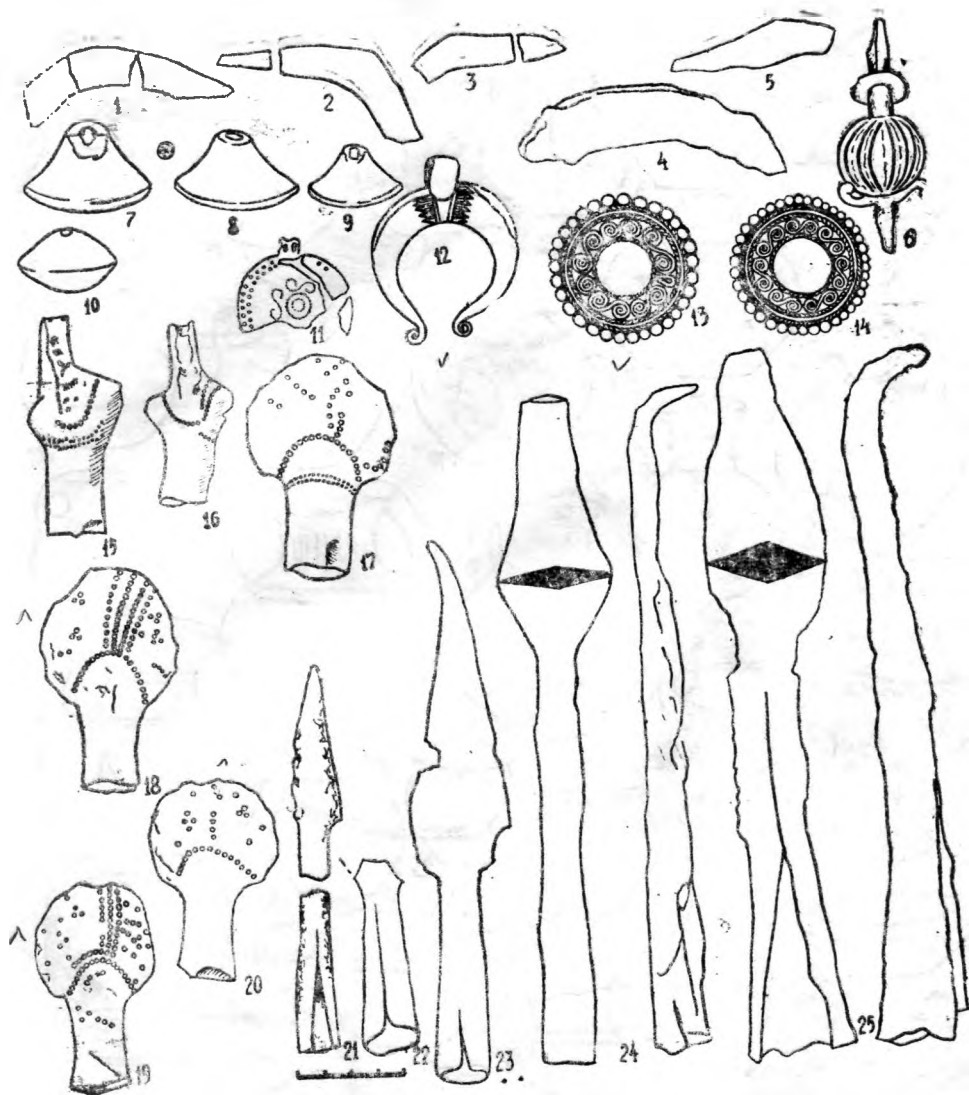

Табл. XII. Орудия труда, оружие, украшения и культовые изделия Шаракунского могильника.

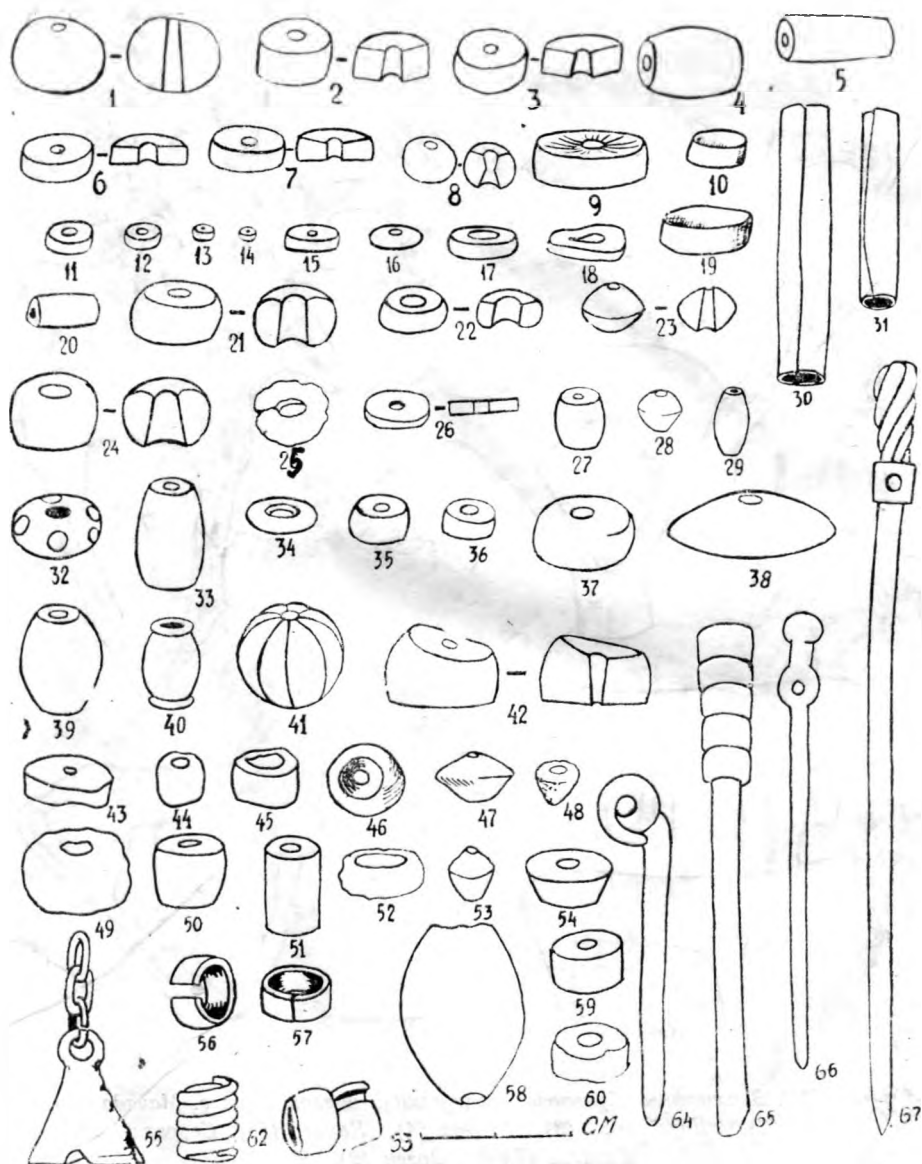

Табл. XIII. Украшения из Шаракунского могильника
1—29, 32—54; 56—60, 63 — бусы; 30, 31 — накосники, 64—67 — головные булавки.

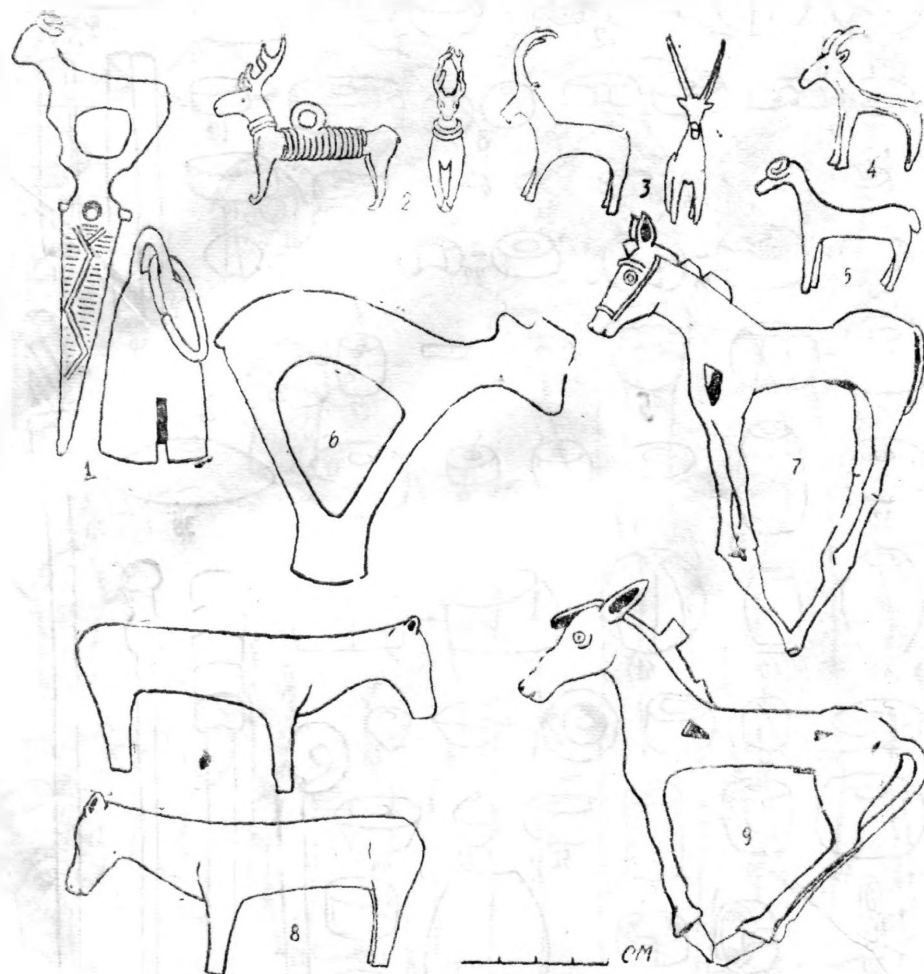

Табл. XIV. Зооморфные бронзовые статуэтки и напершия из с. Мачада (1), Хунзаха (2), «Дагестана» (3), Беледи (4), Карата (5), Согратль (6), Гаталь (7), оз. Орзен (9).

Табл. XV. Мужские статуэтки.

1, 7, 8 — из культового места Берка около сел. Арчо Ахвахского района (1 — хранится в отделе первобытной культуры, инв. № 2169—15; 8 — хранится там же, инв. № 2163—14, 7 — по А. П. Круглову); 2 — из культового места Кидила-Шан Цунтинского района (по И. В. Мегрелидзе); 3 — из сел. Тисси (хранится в ГИМ); 4—6 — из «Андийского округа» (по И. И. Пантюхову).

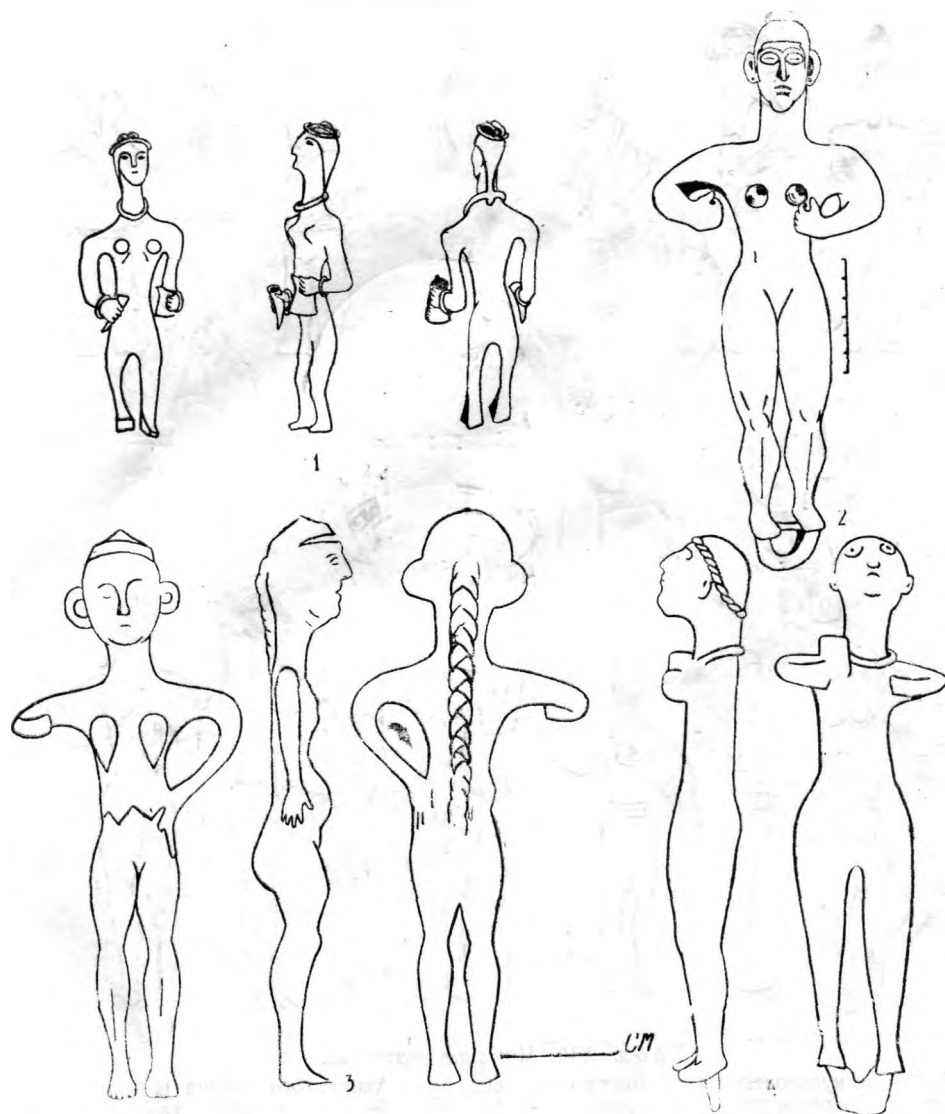

Табл. XVI. Женские статуэтки.

1 — «из Дагестана» (хранится в Первобытном отделе ГЭ, инв. № 1782 — 8); 2 — из сел. Согратль Гунибского района (хранится в Дагмузее); 3, 4 — приобретены у жителя Кубачи (хранится в ГИМ, 4 — по А. Захарову).

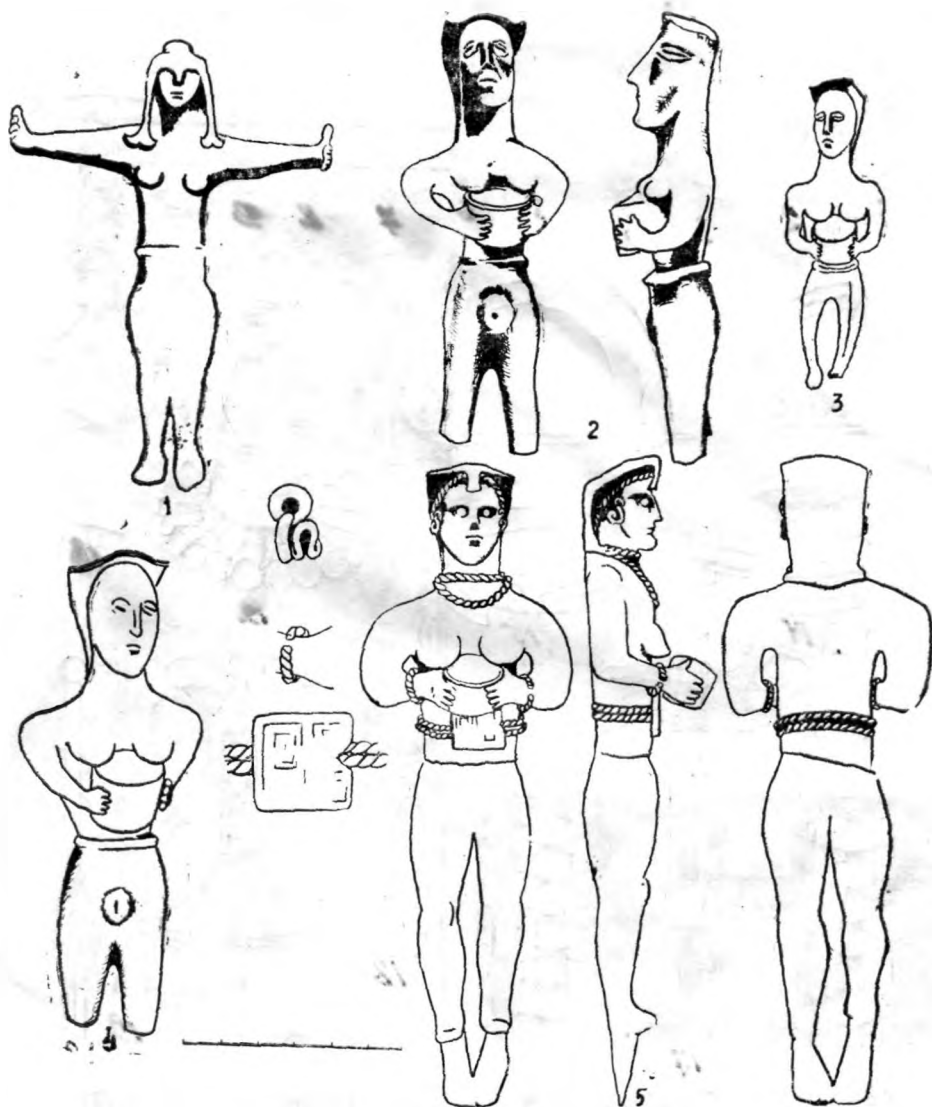
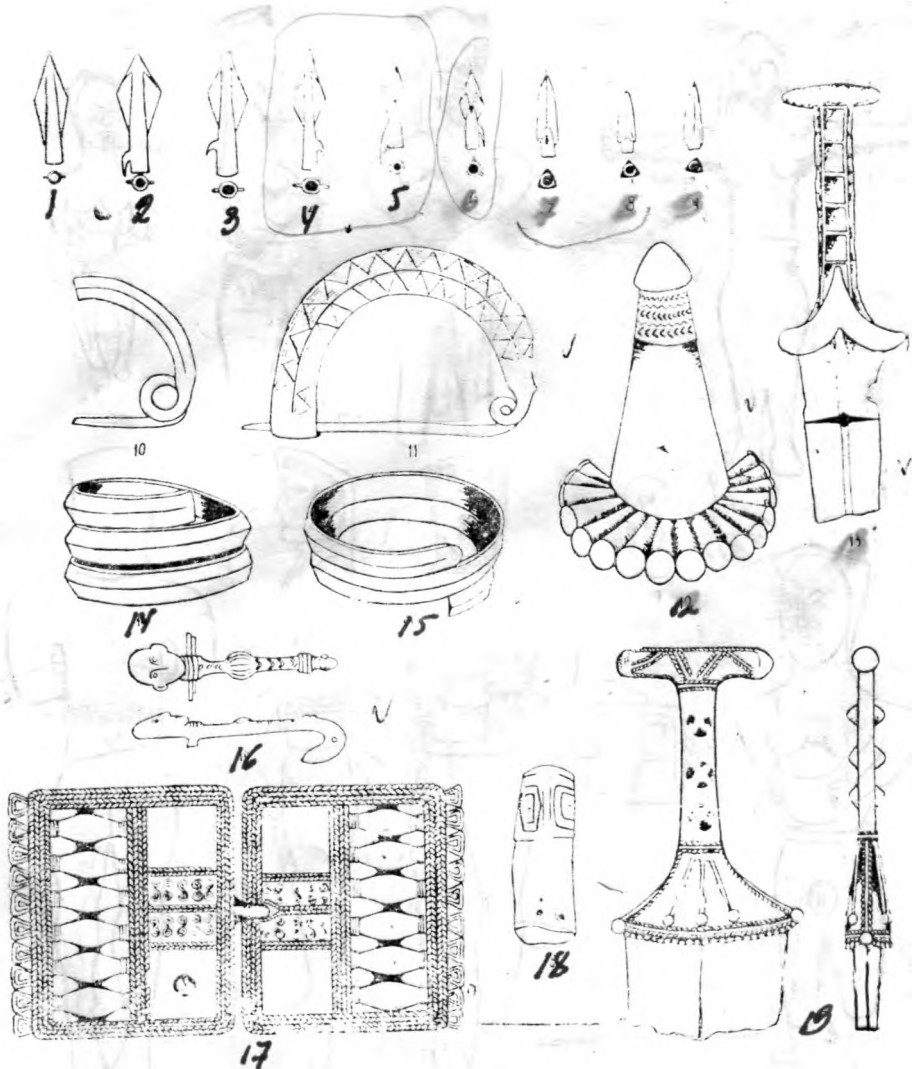

Табл. XVII. Женские статуэтки.

1 — «из Дагестана» (по Б. А. Куфтину); 2 — куплен у жителя сел. Кубачи (по А. Захарову); 3 — из Цумадинского района в ИИЯЛ доставлен В. Г. Котовичем; 4 — из сел. Согратль Гунибского района; 5 — из сел. Тинди Цумадинского района (хранится в ГИМ).

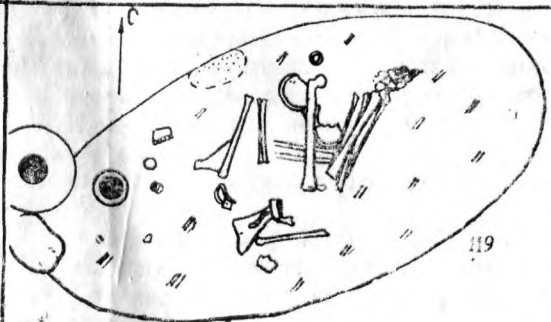
Т а б л. XVIII. Случайные находки из Карабудахкента (1). Дербента (3),
Гарнаира (4, 6), Каякента (5), Избербаша (7, 8), Бавтугая (9), Карата (10, 12, 14),
Согратля (11, 13, 15, 17), Хасавюрта (16), Мугергана (18), Куга (19).

ВРЕМЯ

VII - IV вв до н.э.

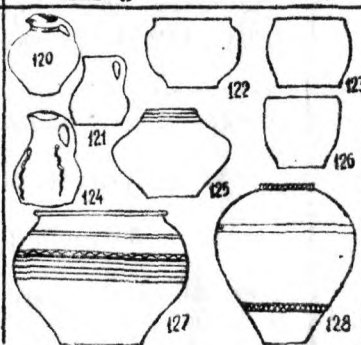
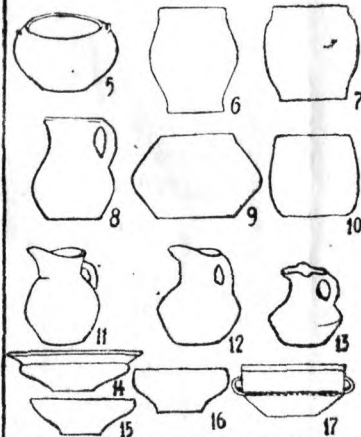
IX - VII вв до н.э.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

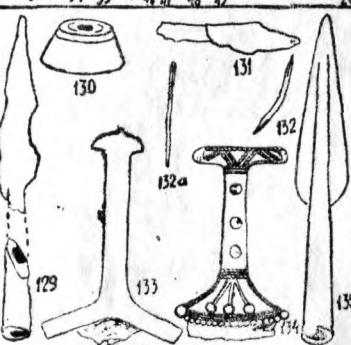
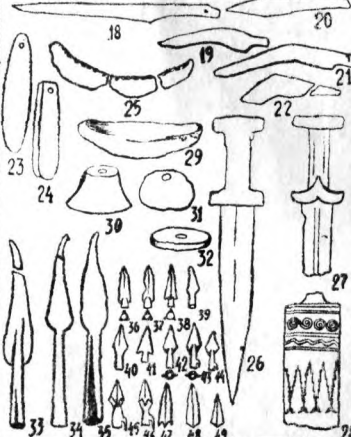

ИНВЕНТАРЬ

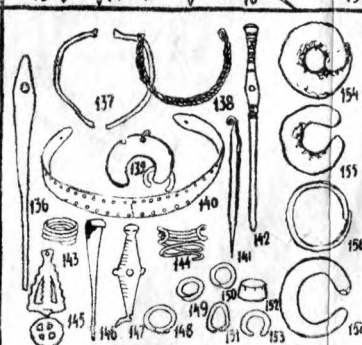
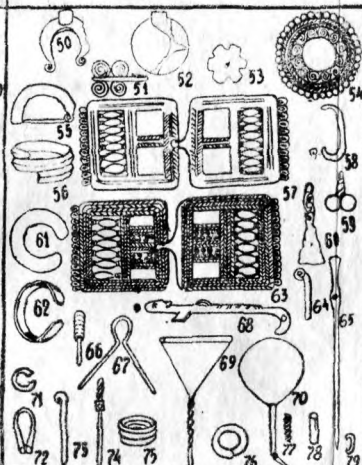
КЕРАМИКА

ОРУДИЯ ТРУДА И ОРУЖИЕ

УКРАШЕНИЯ

КОНСКИЙ ИНВЕНТАРЬ И КУЛЬТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

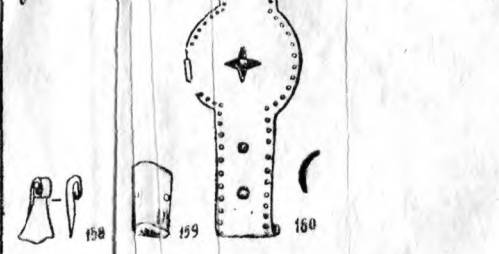
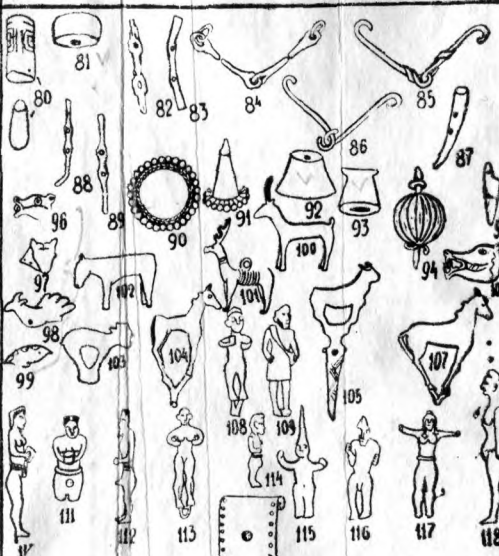

Табл. XIX. Сводная таблица мугерганской культуры.

instituteofhistory.ru

СОКРАЩЕНИЯ

АЭС — Археолого-этнографический сборник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

ВДИ — Вестник древней истории.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГМГрузии — Государственный музей Грузинской ССР.

ГЭ — Государственный эрмитаж.

ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция.

ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии.

ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры.
Известия Азкомстариса — Известия Азербайджанского комитета охраны памятников старины, искусства и природы.

ИКИАИ — Известия Кавказского историко-археологического института.

ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.

ИИРГО — Известия Императорского русского географического общества.

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.

МАД — Материалы по археологии Дагестана.

МАК — Материалы по археологии Кавказа.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МКА — Материальная культура Азербайджана.

ОАК — Отчет Археологической комиссии.

ИИМК — Проблемы истории материальной культуры.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы.

СА — Советская археология.

Сб. тр. ЧИНИИ ИЯЛ — Сборник трудов Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

СКАЭ — Северо-Кавказская археологическая экспедиция.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея.

Тр. МАО — Труды Московского археологического общества.

Тр. V АС — Труды V археологического съезда.

УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы.

УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.

ESA — *Eurasia Septentrionalis antiqua*, Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	7
Глава I. Географический очерк Дагестана	9
Глава II. История археологического изучения Дагестана эпохи раннего железа	14
Глава III. Материальная культура	27
Глава IV. К вопросу об основах хозяйства, общественных отношений и духовной культуры	111
Заключение	135
Приложения	137
Таблицы	169
Сокращения	189

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Омар Маллаевич Давудов

КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Редактор издательства Е. И. Чернигова.

Тех. редактор М. К. Гимбагов.

Сдано в набор 10-VII-1974 г. Подписано в печать 19-XI-1974 г.
Формат 70×90^{1/16}. Объем 12 в. л. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 12,6. С 01636.
Тираж 1000. Заказ 231. Цена 92 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 92 коп.